"Мишель Уэльбек - Карта и территория (La carte et le territoire)"

Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
Topreading.ru

Мишель Уэльбек

Карта и территория (La carte et le territoire)

***

Мир наскучил мне,

и я наскучил миру.

Шарль Орлеанский

Джефф Кунс привстал, вдохновенно взмахнув руками. Напротив него, на белом кожаном диване с небрежно наброшенными шелками, сидит, скрючившись, Дэмиен Херст и, судя по всему, собирается ему возразить; он мрачен, лицо налилось кровью. Они оба в черных костюмах – у Кунса в тонкую полоску, – белых рубашках и черных галстуках. Между ними на журнальном столике стоит вазочка с цукатами, но ни тот, ни другой не обращают на нее ни малейшего внимания; Херст потягивает «Бад лайт».

Позади них в огромном окне виднеются, насколько хватает глаз, высоченные многоэтажки, поистине вавилонское столпотворение гигантских прямоугольников; ночь светла, прозрачен воздух. Это может быть какой-нибудь Катар или Дубай; обстановка в комнате навеяна на самом деле рекламной фотографией отеля «Эмирейтс» в Абу-Даби из немецкого глянцевого журнала.

Лоб Джеффа Кунса слегка поблескивал, и Джед, затушевав его, отступил на три шага. Нет, Кунс никак ему не давался. А вот уловить суть Херста не так уж и трудно: его можно изобразить брутальным циником, типа «загреб бабла, насрать на всех», либо этаким художником-бунтарем (опять же при деньгах), разрабатывающим в своем творчестве тревожную тему смерти; кроме того, в его багрово-красном, тяжелом лице было что-то донельзя английское, как у среднестатистического фаната «Арсенала». Короче, чего в нем только не было, но все его разнообразные черты легко складывались в целостный и вполне удобоваримый портрет британского художника, типичного представителя своего поколения. Тогда как в Кунсе ощущалась некая двойственность, непреодолимое противоречие между кондовой продажностью товароведа и экзальтацией истинного аскета. Последние три недели Джед то и дело подправлял выражение его лица, – Кунс вставал, вдохновенно взмахнув руками, будто пытался что-то доказать Херсту; написать мормона-порнографа и то было бы легче.

Джед насобирал массу фотографий Кунса, снятого в одиночестве, а также в обществе Романа Абрамовича, Мадонны, Барака Обамы, Боно, Уоррена Баффета, Билла Гейтса… Но повсюду на него смотрел все тот же продавец кабриолетов «шевроле» – почему-то именно в этом образе Кунс решил явить себя миру, – одним словом, в этих снимках не было ровным счетом ничего индивидуального, ну как тут не выйти из себя, впрочем, фотографы давно выводили Джеда из себя, особенно великие фотографы, претендующие на то, что они открывают правду о своих моделях; как же, открывают они, просто встают столбом перед носом жертвы и знай себе строчат аппаратом, что-то неустанно кудахча и делая сотни снимков на авось, из которых потом выбирают наименее гадкие, вот как поступают все без исключения так называемые великие фотографы, и Джед, будучи знаком кое с кем из них, ничего кроме презрения к ним не

испытывал, полагая, что они ничуть не креативнее фотоавтомата.

В кухне, за его спиной, вдруг отрывисто защелкал водонагреватель. Джед замер в ужасе. На дворе было уже 15 декабря.

***

Год назад, приблизительно в это же время, злополучный нагреватель точно так же защелкал, после чего окончательно заглох. Температура в мастерской довольно быстро упала до трех градусов. Джеду удалось немного поспать, вернее – подремать, но он постоянно просыпался. Около шести утра он использовал последние литры горячей воды в бойлере, чтобы кое-как умыться, и сварил себе кофе в ожидании мастера из фирмы «Сантех для всех», – они обещали прислать кого-нибудь рано утром.

На своем интернет-сайте «Сантех для всех» заверял, что «с гордо поднятой головой шагнул в третье тысячелетие»; для начала они могли бы приходить вовремя, буркнул Джед часов в одиннадцать, слоняясь взад-вперед по комнате в тщетных попытках согреться. Он как раз заканчивал портрет отца под рабочим названием «Архитектор . Жан-Пьер Мартен оставляет пост главы компании»; при такой температуре, само собой, верхний слой краски будет сохнуть слишком долго. Джед собирался, как всегда, поужинать с отцом в рождественский вечер и рассчитывал за две оставшиеся недели закончить картину; но если сантехник не явится, то у него ничего не выйдет. Честно говоря, в метафизическом смысле это не имело никакого значения, он совершенно не собирался дарить картину отцу, достаточно будет просто показать ее; почему вдруг, ни с того ни с сего, это стало ему так важно? Он явно был уже на пределе, видно, переоценил себя, взявшись разом за шесть картин, и вот уже несколько месяцев пахал как проклятый, куда это годится.

Часам к трем он решил снова набрать «Сантех для всех»; там было глухо занято. Ему удалось дозвониться до них только в шестом часу; сотрудница отдела обслуживания отнекивалась, сваливая все на рост числа срочных вызовов с наступлением сильных морозов, но поклялась во что бы то ни стало направить ему мастера завтра утром. Джед повесил трубку и забронировал номер в отеле «Меркюр» на бульваре Огюста Бланки.

Следующий день он полностью посвятил ожиданию слесаря из «Сантеха для всех», а также его коллеги из фирмы «Сантех без помех», с которой он договорился в промежутке. В «Сантехе без помех» ему посулили соблюдение исконных традиций «высокой сантехники», но прийти вовремя тоже не сподобились.

На картине Джеда его отец, с мученической улыбкой подняв бокал, стоит на возвышении перед полусотней сотрудников своей архитектурной фирмы. Прощальный банкет проходит в просторном, тридцать на двадцать, open space с белыми стенами. Свет проникает сквозь стеклянный потолок. Графические станции соседствуют тут с объемными макетами текущих проектов. Среди присутствующих преобладают юноши с хакерской внешностью, асы моделирования в 3D. У самого подиума выстроились полукругом три архитектора лет сорока. Строго следуя композиции, списанной с малоизвестной картины Лоренцо Лотто, они избегают смотреть друг на друга, пытаясь, напротив, поймать взгляд отца; зрителю сразу становится очевидно, что каждый из них надеется сменить его на должности главы компании. Отец же глядит куда-то поверх их голов, в его глазах читается желание в последний раз собрать вокруг себя свою команду и разумная вера в будущее, но, главное – безысходная боль. Ему больно покидать любимое детище, которому он отдал лучшие годы, больно сознавать неизбежное;

перед нами явно конченый человек.

Во второй половине дня Джед раз десять пытался прозвониться в «Водопрофи», но не тут-то было. В режиме ожидания ему запускали радиостанцию Skyrock, тогда как в «Сантехе без помех» отдавали предпочтение «Юмору и шансону».

Часам к пяти вечера он добрался до отеля. На бульваре Огюста Бланки сгущались сумерки; бомжи разожгли костер на боковой аллее.

Последующие дни прошли приблизительно в том же духе: Джед исправно набирал номера предприятий по ремонту сантехники, его тут же переключали на режим ожидания и он послушно ожидал, коченея возле картины, которая ни за что не желала сохнуть.

Спасение нарисовалось утром 24 декабря в образе хорватского водопроводчика, живущего по соседству, на улице Стефена Пишона, – Джед совершенно случайно заметил его табличку, возвращаясь из «Меркюра». Да не вопрос, он может прийти, хоть сейчас. Невысокий темноволосый парень с тонкими правильными чертами бледного лица и усиками в стиле бель ток был чем-то похож на Джеда; не считая усиков, само собой.

Войдя в квартиру, он тут же принялся осматривать колонку. Не торопясь, снял переднюю крышку с регуляторов, пробежался ловкими пальцами по сложному сплетению трубок. Порассуждал о клапанах и сифонах. Он вообще производил впечатление человека, глубоко знающего жизнь.

Потратив минут пятнадцать на тщательный осмотр агрегата, он вынес следующий вердикт: починить-то можно, худо-бедно он его подправит, делов-то на пятьдесят евро, о чем говорить. Конечно, это будет чистая халтура, а не ремонт, но пару месяцев продержится, а то и лет, как повезет, но за большее он не ручается; да и неуместно было бы делать ставку на долголетие данного отопительного прибора.

Джед вздохнул, признавшись, что чего-то в этом роде и боялся. Он хорошо помнил тот день, когда, девять лет назад, решился на покупку этой квартиры; самодовольный коротышка риелтор, расхваливая на все лады феноменальное освещение, не скрывал при этом необходимость кое-какой «косметики». Джед подумал тогда, что лучше бы он сам стал агентом по недвижимости или гинекологом.

И без того радушный коротышка пришел буквально в экстаз, узнав, что Джед художник. Впервые, воскликнул он, ему посчастливилось продать мастерскую художника настоящему художнику\ Джед испугался, что тот заявит сейчас о своей солидарности с настоящими художниками, обрушившись на буржуазно-богемных козлов и прочих обывателей того же пошиба, которые взвинчивают цены, перекрывая таким образом настоящим художникам доступ в мастерские художников, а что поделать, против рынка не попрешь, сами понимаете, впрочем, меня это не касается… но, слава богу, обошлось, коротышка риелтор просто скинул ему десять процентов, на что он, очевидно, и так был готов пойти, слегка поторговавшись для виду.

«Мастерская художника», не будем обольщаться, являла собой чердак со стеклянным потолком, отличным, надо отдать ему справедливость, потолком, и невразумительными удобствами, которых едва хватало даже Джеду, чьи потребности в личной гигиене были весьма ограниченными. Но вид из окна был выше всяких похвал: за площадью Альп тянулся бульвар Венсена Ориоля с наземной линией метро, проступавшей на фоне высоких четырехгранных крепостей, возведенных в середине семидесятых: они выглядели пощечиной изысканному

парижскому пейзажу, но именно их Джед ставил превыше всего в Париже, с архитектурной точки зрения.

Хорват закончил работу и положил в карман причитающиеся ему пятьдесят евро. Он не предложил Джеду выписать счет, да тот на это и не рассчитывал. Не успел он выйти, как снова забарабанил в дверь. Джед высунулся узнать, в чем дело.

– Кстати, месье, – сказал хорват. – Поздравляю вас с Рождеством. Я только хотел поздравить вас с Рождеством.

– Ну да, – смущенно отозвался Джед. – Вас также. И тут до него дошло, что с такси возникнут проблемы. Как и следовало ожидать, компания «С ветерком» наотрез отказалась везти его в Ренси, а «На всех парах» согласились, так и быть, добросить его до вокзала, ну, в крайнем случае, до мэрии, ну уж точно не до самого «Городка Кузнечиков». «Меры предосторожности, месье…» – прошелестел его собеседник с легким упреком. «Мы обслуживаем только абсолютно безопасные участки», – сообщили ему в свою очередь в «Автомобилях Фернана Гарсена» с хорошо отрепетированным сожалением. Мало-помалу в Джеде просыпалось чувство вины – ну что, правда, ему взбрело в голову провести рождественский вечер на таком непотребном участке, как «Городок Кузнечиков», – и он по привычке мысленно попрекнул отца за упрямое нежелание съезжать из своего добротного особняка с огромным парком, который, по воле движения народных масс, незаметно очутился в самом центре проблемного пригорода, попавшего с некоторых пор под неусыпный контроль местной братвы.

Джеду пришлось укрепить каменную ограду, надстроить ее сеткой под током и установить систему видеонаблюдения с прямой передачей сигнала в полицейский участок, и все это ради того, чтобы отец мог безбоязненно гулять в гордом одиночестве по двенадцати комнатам, хотя прогреть их не представлялось возможным, и за исключением Джеда, не пропускавшего рождественский ужин, там никто никогда не появлялся. Ближайшие магазинчики уже давно приказали долго жить, ходить пешком по соседним улицам не рекомендовалось, да, собственно, и на машины тут, бывало, нападали, когда те притормаживали на красный свет. Мэрия Ренси прислала отцу домработницу – вздорную злобную сенегалку по имени Фатти, которая взъелась на него с первого же дня, отказывалась менять постельное белье чаще, чем раз в месяц, да и подворовывала, как пить дать, делая покупки.

Тем временем в мастерской немного потеплело. Джед сфотографировал недосохшую картину, хоть что-то можно будет предъявить. Он скинул брюки и свитер, сел по-турецки на лежащий прямо на полу узкий матрас, заменявший ему кровать, и закутался в одеяло. Постепенно замедляя дыхание, он воображал себе неторопливый, ленивый плеск волн в тусклых сумерках, пытаясь по мере сил обрести спокойствие духа и подготовиться к очередному Рождеству в обществе отца.

Это медитативное упражнение принесло свои плоды, и вечер прошел если не спокойно, то нейтрально, чуть ли не дружелюбно; на большее он уже давно и не надеялся.

На следующее утро, часов в семь, полагая, что здешние отморозки тоже отмечали Рождество, Джед отправился пешком на станцию и благополучно доехал до Восточного вокзала.

***

Отремонтированный нагреватель продержался целый год и сейчас впервые скуксился. Картина «Архитектор Жан-Пьер Мартен оставляет пост главы компании» давно была

закончена и дожидалась в запасниках галериста персональной выставки Джеда, которую им никак не удавалось организовать. Жан-Пьер Мартен сам решил – к величайшему изумлению сына, который давно уже отказался от мысли уговорить его, – переехать под Париж, в Булонь, в дом престарелых с медицинским обслуживанием. В этом году их традиционный рождественский ужин должен был состояться в ресторане «У папы» на авеню Боске. Джед польстился на рекламное объявление в «Парископе»*, обещавшее традиционную кухню по старинке, и, надо сказать, они в общем и целом сдержали слово. Полупустой зал был уставлен Дедами Морозами и елочками в гирляндах. Группки пожилых людей, а то и совсем стариков, основных посетителей этого заведения, усердно, добросовестно и с каким-то даже остервенением пережевывали блюда традиционной кухни. В меню значились кабан, молочный поросенок и индюшка; на десерт, само собой, полагалось сладкое «полено» по старинке, а вежливые и незаметные официанты действовали бесшумно, словно в реанимации ожогового отделения. Джед не мог не признать, что свалял дурака, пригласив отца в такой ресторан. Этот сухой, обстоятельный человек с вытянутым аскетическим лицом, судя по всему, никогда не умел наслаждаться трапезой, и даже в те редкие дни, когда они обедали вместе в городе, если, например, Джед хотел повидаться с ним недалеко от офиса, отец всегда вел его в один и тот же суши-бар. Что за бредовое, а главное – бессмысленное стремление к слиянию в гастрономическом экстазе, все, поезд ушел, и еще неизвестно, случались ли когда-нибудь в жизни отца такие посиделки, учитывая, что его супруга ненавидела готовить. Но Рождество есть Рождество, и потом, какие варианты? Отец стал равнодушен к одежде, почти ничего не читал и вообще, казалось, уже мало чем интересовался. Он, если верить директрисе дома престарелых, «принимал посильное участие в жизни коллектива», иными словами, перевел Джед, более или менее ни с кем не общался. В данный момент отец старательно жевал молочного поросенка с таким выражением, будто это был кусок резины, не проявляя ни малейшего желания нарушить затянувшееся молчание, так что Джед, словно в бреду (зря он взял гевюрцтраминер к устрицам, он сообразил это в ту минуту, когда заказал бутылку, от белого вина у него вечно путались мысли), пытался лихорадочно изобрести нечто, что могло бы, пусть отдаленно, сойти за тему для разговора. Был бы он женат, была бы у него хотя бы спутница жизни, ну просто какая-никакая подружка, все бы прошло великолепно, женщины лучше мужчин управляются с семейными междусобойчиками, в каком-то смысле это их конек, ведь даже если в реальности детей нет, они все равно потенциально имеют место быть, брезжат, так сказать, на горизонте, а старики интересуются внуками, это общеизвестно и как-то связано с природными циклами или с чем-то там еще, одним словом, в их старческой голове проклевывается некое чувство, в сыне отец умирает, понятное дело, а вот дед во внуке возрождается или берет благодаря ему реванш, короче, всего этого с лихвой хватило бы уж по крайней мере на рождественский ужин. Джед порой подумывал о том, чтобы нанять на вечер девушку из эскорт-услуг и разыграть одноактный спектакль, кратко проинструктировав ее за пару часов до встречи, отец ведь никогда особо не интересовался подробностями чужой жизни, как, впрочем, и большинство мужчин.

* «Парископ» – еженедельный журнал, гид культурной жизни и развлечений в Париже. (Здесь и далее – прим. перев.)

В романоязычных странах для диалога мужских особей среднего и пожилого возраста вполне хватает политики; иногда, в низших слоях общества, ее заменяет спорт. А вот в разговорах приверженцев англосаксонских ценностей роль политики играют скорее экономика и финансы; время от времени на выручку приходит литература. Проблема в том, что ни Джед, ни его отец не увлекались экономикой, да и политикой не очень. Жан-Пьер Мартен одобрял, в общих чертах, способ управления страной, а у его сына даже не было своего мнения на этот счет; с горем пополам они все же дотянули, перемыв косточки всем министерствам по очереди, до тележки с сырами.

При виде сыров отец слегка оживился и спросил Джеда о его творческих планах. На этот раз, увы, Джед не смог разрядить атмосферу, последняя его картина, «Дэмиен Херст и Джефф Кунс делят арт-рынок» никак не желала получаться, он топтался на месте, а неведомая сила, на волне которой он продержался последние года два, сходила на нет, рассыпалась в прах, только зачем грузить отца, он-то чем может помочь, да и вообще никто ничем не может ему помочь, выслушав такого рода признание, собеседник лишь вежливо посочувствует, нет, что ни говори, человеческие отношения гроша ломаного не стоят.

– Готовлю к весне персональную выставку, – сообщил он наконец. – Но пока что мы никак не сдвинемся с мертвой точки. Франц, мой галерист, хотел бы заказать текст для каталога писателю. Он подумывает о Мишеле Уэльбеке.

– О Мишеле Уэльбеке?

– Ты слышал о нем? – удивленно спросил Джед. Ему бы и в голову не пришло, что отец может интересоваться какой-либо культурной продукцией.

– Готовлю к весне персональную выставку, – сообщил он наконец. – Но пока что мы никак не сдвинемся с мертвой точки. Франц, мой галерист, хотел бы заказать текст для каталога писателю. Он подумывает о Мишеле Уэльбеке.

– О Мишеле Уэльбеке?

– Ты слышал о нем? – удивленно спросил Джед. Ему бы и в голову не пришло, что отец может интересоваться какой-либо культурной продукцией.

– У нас в Булони есть небольшая библиотека, я взял там парочку его романов. Он хорошо пишет, мне кажется. Его приятно читать, у него довольно трезвый взгляд на общество. Он тебе ответил?

– Пока нет. – Джед мгновенно вышел из ступора. Если настолько закоснелый, так безнадежно увязший в тоскливой рутине человек, как его отец, ступивший уже одной ногой на темный путь по Долине смертной тени, – если даже он заметил существование Уэльбека, то в этом авторе наверняка что-то есть. И он поймал себя на мысли, что напрасно не надавил на него по мейлу, а ведь Франц уже не раз напоминал ему об этом. Время поджимало. Учитывая даты Art Basel и Frieze Art Fair, выставку надо было провести в апреле, самое позднее в мае, но Уэльбека же не попросишь написать текст за две недели, он все же известный писатель, мировая знаменитость, по крайней мере, так считает Франц.

Возбуждение отца улеглось, он дегустировал сен-нектер* с той же вялостью, что и молочного поросенка. Видимо, только из сострадания мы склонны приписывать старикам какое-то обостренное гурманство, пытаясь убедить себя, что хотя бы это им еще осталось, на самом же деле радости чревоугодия неумолимо угасают вместе со всем прочим. В сухом остатке – расстройство пищеварения и рак простаты.

* Сен-нектер – сорт сыра.

Слева от них три восьмидесятилетние старушки, скорбно склонившись над фруктовым салатом, похоже, отдавали дань памяти покойным супругам. Одна из них потянулась было к бокалу шампанского, но ее рука тут же упала на стол; она тяжело дышала от усилия. Через несколько мгновений старушка повторила свою попытку, но рука дрожала чудовищно, а лицо исказилось от напряжения. Джед еле сдерживался, чтобы не броситься ей на помощь, но не мог он ей

помочь, не его это было дело. Даже официант, с тревогой наблюдавший за ее манипуляциями, стоя в двух шагах от их столика, не мог ничем ей помочь; теперь она общалась с Господом напрямую. Ей было скорее за девяносто, чем за восемьдесят.

И тут, дабы сбылось реченное, подали десерт. Отец Джеда безропотно приступил к традиционному сладкому полену. Осталось потерпеть совсем немного. Когда они встречались, время текло как-то странно: хотя они не произнесли ни слова и гробовое молчание, повисшее за столом, могло лишь усилить ощущение тяжести, секунды и даже минуты проносились с поразительной скоростью. Через полчаса, – ни одна мысль так и не посетила его, – Джед проводил отца на стоянку такси. Было всего десять вечера, но он знал, что обитатели дома престарелых и так считают отца счастливчиком – ведь ему есть с кем провести пару часиков на Рождество. «Повезло вам с сыном…» – уже не раз замечали ему. Переехав в богоугодное заведение с медицинским обслуживанием, бывший пожилой человек получает наконец окончательный статус старика, оказываясь в положении ребенка, отправленного в пансион. Иногда его там навещают – и тут счастью нет предела, он исследует окружающий мир, обжирается печеньем «Пепито» и наведывается к клоуну Рональду Макдональду. Но чаще всего никто не приезжает, и бедняга уныло слоняется в опустевшем пансионе между стойками гандбольных ворот на залитой битумом площадке. И жаждет обрести свободу, воспарить.

Вернувшись, Джед обнаружил, что нагреватель отлично работает, в мастерской было тепло, даже жарко. Он скинул одежду и, растянувшись на матрасе, мгновенно уснул с восхитительно пустой головой.

***

Он внезапно проснулся посреди ночи, будильник показывал 4.43. В комнате было жарко, почти душно. Его разбудил шум нагревателя, но не привычные сухие щелчки, а долгое, низкое, почти инфразвуковое гудение. Он резким движением распахнул заиндевевшее окно на кухне. В комнату ворвался ледяной воздух. Шестью этажами ниже рождественскую ночь нарушали поросячьи похрюкивания. Он тут же захлопнул окно. Скорее всего, во двор забрались бомжи; утром они устроят пир горой из остатков праздничного ужина, собранных по всем помойкам. Никто из жильцов не решится вызвать полицию, чтобы избавиться от них, Рождество все же, как ни крути. Обычно эта почетная миссия выпадала в итоге на долю дамы лет шестидесяти со второго этажа. Дама красила волосы хной, носила свитера из ярких лоскутов, и Джед подозревал, что она психоаналитик на пенсии. Но что-то он ее не видел в последние дни, возможно, она уехала отдыхать либо скоропостижно скончалась. Теперь бомжи проторчат тут несколько дней, запах от их испражнений заполнит двор, и окно уже не откроешь. С обитателями дома они держались вежливо, даже подобострастно, но друг с другом дрались не на жизнь, а на смерть, тем, как правило, все и кончалось, и тогда ночную тишину разрывал жуткий вой, кто-нибудь вызывал «скорую», которая обнаруживала несчастного с оторванным ухом в луже крови.

Джед подошел к неожиданно смолкнувшему нагревателю и осторожно приподнял крышку панели управления. Аппарат мгновенно всхрапнул, будто почувствовал угрозу вторжения. Быстро замигал желтый индикатор неизвестного назначения. Потихоньку, миллиметр за миллиметром, Джед передвигал регулятор нагрева влево. Если что, у него сохранился телефон того хорвата; но кто знает, работает ли он еще. Ведь, по его собственному признанию, он не собирался всю жизнь «париться в сантехнике», а мечтал, «срубив бабла», вернуться к себе в Хорватию, на остров Хвар, и открыть там пункт проката водных скутеров. Заметим в скобках, что отец Джеда как раз перед выходом на пенсию участвовал в открытом конкурсе проектов по

застройке элитной курортной зоны в Стари-Граде на Хваре. Остров стал теперь престижным направлением, в прошлом году там засветились даже Шон Пенн и Анджелина Джоли, и Джед испытал какую-то смутную горечь, чисто по-человечески пожалев, что этот мастер вынужден будет променять благородное ремесло сантехника на прокат дурацких трескучих агрегатов разным козлам с улицы Фезандери, у которых денег как грязи.

«Хвар. Что посмотреть?» – вопрошал интернет-сайт острова и сам же отвечал на поставленный вопрос: " Прогуляйтесь по благоухающим лавандовым полям, чей аромат разносится над островом, полюбуйтесь гармонией неповторимых пейзажей с вековыми оливами и виноградниками. Отведайте местную кухню в уютной канобе (таверне), зачем вам роскошные рестораны, вкусите простого местного вина вместо шампанского, спойте народную песню островитян, и отдых на о. Хвар оставит незабываемые положительные эмоции в Вашей памяти!"

Вот на что, значит, повелся Шон Пенн, и Джед представил себе мертвый сезон, еще теплый октябрь, и бывшего сантехника, мирно восседающего за столом перед тарелкой ризотто с морскими гадами, – нет, его выбор можно понять и даже простить.

Джед нехотя подошел к «Дэмиену Херсту и Джеффу Кунсу», стоявшим на мольберте посреди мастерской, и его снова охватило недовольство собой, еще более горькое. Он вдруг почувствовал, что голоден, – странное дело, ведь они с отцом поужинали по полной программе, с закусками, сыром и десертом, но ему хотелось есть, к тому же он задыхался, так тут стало душно. Джед вернулся на кухню, открыл банку каннеллони в соусе и проглотил их один за другим, мрачно поглядывая на злополучную картину. Кунсу не хватало легкости, воздушности, крылышки ему пририсовать, что ли, как у бога Меркурия, – пришла ему в голову дурацкая мысль; пока что Куне, в полосатом костюме, с улыбкой торгового работника на устах, сильно смахивал на Сильвио Берлускони.

Согласно исследованию веб-портала ArtPrice, Кунс занимал второе место в рейтинге самых состоятельных художников мира; не так давно Херст, младше его на десять лет, отобрал у него пальму первенства. Что касается Джеда, то он в прошлом десятилетии удостоился пятьсот восемьдесят третьего места, будучи при этом семнадцатым среди французов. Затем, как сказали бы комментаторы велогонки «Тур де Франс», он «скатился на дно турнирной таблицы», а потом и вовсе из нее исчез. Разделавшись с каннеллони, он обнаружил бутылку с остатками коньяка на донышке. Затем врубил на полную мощность галогенный светильник, направив его прямо в центр холста. Вблизи стало ясно, что он запорол даже ночной мрак: ему не хватало той роскоши и тайны, которые рисует нам воображение при мысли о ночах Аравийского полуострова; лазурь надо было использовать, а не ультрамарин. Какую все-таки говенную картину он написал. Джед схватил мастихин и, не без усилия провертев отверстие – плотное льняное полотно поддавалось с трудом, – проколол глаз Дэмиену Херсту. Сдернув липкий холст, он одним махом разодрал его, при этом мольберт покачнулся и рухнул на пол. Слегка угомонившись, Джед остановился, внимательно посмотрел на клейкие от краски руки, допил коньяк и, вскочив обеими ногами на картину, принялся топтать ее, впечатывая в скользкий пол. Наконец он потерял равновесие и упал, пребольно стукнувшись затылком о мольберт, икнул, его вырвало, и ему сразу полегчало, свежий ночной ветерок приятно овевал лицо, и Джед блаженно закрыл глаза; похоже, он дошел до конца очередного цикла.

Часть 1 – 1

Джед уже сам не помнил, когда начал рисовать. Видимо, все дети худо-бедно рисуют, но поскольку с детьми он не общался, то не мог утверждать по этому поводу ничего

определенного. Но зато он был уверен, что начал с цветов, рисуя их карандашами в тетрадках небольшого формата.

Обычно по средам во второй половине дня, иногда еще и по воскресеньям, он наслаждался одиночеством в залитом солнцем парке, пока его приходящая няня бегала звонить очередному бойфренду. Ванессе было восемнадцать лет, она училась на первом курсе экономического факультета в университете Вильтанез департамента Сена-Сен-Дени и долгое время оставалась единственным свидетелем его первых творческих опытов. Рисунки ей нравились, она искренне говорила Джеду, что они красивые, хотя то и дело озадаченно поглядывала на него. Потому что мальчишки должны рисовать кровожадных чудищ, свастики и истребители (самые продвинутые – пиписьки и женские гениталии). Но уж никак не цветочки.

Джеду даже в голову не могло прийти, как, собственно, и Ванессе, что цветы – это просто-напросто половые органы, украшающие поверхность мира пестрые вагины, отданные на растерзание похотливым насекомым. Создается впечатление, что насекомые и люди – тоже своего рода животные – постоянно к чему-то стремятся, быстро и целеустремленно передвигаясь с места на место, тогда как цветы сверкают себе преспокойно на солнце, застыв во всем своем великолепии. Красота цветов печальна, увы, ведь эти нежные создания обречены на смерть, как, само собой, и все живое на земле, но цветы особенно, а их останки, как и трупы животных – всего лишь грубая пародия на их бытие, и воняют они точно так же, как трупы животных, – все это понимаешь, впервые сознательно пережив смену времен года, вот и Джед заметил гниение цветов в пятилетнем возрасте, если не раньше, потому что в парке, разбитом вокруг особняка в Ренси, было много цветов и много деревьев, и, сидя в коляске, которую катила какая-то взрослая тетенька (его мать?), первое, на что он обратил внимание, не считая неба и облаков, были ветви, качающиеся на ветру. Жажда жизни ’ проявляется у животных быстрыми метаморфозами – увлажнением дырочки, затвердением стержня и, наконец, выделением семенной жидкости, но об этом Джед узнает несколько позже, на балконе в Пор-Гримо, при посильной помощи Марты Тайфер. Жажда жизни у цветов проявляется в образовании всполохов ослепительных расцветок, оживляющих однообразную зелень природного пейзажа, равно как и бесцветное однообразие городского пейзажа – по крайней мере там, где местная мэрия потрудилась их посадить.

По вечерам отец по имени «Жан-Пьер» – так обращались к нему друзья – возвращался домой. Джед называл его «папой». Жан-Пьер, по мнению приятелей и подчиненных, был хорошим отцом; вдовцу требуется известная самоотверженность, чтобы в одиночку воспитывать ребенка. Первые годы Жан-Пьер был хорошим отцом, потом чуть хуже, все чаще вызывал няню и постоянно ужинал в городе (в основном с заказчиками, порой с подчиненными, но все реже и реже с друзьями, ибо время дружбы постепенно сходило на нет, и он уже слабо верил в то, что можно иметь друзей и что дружеские отношения способны сыграть хоть какую-то роль в биографии человека или повлиять на его судьбу), возвращался поздно и даже не пытался переспать с юной няней, что, надо сказать, норовит сделать подавляющее большинство отцов; он выслушивал отчет о том, как прошел день, улыбался сыну, платил нужную сумму Отец стал главой усеченной семьи, но никакое пополнение в его планы не входило. Он очень хорошо зарабатывал, будучи генеральным директором строительной компании, специализировавшейся на возведении приморских комплексов «под ключ»; у него были заказчики в Португалии, на Мальдивах, в Сан-Доминго.

От этого периода у Джеда остались тетрадки с полным набором рисунков того времени, но все эти сокровища тихо-мирно умирали (бумага была среднего качества, да и цветные карандаши не лучше), ну еще пару столетий они бы, конечно, протянули, однако всем предметам и существам назначен свой срок жизни.

Картина, написанная гуашью, которую следовало датировать скорее всего годами его ранней юности, называлась «Сенокос в Германии» (с чего бы, интересно, Джед ведь не бывал в Германии и никогда не присутствовал и уж тем более не участвовал в «сенокосе»). На горизонте пейзаж замыкают снежные вершины, при этом свет, безусловно, указывает на самый разгар лета; крестьяне, вздымающие сено на вилы, и запряженные в тележки ослы выполнены в насыщенных ярких тонах, полученных методом лессировок; красиво вышло, что твой Сезанн, да и вообще что твой кто угодно. Вопрос красоты вторичен в живописи, великие мастера прошлого признавались таковыми, если предлагали свое собственное видение мира, последовательное и новаторское одновременно; а это означает, что они всегда писали в одной и той же манере и, преобразуя объекты окружающего мира в объекты живописи, строго придерживались собственного метода и приемов, кроме того, эта их манера никому ранее присуща не была. Художников ценили еще выше, если их видение мира казалось исчерпывающим, и создавалось впечатление, что оно приложимо ко всем без исключения предметам и ситуациям, реально существующим и воображаемым. Таково было классическое понимание живописи (Джеду посчастливилось приобщиться к нему еще в средней школе), основанное на концепции фигуративного искусства – на той самой фигуративное™, к которой он весьма странным образом вернется на несколько лет. И что совсем странно, именно она принесет ему в итоге славу и богатство.

Джед посвятил свою жизнь (во всяком случае, профессиональную, очень быстро слившуюся воедино с его жизнью вообще) искусству, созданию изображений мира, не предназначенного, однако, для проживания. Поэтому он мог создавать критические изображения – критические до известной степени, поскольку в юные годы Джеда искусство, как и общество в целом, стремилось в своем развитии к приятию мира, порой восторженному, но чаще с оттенком иронии. У его отца такой свободы выбора не было вовсе, он-то как раз обязался выдавать на-гора пригодные для жилья конструкции – какая уж тут ирония, – в которых собирались поселиться люди, и даже получать удовольствие, хотя бы во время отпуска. Если бы этот жилищный механизм дал сбой, например упал бы лифт или засорился туалет, вину возложили бы на отца. Зато он не отвечал за внезапное вторжение в резиденцию неотесанных и агрессивных народных масс, неподконтрольных полиции и законным властям; землетрясение также считалось обстоятельством, смягчающим его ответственность.

Отец отца Джеда был фотографом, а его корни, в свою очередь, терялись в некой малопривлекательной стоячей социологической луже, с незапамятных времен наводненной сельскохозяйственными рабочими и бедными крестьянами. Что же могло подвигнуть человека из нищих слоев на интерес к технологиям зарождающегося фотоискусства? Джед понятия не имел, его отец тоже; как бы то ни было, дед, первый в долгой чреде поколений, вышел за рамки примитивного, без затей, воспроизведения одного и того же социального статуса. Он зарабатывал на кусок хлеба, фотографируя по большей части на свадьбах, первых причастиях и выпускных вечерах в деревенской школе. В Крезе, этом позабытом-позаброшенном департаменте Франции, ему редко приходилось снимать торжественное открытие новых зданий или визиты политиков государственного масштаба. Фотография считалась не ахти каким ремеслом, доходов приносила мало, и то, что сын стал профессиональным архитектором, не говоря уже о его более поздних предпринимательских успехах, было важным шагом вверх по социальной лестнице.

К тому времени, когда Джед поступил в парижскую Школу изящных искусств, он уже бросил рисунок ради фотографии. За два года до этого он обнаружил на дедушкином чердаке фотографическую камеру с раздвижным мехом Linhof Master Technika Classic, в прекрасном рабочем состоянии, хотя дед уже не пользовался ею, когда выходил на пенсию. Джеда буквально околдовал этот допотопный раритет, тяжелый и странный, но высочайшего

качества. Мало-помалу он нащупал принципы смещения фокусного центра, изучил вращающуюся кассетоприемную рамку и принцип Шаймпфлюга, а затем посвятил себя занятию, к которому почти целиком свелись все его художественные изыскания в студенческие годы, а именно систематической съемке всякого ширпотреба. Он работал у себя в комнате, предпочитая естественное освещение. Скоросшиватели, огнестрельное оружие, еженедельники, картриджи для принтера, вилки – ничто не ускользнуло от его поистине энциклопедического взгляда в стремлении составить исчерпывающий каталог предметов, произведенных человеком в индустриальную эпоху.

В награду за грандиозный и маниакальный размах его, надо признать, слегка безумного проекта Джед получил заслуженное уважение преподавателей, но это никак не сблизило его с какой-либо из студенческих групп, сбившихся на почве общих эстетических воззрений, а говоря более прозаически – объединенных желанием выйти скопом на арт-рынок. Кое с кем Джед все же дружил, пусть и не взахлеб, не подозревая, сколь мимолетными окажутся эти отношения. Он даже завел пару-тройку романов, но ни один из них долго не продержался. На следующий же день после получения диплома он внезапно осознал, что теперь ему будет одиноко. За последние шесть лет он сделал более одиннадцати тысяч фотографий. Файлы хранились в TIFFax с копиями в JPEG с более низким разрешением и легко умещались на 640-гигабайтном жестком диске Western Digital, весом чуть больше 220 граммов. Он аккуратно убрал на место фотокамеру и объективы (профессиональный Rodenstock Apo-Sironar с фокусным расстоянием 105 мм и диафрагмой 5.6 и Fujinon с фокусным расстоянием 180 мм и такой же диафрагмой), потом внимательно изучил оставшиеся вещи. Портативный компьютер, iPod, кое-какая одежда, немного книг – если честно, не бог весть что, все это запросто влезло в два чемодана. В Париже было солнечно. Нельзя сказать, что ему плохо жилось в этой комнате, но не так уж и хорошо. Квартплаты хватило бы еще на неделю. Он замешкался на мгновение, потом вышел, в последний раз прогулялся вдоль порта Арсенала и позвонил отцу, чтобы тот помог ему перебраться.

В награду за грандиозный и маниакальный размах его, надо признать, слегка безумного проекта Джед получил заслуженное уважение преподавателей, но это никак не сблизило его с какой-либо из студенческих групп, сбившихся на почве общих эстетических воззрений, а говоря более прозаически – объединенных желанием выйти скопом на арт-рынок. Кое с кем Джед все же дружил, пусть и не взахлеб, не подозревая, сколь мимолетными окажутся эти отношения. Он даже завел пару-тройку романов, но ни один из них долго не продержался. На следующий же день после получения диплома он внезапно осознал, что теперь ему будет одиноко. За последние шесть лет он сделал более одиннадцати тысяч фотографий. Файлы хранились в TIFFax с копиями в JPEG с более низким разрешением и легко умещались на 640-гигабайтном жестком диске Western Digital, весом чуть больше 220 граммов. Он аккуратно убрал на место фотокамеру и объективы (профессиональный Rodenstock Apo-Sironar с фокусным расстоянием 105 мм и диафрагмой 5.6 и Fujinon с фокусным расстоянием 180 мм и такой же диафрагмой), потом внимательно изучил оставшиеся вещи. Портативный компьютер, iPod, кое-какая одежда, немного книг – если честно, не бог весть что, все это запросто влезло в два чемодана. В Париже было солнечно. Нельзя сказать, что ему плохо жилось в этой комнате, но не так уж и хорошо. Квартплаты хватило бы еще на неделю. Он замешкался на мгновение, потом вышел, в последний раз прогулялся вдоль порта Арсенала и позвонил отцу, чтобы тот помог ему перебраться.

Джед давно не жил в Ренси, практически с самого детства, если не считать кратких приездов на школьные каникулы, но их совместное существование с отцом сразу оказалось легким, хоть и бессодержательным. Отец тогда еще вовсю работал, у него и в мыслях не было отпускать поводья и уходить из компании. Он редко возвращался домой раньше девяти, а то и десяти

вчера и, развалившись перед телевизором, ждал, пока сын разогреет ему очередное «готовое блюдо» из «Каррефура» в Ольнесу-Буа, где несколько недель назад Джед привычно загрузил продуктами багажник своего «мерседеса»; стараясь питаться разнообразно и, скажем так, сбалансированно, Джед покупал еще сыр и фрукты. Правда, отец едой мало интересовался; он безучастно перескакивал с одного канала на другой, застревая на какой-нибудь утомительной экономической дискуссии на LCI. Он ложился спать сразу после ужина, а утром уходил до того, как Джед вставал. Дни стояли погожие, однообразно теплые. Джед гулял по парку, усаживался под высокой липой с философским трактатом в руке, но чаще всего даже не открывал его. Детские воспоминания постепенно возвращались к нему, но их было немного; потом он шел домой смотреть репортажи с «Тур де Франс». Ему нравились скучные общие планы, снятые с вертолета, который послушно следовал за велосипедистами, лениво крутившими педали на бескрайних просторах Франции.

Анна, мать Джеда, была родом из мелкобуржуазной еврейской семьи, ее отец держал ювелирную лавку в их квартале. В возрасте двадцати пяти лет она вышла за Жан-Пьера Мартена, молодого архитектора. Это был брак по любви, и спустя несколько лет она произвела на свет сына, назвав его в честь любимого дяди. А потом, незадолго до семилетия Джеда, покончила с собой, но он узнал об этом много лет спустя – проболталась бабка со стороны отца. Анне было сорок лет, ее мужу – сорок семь.

Джед почти не помнил мать и не считал себя вправе обсуждать ее самоубийство во время нынешнего пребывания в Ренси, предпочитая дождаться, когда отец сам заговорит об этом, хотя прекрасно понимал, что надежды мало, он наверняка до самого конца постарается избегать скользкой темы, как, впрочем, и все остальные.

Тем не менее кое-что следовало прояснить, и отец сам решил это сделать как-то раз после воскресного обеда, когда они вместе смотрели короткий этап гонки на время в Бордо, после которого, правда, таблица генеральной классификации не претерпела особых изменений. Они сидели в библиотеке, безусловно самой красивой комнате особняка, с дубовым паркетом и английскими кожаными диванами и креслами. Дневной свет проникал сквозь витражи, оставляя в полумраке почти шесть тысяч томов, выстроившихся на полках вдоль стен, – по большей части это были научные трактаты, изданные в девятнадцатом веке. Сорок лет назад Жан-Пьер Мартен купил этот дом у владельца по сходной цене, поскольку тому срочно понадобились деньги. Тогда эта часть Ренси, застроенная элегантными особняками, считалась спокойной, и он надеялся, что заживет тут счастливой семейной жизнью, во всяком случае, места в доме хватило бы на многодетную семью и частые приемы друзей, – но его мечтам не суждено было сбыться.

В ту минуту, когда на экране снова возникло улыбающееся и такое предсказуемое лицо Мишеля Дрюкера*, отец выключил звук и повернулся к Джеду:

* Мишель Дрюкер – популярный телеведущий.

– Ты и дальше собираешься заниматься творчеством? – спросил он; Джед ответил утвердительно. – Но пока что тебе не удается самому заработать на жизнь?

На сей раз ответ Джеда был более пространным. Как это ни удивительно, в течение прошлого года с ним связались два фотоагентства. Среди клиентов первого, специализирующегося на съемке предметов, числились каталоги мебельного интернет-магазина CAMIF и фирмы La Redoute. Иногда они продавали негативы рекламным компаниям. Второе занималось астрономической фотографией; к его услугам часто прибегали такие журналы, как Notre Temps и Femme Actuelle. Все это было не слишком престижно, да и платили они из рук вон

плохо: снимки горного велосипеда или тартифлет* с сыром реблошон приносили меньше дохода, чем фотки Кейт Мосс или даже Джорджа Клуни; зато постоянный, неослабевающий спрос обеспечивал Джеду приличные заработки, поэтому он не сидел совсем уж без денег, было бы желание. Кроме того, он полагал, что занятие «чистой» фотографией полезно для практики. Он посылал в агентство широкоформатные диапозитивы идеального студийного качества, которые там сканировали и обрабатывали по своему усмотрению. Предпочитая не браться за ретушь – тут наверняка существовали правила коммерческого и рекламного порядка, – он сдавал им технически безупречные, но отмеченные авторской манерой негативы. – Я рад, что ты финансово независим, – заметил отец. – Попадались мне юнцы, которые собирались стать художниками, но жили за счет родителей; никому из них так и не удалось пробиться. Странное дело, казалось бы, стремление выразить себя и оставить след в этом мире – мощный стимул, но его одного, видимо, недостаточно. По-прежнему лучше всего срабатывает и помогает преодолеть себя банальная нужда в деньгах. Я все-таки помогу тебе купить квартиру в Париже, – продолжал он. – Тебе необходимо встречаться с людьми, заводить связи. Кроме того, будем считать это удачным вложением на спаде рынка.

* Тартифлет – савойское блюдо из картофеля с беконом, сыром и сливками.

Теперь на экране телевизора появился сатирик, которого Джед ухитрился даже опознать. Его сменил крупный план Мишеля Дрюкера с глуповатой улыбкой на лице. Он внезапно поймал себя на мысли, что отцу просто-напросто хочется остаться в Ренси одному. Они так и не притерлись друг к другу.

Две недели спустя Джед купил квартиру, в которой жил до сих пор, на бульваре Л’Опиталь, в северной части XIII округа. Почти все соседние улицы были названы в честь художников – Рубенса, Ватто, Веронезе, Филиппа де Шампеня, что можно было с некоторой натяжкой воспринимать как доброе предзнаменование. Ну а проще говоря, он поселился недалеко от новых арт-галерей в квартале Очень Большой Библиотеки. Он, конечно, не торговался, но все-таки заблаговременно навел справки – по всей Франции цены на недвижимость рухнули, особенно в городах, но покупателей найти было трудно, и квартиры пустовали.

2

Образ матери почти не сохранился в памяти Джеда, но ее фотографии он, само собой, видел. Это была миловидная женщина с бледной кожей и длинными темными волосами – на некоторых снимках она выглядит настоящей красавицей, вроде Агаты фон Астигвельт на портрете из дижонского музея. Она редко улыбается в объектив, а если и улыбается, то в ее улыбке сквозит тревога. Возможно, такое впечатление возникает при мысли о ее самоубийстве; но даже отвлекаясь от него, нельзя не почувствовать в ней что-то ирреальное или уж по меньшей мере – вневременное; ее легче представить себе героиней какого-нибудь полотна Средних веков или раннего Возрождения, чем девчонкой 60-х годов, имевшей транзистор и ходившей па рок-концерты.

В течение первых лет после ее смерти отец еще пытался следить за его учебой и придумывал развлекательную программу на выходные – они отправлялись чаще всего в «Макдоналдс» или в музей. Дела его фирмы медленно, но верно шли в гору; первый контракт на строительство курортного комплекса «под ключ» принес ему оглушительный успех. Его компания ни на шаг не отступила от заявленных сроков и смет – что уже само по себе невероятно – и заслужила единодушные хвалебные отзывы за выдержанность стиля и соблюдение природоохранных нормативов; они удостоились дифирамбических статей в региональной прессе и национальных

архитектурных журналах и, бери выше, целой полосы в рубрике «Стили» газеты «Либерасьон». «В Порт-Амбаресе,- писали про отца, – ему удалось выразить самую суть средиземноморского духа». Он же считал, что всего лишь выстроил в ряд матово-белые кубы разного размера, сдутые с традиционных марокканских построек, и разделил их зарослями олеандров. После первой победы от заказчиков отбою не было, и отцу приходилось регулярно ездить за границу. Когда Джед перешел в шестой класс, отец решил отправить его в пансион.

В течение первых лет после ее смерти отец еще пытался следить за его учебой и придумывал развлекательную программу на выходные – они отправлялись чаще всего в «Макдоналдс» или в музей. Дела его фирмы медленно, но верно шли в гору; первый контракт на строительство курортного комплекса «под ключ» принес ему оглушительный успех. Его компания ни на шаг не отступила от заявленных сроков и смет – что уже само по себе невероятно – и заслужила единодушные хвалебные отзывы за выдержанность стиля и соблюдение природоохранных нормативов; они удостоились дифирамбических статей в региональной прессе и национальных

архитектурных журналах и, бери выше, целой полосы в рубрике «Стили» газеты «Либерасьон». «В Порт-Амбаресе,- писали про отца, – ему удалось выразить самую суть средиземноморского духа». Он же считал, что всего лишь выстроил в ряд матово-белые кубы разного размера, сдутые с традиционных марокканских построек, и разделил их зарослями олеандров. После первой победы от заказчиков отбою не было, и отцу приходилось регулярно ездить за границу. Когда Джед перешел в шестой класс, отец решил отправить его в пансион.

Отец выбрал иезуитский коллеж в Рюмийи в департаменте Уаза. Это было частное заведение, но не элитарное, так что плата за обучение оказалась вполне подъемной, преподавание тут не велось на двух языках и в спортивном оборудовании не наблюдалось ничего экстравагантного. Сюда отдавали своих отпрысков не столько олигархи, сколько консерваторы, выходцы из доброй старой буржуазии (почти все папаши были военными или дипломатами), при этом среди них не фигурировали католики-интегристы – обычно дети попадали в пансион после неудачного развода родителей.

Аскетичные и, пожалуй, уродливые строения были вполне комфортабельны, учеников начальной школы селили по двое в комнате, а начиная с третьего* класса у каждого была своя. Сильной стороной и главным рекламным козырем школы считались внеплановая помощь учителя всем ученикам без исключения, так что с момента ее создания и по сей день более девяноста пяти процентов выпускников успешно сдавали экзамены на аттестат зрелости.

* Во Франции третий класс – это седьмой год обучения.

В этих стенах Джед провел годы своей унылой, отданной занятиям юности, подолгу гуляя по сумрачным еловым аллеям. Он не жаловался на судьбу, и иной себе даже не мыслил. Ученики, бывало, устраивали жестокие драки, зверски и жестоко унижая друг друга, и Джед, мальчик щуплый и нежный, не сумел бы постоять за себя; но ему повезло, разнесся слух, что он потерял мать, и его врагов спугнули неведомые им страдания; вокруг него возник ореол боязливого уважения. У Джеда не было близкого приятеля, да он и не искал дружбы. Зато просиживал всю вторую половину дня в библиотеке и к восемнадцати годам, получив степень бакалавра, обладал широкими знаниями в области литературного наследия человечества, что является большой редкостью для юноши его поколения. Он прочел Платона, Эсхила и Софокла; прочел Расина, Мольера и Гюго изучил творчество Бальзака, Диккенса, Флобера, немецких романтиков и русских классиков. И что еще удивительнее, был в курсе важнейших догматов католицизма, наложившего такой глубокий отпечаток на всю западную культуру, тогда как его современники знали о житии Иисуса меньше, чем о жизни Человека-Паука.

Topreading.ru

Исходившая от него старомодная вдумчивость, видимо, и расположила к нему преподавателей Школы изящных искусств, изучавших его документы; им явно попался неординарный абитуриент, образованный, серьезный, а может, и трудолюбивый. Альбом, поданный им на конкурс, «Триста фотографий металлоизделий» сам по себе свидетельствовал о незаурядной эстетической зрелости. Джед, не желая подчеркивать блеск металла и угрожающий характер форм, делал снимки при нейтральном, неконтрастном освещении, располагая вышеуказанные металлоизделия на фоне неброского серого бархата. Сдержанно мерцая, гайки, болты и разводные ключи смотрелись ювелирными украшениями.

Но зато он мучительно долго корпел (эти проблемы останутся у него на всю жизнь) над сопроводительным текстом. Сделав несколько безуспешных попыток обосновать выбранную тему, он спрятался за чистыми фактами, ограничившись замечанием, что даже самые примитивные изделия из стали имеют точность обработки порядка 0,1 миллиметра. Детали дорогостоящих фотоаппаратов и моторов гоночных автомобилей «Формулы-1», значительно более близкие, собственно говоря, к точной механике, изготовляются, как правило, из алюминия или легких сплавов, с точностью обработки до 0,01 мм. А вот уже в высокопрецизионной механике, применяющейся, например, в часовом деле или в стоматологической хирургии, используется титан, и тогда размерные допуски составляют приблизительно один микрон. В общем, неуклюже и бездоказательно заключал Джед, историю человечества можно проследить в значительной степени по истории искусства обработки металла, поскольку недавно завершившийся век полимеров и пластмасс, по его мнению, не успел произвести настоящей революции в умах.

Историки искусства, у которых язык подвешен получше, отметят впоследствии, что даже это первое настоящее произведение Джеда, как и все последующие его произведения, несмотря на бесконечное многообразие носителей, можно охарактеризовать в известном смысле как дань уважения человеческому труду.

Итак, Джед выбрал профессию художника, имея лишь одну определенную цель – надо сказать, он крайне редко задумывался о ее иллюзорности, – а именно, дать объективное описание мира. Получив классическое образование, он, однако, был отнюдь не склонен – вопреки тому, что писали о нем позже, – боготворить великих мастеров прошлого; Рембрандту и Веласкесу он уже тогда решительно предпочитал Мондриана и Клее.

В течение нескольких месяцев после переезда в XIII округ он только и делал, что фотографировал предметы, выполняя заказы, которые, надо признать, поступали бесперебойно. А потом, в один прекрасный день, распаковывая доставленный курьером мультимедийный жесткий диск Western-digital, – его снимки под разными углами он должен был сдать к завтрашнему утру, – Джед осознал, что с фотографией предметов окончательно завязал, в творческом плане уж наверняка. Как будто тот факт, что ему приходилось фотографировать эти объекты в чисто профессиональных и коммерческих целях, исключал возможность их использования в креативном проекте.

Это был столь очевидный и внезапный удар под дых, что Джед ненадолго впал в депрессию средней степени выраженности, и единственным, но повседневным его развлечением стала телепередача Жюльена Леперса* «Вопросы для чемпиона». Благодаря своему упорству и пугающей трудоспособности этот, в общем-то, недалекий, весьма посредственный телеведущий с лицом и пробивной силой барана – в начале своей карьеры он готовился стать эстрадным певцом и теперь, скорее всего, сожалел в глубине души о несбывшемся – постепенно превратился в бессменного игрока на медийном поле Франции. С ним отождествляли себя решительно все зрители, от студентов первого курса Политехнической школы до учительниц на пенсии из Па-де-Кале, от байкеров Лимузена до рестораторов Вара: он не грешил ни

излишней величественностью, ни высокомерием, а, напротив, являл собой усредненный и в чем-то даже симпатичный образ Франции десятых годов нашего века. Джед, верный поклонник человеколюбивого и хитроумного Жан-Пьера Фуко**, вынужден был признать, что все чаще и чаще поддается обаянию Жюльена Леперса.

* Жюльен Леперс – французский телеведущий.

** Жан-Пьер Фуко – французский телеведущий, известен, в частности, программой «Как стать миллионером».

В начале октября ему позвонил отец и сообщил, что умерла бабушка; он говорил заторможенно, чувствовалось, что он удручен, правда в пределах нормы. Джед знал, что бабушка так никогда и не оправилась после смерти страстно любимого мужа, хотя ее страсть и выглядела диковинно в сельской среде, не слишком благоприятной, как правило, для романтических излияний. После его кончины ничто, даже присутствие внука, не смогло удержать ее от неумолимого погружения в бездны тоски, из-за которой она мало-помалу забросила все – от разведения кроликов до варки варенья – и даже перестала в конце концов ухаживать за садом.

Собираясь ехать на следующий день в Крез на похороны, отец рассчитывал заодно разобраться с домом и уладить вопросы наследства; он предложил Джеду поехать с ним. И попросил его побыть там подольше и заняться всеми формальностями, сам он сейчас слишком занят на работе. Джед тут же согласился.

На следующий день отец заехал за ним на своем «мерседесе». Часов в одиннадцать они уже катили по автостраде Аю, одной из лучших в стране, потому что с нее открываются самые красивые сельские виды; воздух был мягок и прозрачен, на горизонте висела легкая дымка. В три, на подъезде к Ла-Сутеррен, они остановились передохнуть; пока отец заправлялся, Джед купил по его просьбе дорожную карту «Крез, Верхняя Вьенна» из серии «Мишлен – Департаменты». И вот тут, когда он разворачивал карту в непосредственной близости от обернутых целлофаном бутербродов из мягкого белого хлеба, на него снизошло второе эстетическое откровение. Карта потрясла его; он просто задрожал от восхищения, замерев перед крутящейся стойкой. Никогда еще ему не приходилось видеть столь великолепный, волнующий и наполненный смыслом объект, как эта мишленовская карта «Крез, Верхняя Вьенна» масштаба 1:150 000. Сама суть современности, научного и технического восприятия мира сочеталась тут с сущностью животной жизни. В красивом сложнейшем рисунке, отличавшемся восхитительной точностью, использовался минимальный набор цветов. Зато во всех поселках и деревнях, обозначенных на карте в соответствии со своей величиной, угадывалось трепетание и ауканье десятков человеческих жизней, десятков и сотен душ, – одни были обречены на адские муки, другие – на бессмертие.

Тело бабушки уже лежало в дубовом гробу. На нее надели темное платье, глаза ее были закрыты, руки сложены на груди; служащие похоронного бюро ждали только родных, чтобы опустить крышку. Они оставили их одних в комнате минут на десять. «Отмучилась…» – сказал отец, помолчав. Да, возможно, подумал Джед. «Знаешь, она верила в Бога», – застенчиво добавил отец.

Назавтра во время заупокойной службы, на которую собралась вся деревня, и потом, перед церковью, принимая соболезнования, Джед отметил, что они с отцом отлично смотрятся в таких обстоятельствах. Усталые, бледные, в темных костюмах, они всем своим видом выражали приличествующую событию значительность и скорбную печаль, сумев оценить по достоинству

нотку надежды, прозвучавшую из уст священника, хотя и не разделяли ее; святой отец, тоже не первой молодости, явно собаку съел на похоронах, – судя по среднему возрасту населения, они наверняка являлись главным его занятием.

Возвращаясь домой, где были накрыты поминальные столы, Джед понял, что впервые увидел солидные похороны по старинке, похороны, не пытавшиеся закамуфлировать реальность смерти. Ему случалось присутствовать на кремации в Париже; в последний раз они прощались с товарищем по Школе изящных искусств, погибшим в авиакатастрофе во время каникул на Ломбоке; его поразило, что многие даже не выключили мобильные телефоны.

Отец тут же уехал, на утро у него была назначена деловая встреча в Париже. Джед вышел в сад. Солнце садилось, задние фары «мерседеса» удалялись по направлению к автостраде, и он вспомнил Женевьеву. В студенческие годы они были любовниками; именно с ней он и потерял невинность. Женевьева, мальгашка по происхождению, рассказывала ему о причудливых обрядах эксгумации, принятых у нее на родине. Через неделю после похорон труп выкапывают, разматывают саван и обедают дома в его обществе; затем снова хоронят. То же самое повторяется через месяц, потом через три – он уже плохо помнил, но ему казалось, что эксгумаций в общей сложности насчитывалось не меньше семи, последняя имела место через год после смерти, и вот тогда почивший уже окончательно числился покойником и мог наконец заснуть вечным сном. Этот процесс привыкания к смерти и к физической реальности трупа никак не вяжется с восприятием и чувствами современного западного человека, подумал Джед, и пожалел заодно, что позволил Женевьеве уйти из его жизни. Она была тихой и ласковой; его мучили жуткие глазные мигрени, и Женевьева часами просиживала у его изголовья, готовила еду, подавала воду и лекарства, нисколько этим не тяготясь. Она отличалась знойным темпераментом и обучила его всем премудростям секса. Джеду нравились ее рисунки, смахивавшие на граффити, но замечательные своей детскостью, веселыми персонажами, плавностью линий и своеобразной палитрой – она использовала много красного кадмия, индийской желтой и сиенну, натуральную и жженую.

Чтобы оплачивать учебу, Женевьева, как говорилось в далеком прошлом, торговала своими прелестями; это старомодное выражение, по мнению Джеда, подходило ей куда больше, чем англосаксонское понятие «эскорт». Она брала двести пятьдесят в час с наценкой в сто евро за анальный секс. Джеду нечего было возразить против этого занятия, он даже предложил ей сделать эротические фотографии, чтобы украсить ее сайт. Мужчины часто ревнуют, а порой и ужасно ревнуют к бывшим любовникам своих подружек, долгие годы, иногда до конца дней своих, мучаясь вопросом, не было ли ей с ними лучше, не сильнее ли она кончала, зато без проблем смиряются с тем, что их дамы вкалывали в прошлом на ниве проституции. Став предметом финансового договора, сексуальная деятельность словно удостаивается прощения, кажется безобидной и в каком-то смысле даже освящается библейским понятием труда как проклятия. Заработки Женевьевы колебались между пятью и десятью тысячами евро в месяц, хотя она особо не парилась. Более того, она готова была делиться с Джедом, призывая его «не залупаться», и пару раз они все-таки съездили вместе на зимние каникулы на Маврикий и Мальдивы полностью за ее счет. При этом она была так естественна и так радовалась, что он ни разу не испытал неловкости, ни на мгновение не почувствовал себя в шкуре альфонса.

Он всерьез расстроился, когда Женевьева объявила, что собирается переехать к одному из своих постоянных клиентов, корпоративному юристу тридцати пяти лет, чья жизнь напоминала, судя по ее рассказам, нелегкую судьбу корпоративного юриста из триллеров про корпоративных юристов, в основном американских. Джед знал, что она сдержит слово и будет хранить верность мужу, и, выходя в последний раз за порог ее квартиры, он понял, что скорее всего прощается с ней навсегда. С тех пор прошло пятнадцать лет; ее супруг наверняка пребывал наверху блаженства, она стала счастливой матерью семейства, а ее дети – Джед не

сомневался в этом, даже не будучи с ними знаком, – были вежливы, хорошо воспитаны и учились на отлично. Зарабатывал ли ее муж-юрист больше, чем Джед-художник? Трудно было однозначно ответить на этот вопрос, хотя, возможно, только его и следовало бы задать. «У тебя настоящий дар, ты своего добьешься…» – сказала она ему при расставании. «Ты такой маленький, хорошенький, щупленький, но в тебе есть воля к победе и гигантское честолюбие, я по глазам вижу. А я работаю просто ради… (она рассеянным жестом обвела рисунки углем, висящие на стене) просто ради удовольствия…»

У Джеда сохранилось несколько ее работ, и он по-прежнему считал их вполне стоящими. Возможно, искусство должно быть чем-то вроде этого, думал он, невинным, счастливым и почти инстинктивным времяпрепровождением, недаром же говорят «глуп как художник» или «пишет, как птица поет» и так далее, да и как знать, искусство, может, и станет таким, когда человек прекратит задаваться вопросом о смерти, может, оно уже бывало таким в определенные периоды, возьмем, например, Фра Анжелико, стоявшего на пороге рая и преисполненного уверенности, что его земное существование – всего лишь преходящая и туманная подготовка к вечному пребыванию подле Господа его Иисуса Христа. Я с вами во все дни до скончания века.

На следующее утро после похорон его посетил нотариус. Они с отцом не успели поговорить о доме, Джед вдруг понял, что им и в голову не пришло затронуть эту тему – хотя как раз наследственные дела и были главной целью его присутствия здесь, – но ему тут же стало совершенно очевидно, что о продаже не может быть и речи, он даже не испытывал потребности позвонить отцу и посоветоваться с ним. Ему было уютно в этом доме, ему сразу стало в нем уютно, тут хотелось жить. Ему нравилось неуклюжее сочетание отремонтированной и старой частей дома, стен, покрашенных белой изоляционной краской, и тех, прежних, сложенных из неровных камней. Ему нравилась выходившая на дорогу в Гере створчатая дверь, которая никогда плотно не закрывалась, и огромная кухонная печь – ее можно было топить углем, дровами да наверняка и любым другим топливом. В этом доме ужасно хотелось верить в такие вещи, как любовь, взаимная любовь двух человек, окутывающая все вокруг теплом и умиротворением, которые передаются следующим поколениям обитателей, принося мир в их души. Стоп, если так и дальше пойдет, он, того и гляди, поверит в призраков и все такое прочее.

Однако нотариус вовсе не собирался подбивать его на продажу; он признался, что еще года два-три назад поступил бы иначе. Тогда удалившиеся от дел английские трейдеры, молодые да ранние, захватив Дордонь, растекались дальше, покрывая огромные пространства в направлении Бордо и Центрального массива, и, закрепившись на завоеванных позициях, спешили дальше, распространяясь теперь затейливыми кляксами по центральной части Лимузена; в самое ближайшее время их следовало ожидать в Крезе и, вместе с ними, неминуемого повышения цен. Но падение лондонской биржи, кризис субстандартной ипотеки и обесценение спекулятивных бумаг резко поменяли весь расклад: молодые да ранние английские трейдеры теперь и помыслить не могли о покупке какого-нибудь эксклюзивного поместья, а еле-еле сводили концы с концами, не в силах расплатиться за приобретенные в кредит дома в Кенсингтоне, все чаще склоняясь к перепродаже, одним словом, цены безнадежно рухнули. Поэтому сейчас лучше затаиться, уверял нотариус, в ожидании нового поколения толстосумов, обладающих более стабильным состоянием, сколоченным на промышленном производстве; может, ими окажутся китайцы или вьетнамцы, ему-то откуда знать, но, как бы то ни было, пока он посоветовал бы повременить, поддерживать дом в хорошем состоянии, произвести, возможно, кое-какую реконструкцию, в полном соответствии, само собой, с местными ремесленными традициями. С другой стороны, не имеет никакого смысла затевать работы по классу люкс, строить, например, бассейн, джакузи или проводить

высокоскоростной интернет; нувориши, приобретая недвижимость, по-любому переделывают все под себя, – нотариус особенно настаивал на этом пункте, – уж поверьте опытному человеку, за плечами как-никак сорок лет стажа.

Когда отец приехал за ним на следующие выходные, все уже утряслось, вещи были разобраны и сложены, а мелочи, завещанные соседям, розданы по назначению. У них у обоих возникло ощущение, что теперь их мать и бабушка может, как говорится, почить в мире. Джед расслабился на сиденье, обтянутом кожей наппа, пока S-класс въезжал на автостраду, тихо мурлыча от механического удовольствия. В течение двух часов они на умеренной скорости ехали по сельским пейзажам в осенних тонах, почти не разговаривая, но у Джеда сложилось впечатление, что между ними наметилось некое подобие взаимопонимания, словно они почувствовали общность взглядов на жизнь, что ли. Подъезжая к съезду на Мелен-Центр, он осознал, что неделя в деревне была для него безмятежным лирическим отступлением.

3

Работы Джеда Мартена часто трактовали как плод холодного, отстраненного размышления о состоянии мира, превратив его чуть ли не в наследника великих концептуалистов прошлого века. А он, вернувшись в Париж, в лихорадочном исступлении скупил все попавшиеся ему под руку мишленовские карты, штук сто пятьдесят по меньшей мере. Джед быстро понял, что самые интересные из них входят в серию «Мишлен – Регионы», охватывавшую большую часть Европы, и особенно в «Мишлен – Департаменты», ограниченные Францией. Он приобрел цифровой сканирующий задник Betterlight 6000-HS, который позволял получать 48-битные файлы RGB в формате 6000 на 8000 пикселей.

Почти полгода Джед практически не выходил из дому, разве что на ежедневную прогулку в сторону гипермаркета «Казино» на бульваре Венсена Ориоля. Даже в пору своей учебы в Школе изящных искусств он мало с кем общался из студентов, потом они встречались все реже и реже и наконец перестали видеться совсем, поэтому он очень удивился, получив в начале марта мейл с предложением принять участие в коллективной выставке «Будем взаимно вежливы», которую фонд компании Ricard собирался организовать в мае. Тем не менее он послал по электронной почте положительный ответ, не вполне отдавая себе отчет, что его едва ли не показное затворничество создало вокруг него атмосферу тайны и многим из его бывших соучеников хочется знать, на каком он свете.

Утром в день вернисажа Джед понял, что за последний, скажем, месяц он не произнес ни слова, не считая слова «нет», которое ежедневно повторял кассирше (они, само собой, часто менялись), когда та спрашивала, есть ли у него дисконтная карта «Клуба Казино»; но, как бы то ни было, в назначенный час он отправился на улицу Буасси-д’Англа. Там было человек сто, впрочем, он никогда не умел производить такого рода подсчеты, но гости наверняка исчислялись десятками, и поначалу он даже встревожился, обнаружив, что никого из них не узнает. Он вдруг решил, что ошибся днем или выставкой, но его фотографии были тут как тут – висели, правильно освещенные, на дальней стенке. Налив себе стакан виски, Джед несколько раз обошел зал по эллиптической траектории, с грехом пополам напустив на себя задумчивый вид, хотя его мозгу никак не удавалось породить ни единой мысли, за исключением все же удивления, что образ его бывших товарищей полностью исчез, стерся из его памяти, стерся окончательно и бесповоротно, до такой степени, что впору было задаться вопросом, принадлежит ли он сам к роду человеческому. Джед, несомненно, узнал бы Женевьеву, и на том спасибо, да, он был убежден, что узнал бы свою бывшую любовницу, и ухватился за эту

спасительную уверенность.

Завершив третий круг по залу, Джед заметил девушку, пристально изучавшую его фотографии. Трудно было не обратить на нее внимание: она показалась ему не просто красивее всех на этой вечеринке, это была самая красивая женщина, какую он когда-либо видел. Бледное, почти прозрачное лицо, белокурые волосы и высокие скулы – она в точности соответствовала образу славянской дивы, растиражированному после распада СССР модельными агентствами и глянцевыми журналами.

Пока Джед описывал следующий круг, девушка исчезла; он снова обнаружил ее на полпути шестого тура – она улыбалась, стоя среди небольшой группки друзей с бокалом шампанского в руке. Мужчины буквально пожирали ее глазами, даже не пытаясь скрыть вожделения; у одного из них аж приотвисла челюсть.

Когда он в очередной раз прошел мимо своих снимков, она снова стояла там в одиночестве. Джед на мгновение замялся, потом срезал по касательной и тоже застыл перед собственными произведениями, разглядывая их и качая головой.

Она обернулась, задумчиво посмотрела на него и через пару секунд спросила:

– Вы автор?

– Да.

Теперь она смотрела на него целых пять секунд, внимательнее, чем раньше, после чего сказала:

– Очень красиво, по-моему.

Она произнесла эти слова легко, спокойно, но с непритворной убежденностью. Будучи не в состоянии придумать подходящий ответ, Джед перевел взгляд на фотографию. Он не мог не признаться себе, что и правда не подкачал. Для выставки он выбрал ту часть мишленовской карты Креза, где была отмечена деревня его бабушки. При съемке он максимально перекашивал оптическую ось камеры, отклоняя ее на тридцать градусов по отношению к горизонтальной плоскости, и устанавливал кассету с предельным наклоном, чтобы добиться нужной глубины резкости. И только потом, подкладывая дополнительные слои в фотошопе, добавлял эффект размытости в глубине кадра и подсинивал фон на линии горизонта. На первом плане очутились пруд Брей и деревня Шателюс-ле-Маршекс. Чуть поодаль, между деревнями Сен-Гуссо, Лорьер и Жабрей-ле-Борд, по лесу извивались дороги, казавшиеся заветными, сказочными, нехожеными землями. Слева в глубине еще можно было различить красно-белую ленту автострады Аю, словно вынырнувшую из туманной пелены.

– Вы часто фотографируете дорожные карты?

– Да… Довольно часто.

– И всегда мишленовские?

– Да.

Она задумалась на мгновение и спросила:

– И сколько у вас таких фотографий?

– Немногим больше восьмисот.

На этот раз она уставилась на него в полном недоумении и секунд через двадцать продолжила:

– Нам надо это обсудить. Увидеться и обсудить. Вы, возможно, удивитесь, но… я работаю в компании «Мишлен».

Из крохотной сумочки «Прада» она достала визитку, на которую Джед вытаращился как дурак, прежде чем взять ее: Ольга Шеремеева, отдел по связям с общественностью, «Мишлен», Франция.

Утром он позвонил ей; Ольга предложила поужинать в тот же вечер.

– Вообще-то я не ужинаю, – сказал он, – ну в смысле редко ужинаю в ресторане. По-моему, я не знаю ни одного ресторана в Париже.

– Зато я много чего знаю, – решительно возразила она. – Я бы сказала… что в каком-то смысле это издержки профессии.

Они встретились «У Энтони и Жоржа», в уютном ресторанчике на десять столиков на улице Аррас. Все в зале, от посуды до предметов обстановки, было собрано по антикварным лавкам, так что взору посетителей представала разношерстная игривая смесь уникальных копий французской мебели XVIII века, декоративных безделушек в стиле ар-нуво и английской посуды и фарфора. За всеми столиками сидели туристы, в основном американцы и китайцы, но попадались и русские. Худой, лысый и вызывавший почему-то смутную тревогу Жорж – судя по прикиду, из бывших «кожаных» геев, – встретил Ольгу как родную. Царивший на кухне Энтони, этакий bear,* но в меру, наверняка следил за фигурой, хотя карта выдавала его пламенную страсть к фуа-гра. Джед записал хозяев в разряд полумодерновых педиков, которые, стараясь избежать перебора и безвкусицы, традиционно ассоциируемых с их сообществом, иногда все же дают сбой. Когда вошла Ольга, Жорж сказал:

* Медведь (англ).

– Позволь, я возьму твое пальто, дорогая? – подчеркнув «дорогая» на манер Мишу*.

* Мишу (Мишель Жорж Альфред Катти, р. 1931) – директор одноименного кабаре в Париже.

Ольга пришла в шубе, странная идея, учитывая время года, но под шубой оказалась совсем коротенькая мини-юбка и топ-бандо из белого атласа, украшенное стразами Сваровски – глаз не оторвать.

– Как поживаешь, лапа моя? – Энтони, в завязанном на пояснице фартуке, топтался у их столика. – Любишь курицу с раками? Нам привезли раков из Лимузена, чистая прелесть, чистая прелесть. Здравствуйте, месье, – добавил он, обращаясь к Джеду.

– Вам тут нравится? – спросила Ольга, когда Энтони отошел.

– Мне… да. Очень типичный ресторанчик. То есть возникает ощущение, что он типичен, только непонятно, чем именно. Он указан в вашем гиде? – Джед решил, что этот вопрос будет уместен.

– Пока нет. Мы включим его в издание будущего года. О нем уже написали в Conde Nast Traveller и в китайском Elle.

В парижский офис Ольгу откомандировал холдинг «Финансовая корпорация Мишлен», базирующийся в Швейцарии. Из вполне закономерного стремления к диверсификации компания недавно сделала значительные инвестиции в гостиничные сети Relais et Chateaux* и, главное, в группу French Touch, которая, несмотря на значительные успехи последних лет, из соображений профессиональной этики и морали тщательно избегала каких бы то ни было контактов с редакциями путеводителей и туристических справочников. В «Мишлене» не преминули отметить, что большинство французов не может позволить себе отдых во Франции, уж во всяком случае не в отелях, входящих в эти сети. Анкетирование, проведенное в прошлом году в гостиницах French Touch, подтвердило, что семьдесят пять процентов их клиентов – туристы из Китая, России и Индии, а в «Элитных загородных усадьбах», самой престижной сети на рынке туристических услуг, эти показатели достигали девяноста процентов. В обязанности Ольги входила реорганизация пиар-менеджмента с целью максимально полного удовлетворения запросов новой клиентуры.

– Позволь, я возьму твое пальто, дорогая? – подчеркнув «дорогая» на манер Мишу*.

* Мишу (Мишель Жорж Альфред Катти, р. 1931) – директор одноименного кабаре в Париже.

Ольга пришла в шубе, странная идея, учитывая время года, но под шубой оказалась совсем коротенькая мини-юбка и топ-бандо из белого атласа, украшенное стразами Сваровски – глаз не оторвать.

– Как поживаешь, лапа моя? – Энтони, в завязанном на пояснице фартуке, топтался у их столика. – Любишь курицу с раками? Нам привезли раков из Лимузена, чистая прелесть, чистая прелесть. Здравствуйте, месье, – добавил он, обращаясь к Джеду.

– Вам тут нравится? – спросила Ольга, когда Энтони отошел.

– Мне… да. Очень типичный ресторанчик. То есть возникает ощущение, что он типичен, только непонятно, чем именно. Он указан в вашем гиде? – Джед решил, что этот вопрос будет уместен.

– Пока нет. Мы включим его в издание будущего года. О нем уже написали в Conde Nast Traveller и в китайском Elle.

В парижский офис Ольгу откомандировал холдинг «Финансовая корпорация Мишлен», базирующийся в Швейцарии. Из вполне закономерного стремления к диверсификации компания недавно сделала значительные инвестиции в гостиничные сети Relais et Chateaux* и, главное, в группу French Touch, которая, несмотря на значительные успехи последних лет, из соображений профессиональной этики и морали тщательно избегала каких бы то ни было контактов с редакциями путеводителей и туристических справочников. В «Мишлене» не преминули отметить, что большинство французов не может позволить себе отдых во Франции, уж во всяком случае не в отелях, входящих в эти сети. Анкетирование, проведенное в прошлом году в гостиницах French Touch, подтвердило, что семьдесят пять процентов их клиентов – туристы из Китая, России и Индии, а в «Элитных загородных усадьбах», самой престижной сети на рынке туристических услуг, эти показатели достигали девяноста процентов. В обязанности Ольги входила реорганизация пиар-менеджмента с целью максимально полного удовлетворения запросов новой клиентуры.

* Relais et Chateaux (здесь: «Отели и замки», фр.) – гостиничная сеть, объединяющая более 480 изысканных отелей-замков и отельных ресторанов класса люкс.

Меценатство в области современного искусства не является традиционной деятельностью «Мишлена», продолжала она. Поскольку в Совет директоров корпорации, чья штаб-квартира находится с момента своего создания в Клермон-Ферране, всегда входил какой-нибудь потомок отцов-основателей, она издавна имеет репутацию консервативного, если не патерналистского предприятия. Проект открытия в Париже выставочного зала «Мишлен», отданного под современное искусство, с трудом получил одобрение администрации, хотя лично она, Ольга, уверена, что рано или поздно это приведет к значительному росту престижа компании в Китае и России.

– Вам скучно со мной, – вдруг запнулась она. – Простите, я все о бизнесе, а вы художник…

– Нет, что вы, – искренне ответил Джед. – Вы меня просто заворожили. Видите, я даже не притронулся к фуа-гра.

Ольга на самом деле заворожила его, но скорее взглядом и движением губ – светло-розовая помада с легким перламутровым блеском очень шла к ее глазам.

Тогда они молча посмотрели друг на друга, их взгляды встретились, и через несколько секунд Джед убедился, что в ее взгляде светится желание. А она по выражению его лица тут же догадалась, что он это заметил.

– Короче… – заговорила Ольга, смутившись, – короче, я и мечтать не смела, что встречу художника, работающего с мишленовскими картами.

– Знаете, ваши карты мне правда нравятся. _Это понятно. По вашим фотографиям.

Кто б сомневался – он пригласил ее к себе посмотреть другие снимки. Когда такси свернуло на авеню Гоблен, он все-таки устыдился.

– Боюсь, у меня не убрано… – сказал он. Ольга, разумеется, ответила, что это не страшно,

но, когда они поднимались по лестнице, его замешательство возросло, и, открыв дверь, он мельком взглянул на нее: она, конечно, слегка скривилась. «Не убрано» звучало весьма слабым эвфемизмом. Весь пол вокруг стола, на котором стояла фотокамера Linhof, был усеян снимками, иногда в несколько слоев, их тут были, наверное, тысячи. Джед проложил лишь одну узенькую тропку от стола к матрасу. В квартире оказалось не только не убрано, но и грязно, а простыни, покрытые пятнами органического происхождения, приобрели бурый оттенок.

– Ну да, типичная гарсоньерка… – беспечно сказала Ольга и, сделав пару шагов, присела на корточки, чтобы рассмотреть какой-то снимок, мини-юбка взлетела ей высоко на бедра, у нее были головокружительно длинные и тонкие ноги, как можно иметь такие длинные и тонкие ноги? Никогда раньше Джед не мог похвастаться подобной эрекцией, ему даже больно стало, он весь дрожал, застыв на месте, и боялся потерять сознание. – Я… – с усилием прокаркал он неузнаваемым голосом.

Ольга обернулась и поняла, что дело плохо, мгновенно узнав панический, невидящий взгляд мужчины, изнемогающего от желания, быстро подошла к нему, обволокла его своим полным неги телом и поцеловала прямо в губы.

4

Правильнее было бы, конечно, поехать к ней. Ольга жила в прелестной двухкомнатной квартирке на улице Гюинмер, окнами на Люксембургский сад, почувствуйте разницу. Она была из тех трогательных русских, которые за годы учебы привыкли любить некий образ Франции – ее галантность, гастрономию, литературу, далее по списку – и впоследствии страшно огорчались, убеждаясь, что реальная страна неизменно обманывает их ожидания. Принято считать, что русские совершили великую революцию, избавившую их от коммунизма, с единственной целью – дорваться до «Макдоналдсов» и фильмов с Томом Крузом; тут есть доля правды, но все-таки в меньшинстве своем они жаждали попробовать пюн-фюссе и посетить Сент-Шапель. Судя по образованию и эрудиции, Ольга принадлежала именно к этой элите. Ее отец, профессор биологии в Московском университете, занимался насекомыми – какая-то сибирская бабочка даже носила его имя. Ни ему, ни его семье не удалось по-настоящему воспользоваться раздачей слонов в момент краха империи; но и в нищете они не погрязли, университет, где он преподавал, по-прежнему получал достойное финансирование, и после нескольких лет разброда и шатаний их семья приобрела статус в меру среднего класса. Но возможностью жить в Париже на широкую ногу, снимать уютную двушку на улице Гюинмер и одеваться у модных стилистов Ольга была обязана исключительно своей мишленовской зарплате.

Став любовниками, они быстро установили определенный ритм жизни. Утром Джед выходил вместе с Ольгой. Сев за руль своего мини «парк-лейн», она уезжала в офис на авеню Гранд-Арме, он же, спустившись в метро, отправлялся в мастерскую на бульвар Л’Опиталь. Возвращался он вечером, как правило, незадолго до нее.

Они много тусовались. Поселившись в Париже года два назад, Ольга с легкостью сплела густую сеть дружеских отношений и связей. По роду своей деятельности она часто общалась с представителями СМИ – прямо скажем, не из самых гламурных рубрик туризма и гастрономии. Впрочем, такая красавица могла бы внедриться куда угодно, ее приняли бы в любых кругах. Даже удивительно, что на момент знакомства с Джедом у нее не было постоянного любовника; еще удивительнее, что она остановила свой выбор на нем. Конечно, он был скорее хорош собой, но типа кожа да кости, да и ростом не вышел, на таких женщины редко западают, образ ебаря-террориста, который классно трахается, снова стал популярен в последние годы, что, надо признать, оказалось не просто модным поветрием, а возвратом к фундаментальным ценностям, к самой примитивной и грубой природе сексуального влечения; одновременно закончилась и эпоха анорексичных моделек, а чересчур дородные дамы с пышными формами волновали уже разве что пару-тройку африканцев да нескольких извращенцев. Начавшееся третье тысячелетие после временных колебаний незначительной амплитуды возвращалось во всех областях к культу базовых и проверенных веками стандартов: так, женская красота выражалась в цветущем облике, мужская – в физической силе. В общем, у Джеда было мало шансов. Его карьера тоже ничем особо не поражала – собственно говоря, его даже нельзя было в полном смысле слова назвать художником, ведь у него не состоялось ни одной персональной выставки, о его творчестве никогда не писали статей, объяснявших миру его значимость, о нем практически никто тогда не знал. Да, выбор Ольги был удивителен, и Джед наверняка удивился бы, если бы по натуре своей был способен удивляться такого рода вещам или хотя бы замечать их.

Как бы то ни было, но в течение нескольких недель его пригласили на большее число вернисажей, закрытых просмотров и литературных коктейлей, чем за все годы обучения в Школе изящных искусств. Он быстро сообразил, как следует себя вести. Его вовсе не призывали блистать остроумием, напротив, считалось, что чем реже он открывает рот, тем лучше, главное – внимать собеседнику, и не просто внимать, а с серьезным видом, и еще сопереживать, время от времени подхлестывая его монолог вопросами типа «Да что вы

говорите?», свидетельствующими о неподдельном интересе и изумлении, либо чем-нибудь вроде «Вот уж…», с легким оттенком проникновенного одобрения. Благодаря своему весьма скромному росту Джед с легкостью принимал смиренную позу, что обычно так высоко ценят субъекты культурного процесса, да и все остальные тоже. В сущности, проникнуть в эту среду было несложно, как, наверное, и в любую другую, и интеллигентное невмешательство Джеда, его нежелание распространяться о собственных работах сослужили ему отличную службу, он производил впечатление – причем вполне обоснованное – серьезного художника, художника, который действительно работает. Непринужденно вращаясь в тусовке с выражением любезного безразличия на лице, он, сам того не подозревая, держался в стиле groove, принесшим успех Энди Уорхоллу, – только в Джеде чувствовалась еще какая-то нотка вдумчивости, истолкованная как ангажированность и наличие гражданской позиции, что стало за полвека жизненно необходимым. Как-то ноябрьским вечером, на вручении очередной литературной премии, его даже представили знаменитому Фредерику Бегбедеру, который как раз обретался на гребне своей медиатической славы. Писатель и публицист, несколько затянув процесс лобызания Ольги (его поцелуи, показные и театральные, казались даже чересчур целомудренными благодаря вполне внятной установке на игровое начало), обратил наконец на Джеда заинтригованный взгляд, но его тут же перехватила модная порноактриса, издавшая недавно книгу бесед с тибетским монахом. Мерно кивая в такт словам бывшей звезды жесткого порно, Бегбедер исподтишка поглядывал на Джеда, словно заклиная его не затеряться в толпе, которая все прибывала со скоростью, прямо пропорциональной темпу исчезновения птифуров. Автор «Идеаля», сильно исхудав и отрастив жидкую бороденку, явно косил под героя русского романа. Но в итоге его собеседницей завладел высокий дряблый тип средней упитанности, с волосами средней длины и среднестатистическим взглядом пустоголового умника, служивший вроде бы редактором в издательстве «Грассе», и Бегбедер получил долгожданную свободу. Ольга стояла поодаль в окружении привычного роя поклонников мужского пола.

– Так вот вы какой? – обратился Бегбедер к Джеду, глядя ему прямо в глаза с тревожной настойчивостью. Он и впрямь смахивал на персонажей русских романов, ни дать ни взять «Разумихин, бывший студент», хотя его взгляд блестел скорее от злоупотребления кокаином, чем от вероисступления, а в чем, собственно, разница, подумал Джед. – Так это вам она досталась? – не отставал Бегбедер. Не зная, что сказать, Джед промолчал. – Вы знаете, что живете с одной из пяти самых красивых женщин Парижа? – Писатель снова перешел на серьезный профессиональный тон, очевидно, он был хорошо знаком с четырьмя остальными. И на это Джед тоже не нашел, что ответить. Да и что вообще можно ответить на вопросы людей?

Бегбедер вздохнул, и сразу стало видно, как он устал. Джед решил, что самое страшное позади и теперь он сможет, как всегда, безмолвно внимая ему, соглашаться с концепциями и поддакивать историям из жизни; но он ошибся. Бегбедер интересовался именно им, ему хотелось побольше о нем разузнать, что само по себе было невероятно, Бегбедер слыл одним из самых востребованных тусовщиков, и окружающие уже с удивлением поглядывали на них, делая, очевидно, соответствующие выводы.

Джед вышел кое-как из положения, объяснив, что занимается фотографией, но Бегбедеру и этого оказалось мало: какой конкретно фотографией? Ответ ошеломил его: он общался с рекламными фотографами, модными фотографами и даже с парочкой военных фотографов (хотя он познакомился с ними, когда те подхалтуривали в роли папарацци, тщательно это скрывая, ибо в профессиональной среде принято считать, что фотографировать распыленные останки ливанского смертника куда почетнее, нежели сиськи Памелы Андерсон, хотя в обоих случаях используются одни и те же объективы и технические сложности те же самые – трудно добиться того, чтобы рука не дрогнула в момент срабатывания затвора, а максимальные диафрагмы могут выставляться только при высокой степени освещенности, вот, собственно,

проблемы, которые неизменно возникают при работе с телеобъективами со значительным увеличением), но вот человек, снимающий дорожные карты, попался ему впервые. Джед, слегка смутившись, признал в конце концов, что да, в каком-то смысле его можно назвать художником. – Ха-ха-хааа! – преувеличенно громко расхохотался писатель, и, как он и рассчитывал, на него сразу обернулись человек десять, в том числе Ольга- – Ну конечно, надо быть художником, артистом^. Литература – это вчерашний день! В наше время, чтобы спать с красавицами, надо быть артистом! Я тоже хочу стать артистом!

И ни с того ни с сего, раскинув руки в стороны, он громогласно и почти не фальшивя, запел куплет из «Блюза бизнесмена»:

Я хотел бы стать арти-ииистом,

мир переделать в пух и прах,

а потом быть анархи-ииииистом,

ну и жить как олигарх!

Рюмка с водкой дрожала у него в руке. Теперь на них смотрела добрая половина зала. Бегбедер сник, растерянно заметил:

– Слова Люка Пламондона, музыка Мишеля Берже, – и разразился рыданиями.

– С Фредериком все прошло нормально… – сказала Ольга, когда они возвращались пешком по бульвару Сен-Жермен.

– Ну да… – растерянно ответил Джед. В юности, когда он запоем читал в иезуитском коллеже, ему попадались французские реалистические романы девятнадцатого века, герои которых, молодые и честолюбивые юноши, пробиваются благодаря женщинам; но все же он удивился, что сам очутился в похожей ситуации, по правде говоря, он уже и думать позабыл обо всех этих французских реалистических романах девятнадцатого века, в последние годы его хватало разве что на Агату Кристи, а еще точнее – на романы Агаты Кристи с Эркюлем Пуаро, но в данных обстоятельствах ему это помочь не могло.

Наконец раскрутили и его: Ольга запросто убедила своего начальника организовать первую выставку Джеда в офисе фирмы на авеню Бретей. Он осмотрел помещение, просторное, но мрачное, со стенами и полом из серого бетона; впрочем, эта убогость пришлась ему даже по душе. Не предложив никаких изменений, он попросил лишь установить у входа отдельный стенд. Зато раздал весьма точные инструкции относительно освещения и заходил туда раз в неделю удостовериться, что им неукоснительно следуют.

Вернисаж, все тонко просчитав, назначили на 28 января, – критики к тому времени уже вернутся с каникул и успеют организоваться. Бюджет, выделенный на банкет, тоже оказался вполне пристойным. Первым настоящим сюрпризом для Джеда стала менеджер по пиару: будучи во власти штампов и стереотипов, он всегда представлял себе в этом амплуа самых клевых телок, а тут очутился в компании болезненной, чуть ли не горбатой худышки, так некстати названной Мэрилин. К тому же у нее явно пошаливали нервы – в течение всего их разговора она неустанно наматывала на палец пряди черных прямых волос, постепенно закручивая их в безнадежные узлы, а потом и вовсе резким движением вырвала у себя целый клок.

У Мэрилин постоянно текло из носа, и ей приходилось таскать в необъятных размеров сумке,

скорее хозяйственной, нежели дамской, как минимум полторы дюжины пачек бумажных платков, составлявших ее дневной рацион. Они встретились в кабинете Ольги, и Джеду стало неловко от соседства его роскошной красавицы с бесконечно желанным телом и этой несчастной мартышки с непознанным влагалищем; он даже подумал мельком, что Ольга выбрала Мэрилин именно за ее уродство, дабы обеспечить отсутствие соперниц в его ближайшем окружении. Ну нет, разумеется, нет, она слишком хорошо сознавала собственную красоту и была достаточно объективна, чтобы опасаться какого-либо состязания или конкуренции, ведь ее превосходству объективно ничто не угрожало – вся ее жизнь служила тому подтверждением, и если она и завидовала порой ямочкам Кейт Мосс или заднице Наоми Кэмпбелл, то мимоходом, когда смотрела модные дефиле по Шестому каналу. Ольга пригласила Мэрилин потому, что та считалась классной пиарщицей, лучшей в области современного искусства, по крайней мере на французском рынке.

– Я счастлива, что буду работать над вашим проектом, – прогундосила Мэрилин. – Безгранично счастлива.

Ольга вся прямо-таки съежилась, пытаясь опуститься до ее уровня, и от смущения отправила их в переговорную комнату рядом со своим кабинетом. «Работайте спокойно…» – сказала она с облегчением и исчезла. Прежде всего, Мэрилин вынула огромный ежедневник формата 21?29,7 и две пачки бумажных платков.

– По первому образованию я географ. Потом я занялась географией человека. А теперь вот перешла на человека как такового. Ну, если их можно назвать людьми…- сдержанно заключила она.

Для начала ей хотелось бы знать, есть ли у Джеда любимые «медийные носители» в области бумажных СМИ. Таковых не нашлось; более того, Джед не смог даже вспомнить, покупал ли он хоть раз в жизни газету или журнал. Вот телевизор он обожал смотреть, особенно по утрам, расслабленно перескакивая с мультиков на биржевые новости; если какая-то тема вдруг привлекала его внимание, он лез в интернет; но пресса представлялась ему странным пережитком, обреченным на скорое вымирание, и ему было невдомек, зачем она вообще нужна.

– Хорошо… – невозмутимо откликнулась Мэрилин. – Если я правильно понимаю, вы мне предоставляете свободу действий.

5

Свобода действий у нее, конечно, была, и использовала она ее по полной. Когда, в день вернисажа, они вошли в выставочный зал на авеню Бретей, Ольга просто потеряла дар речи. «Народу-то», – выдавила она наконец под сильным впечатлением. «Да, народ откликнулся», – подтвердила Мэрилин со смутным самодовольством, в котором сквозила, как ни странно, затаенная обида. Пришло человек сто, но она имела в виду, что явились и важные шишки, но у них что, это на лбу написано? Джед знал в лицо только одного человека, Патрика Форестье*, непосредственного начальника Ольги и директора по связям с общественностью компании «Мишлен-Франс», заурядного выпускника Политехнической школы, который убил три часа на попытки одеться поприкольнее, устроив смотр всему своему гардеробу, прежде чем остановиться на очередном сером костюме, правда без галстука.

* На самом деле Патрик Форестье – известный французский репортер и писатель.

Вход в зал был перегорожен большим стендом, а с обеих сторон оставлено по два метра свободного пространства. На стенд Джед прикрепил впритык две фотографии – спутниковый снимок вершины Гран-Баллон в Гебвиллере и увеличенную карту той же территории из мишленовской серии «Департаментов». Контраст был поразительным: на спутниковом снимке виднелось однородное зеленое месиво с невнятными голубыми вкраплениями, тогда как карта являла взору завораживающее сочетание второстепенных шоссе и живописных проселочных дорог, смотровых площадок, лесов, озер и перевалов. Над фотографиями красовались черные заглавные буквы названия выставки: карта интереснее территории.

Для начала ей хотелось бы знать, есть ли у Джеда любимые «медийные носители» в области бумажных СМИ. Таковых не нашлось; более того, Джед не смог даже вспомнить, покупал ли он хоть раз в жизни газету или журнал. Вот телевизор он обожал смотреть, особенно по утрам, расслабленно перескакивая с мультиков на биржевые новости; если какая-то тема вдруг привлекала его внимание, он лез в интернет; но пресса представлялась ему странным пережитком, обреченным на скорое вымирание, и ему было невдомек, зачем она вообще нужна.

– Хорошо… – невозмутимо откликнулась Мэрилин. – Если я правильно понимаю, вы мне предоставляете свободу действий.

5

Свобода действий у нее, конечно, была, и использовала она ее по полной. Когда, в день вернисажа, они вошли в выставочный зал на авеню Бретей, Ольга просто потеряла дар речи. «Народу-то», – выдавила она наконец под сильным впечатлением. «Да, народ откликнулся», – подтвердила Мэрилин со смутным самодовольством, в котором сквозила, как ни странно, затаенная обида. Пришло человек сто, но она имела в виду, что явились и важные шишки, но у них что, это на лбу написано? Джед знал в лицо только одного человека, Патрика Форестье*, непосредственного начальника Ольги и директора по связям с общественностью компании «Мишлен-Франс», заурядного выпускника Политехнической школы, который убил три часа на попытки одеться поприкольнее, устроив смотр всему своему гардеробу, прежде чем остановиться на очередном сером костюме, правда без галстука.

* На самом деле Патрик Форестье – известный французский репортер и писатель.

Вход в зал был перегорожен большим стендом, а с обеих сторон оставлено по два метра свободного пространства. На стенд Джед прикрепил впритык две фотографии – спутниковый снимок вершины Гран-Баллон в Гебвиллере и увеличенную карту той же территории из мишленовской серии «Департаментов». Контраст был поразительным: на спутниковом снимке виднелось однородное зеленое месиво с невнятными голубыми вкраплениями, тогда как карта являла взору завораживающее сочетание второстепенных шоссе и живописных проселочных дорог, смотровых площадок, лесов, озер и перевалов. Над фотографиями красовались черные заглавные буквы названия выставки: карта интереснее территории.

В самом зале Джед развесил на мобильных стойках десятка три увеличенных снимков карт из мишленовских «Департаментов», но географические зоны были выбраны самые разные, от горных вершин до побережья Бретани, от лесистых местностей Ла-Манша до хлебородных равнин в департаменте Эр-и-Луар. Мэрилин, замерев у входа в зал между Ольгой и Джедом, окинула толпу журналистов, критиков и сильных мира сего взглядом хищника, мимо которого движется на водопой стадо антилоп.

– Пришла Пепита Бургиньон, – произнесла она наконец с сухой усмешкой.

– Бургиньон? – переспросил Джед.

– Арт-критикесса из «Монда».

Он чуть было не переспросил «из бомонда?», но вовремя сообразил, что речь идет о вечерней газете, и счел за лучшее промолчать и, если получится, вообще не открывать рта весь вечер. Вскоре его оттеснили от Мэрилин, но он не стушевался, а продолжал спокойно расхаживать среди своих фотографий – никто так и не признал в нем художника, а он даже не пытался прислушиваться к комментариям. У Джеда создалось впечатление, что на его вернисаже гул голосов был не таким оживленным, как обычно; в атмосфере чувствовалась какая-то собранность, можно сказать даже скорбь, многие внимательно рассматривали его работы, наверное, это хороший знак. Буянил один Патрик Форестье – с бокалом шампанского в руке он вертелся вокруг своей оси, чтобы никто не пропустил ни слова, и громогласно радовался, что «размолвке между „Мишленом“ и миром искусства пришел конец».

Через три дня Мэрилин ворвалась в переговорную, где Джед обосновался в ожидании откликов на выставку. Она вытащила из сумки пачку бумажных платков и последний номер «Монд».

– Вы что, не прочли? – воскликнула она, и в ее

случае это можно было трактовать как перевозбуждение. – Тогда я не зря пришла.

Статья Патрика Кешишьяна*, на целую полосу, с прекрасной цветной репродукцией фотографии «Дордонь, Лот», была восторженной. С первых же строк автор уподоблял проекцию карты или спутникового снимка точке зрения Бога. «С завидным самообладанием, достойным великих революционеров, – писал он, – художник, совсем еще молодой человек, отказывается, начиная с самой первой, открывающей выставку работы – своеобразной путевки в его мир, – от натуралистического и неоязыческого подхода, которым грешат наши современники в тщетной попытке создать образ Незримого. Не без дерзновенной удали становится он на точку зрения Бога – партнера человека в деле (пере) стройки мира». Автор статьи витиевато описывал работы Джеда, обнаруживая недюжинные познания в области фототехники, и, наконец, переходил к заключению: «Джед Мартен сделал свой выбор между мистическим единением с миром и рациональной теологией. Возможно, впервые в западном искусстве после великих мастеров Возрождения он предпочел ночным искушениям какой-нибудь Хильдегарды Бингенской сложные, но ясные построения „немого быка“, как прозвали Аквината его соученики по Кельнскому университету. Выбор спорный, но заданная им высота планки несомненна. Новый год в искусстве начался весьма многообещающе».

* Патрик Кешишьян – писатель, литературный критик газеты «Монд».

– Ну что ж, это не так глупо…- заметил Джед. Мэрилин взглянула на него с негодованием.

– Потрясающий текст! – строго заявила она. – Странно, конечно, что его написал Кешишьян, он же занимается исключительно книгами. А ведь Пепита Бургиньон тоже была… – Она растерянно замолкла на несколько мгновений и решительно заявила: – Впрочем, по мне, так лучше уж полоса Кешишьяна, чем заметка Бургиньон.

– И что теперь будет?

– Конец света. Статьи посыпятся одна за другой.

В тот же вечер они отпраздновали это событие «У Энтони и Жоржа». «Все о вас говорят…» – шепнул ему Жорж, помогая Ольге снять шубу. Рестораторы обожают модную тусовку и пристально следят за светской и культурной хроникой, понимая, что присутствие селебритиз в их заведении может послужить приманкой для сегмента «козлов с баблом», который им поставляет больше всего клиентов; випы же обожают таскаться по ресторанам, таким образом совершенно естественно возникает некий симбиоз между рестораторами и гламуром. Джед, еще не оперившийся селебренок, как нечего делать напустил на себя приличествующее его новому статусу выражение скромной безучастности, удостоившись одобрительного подмигивания Жоржа, известного эксперта по гламуру для начинающих. В ресторане никого не было, кроме корейской супружеской пары, но и они довольно быстро ушли. Ольга заказала гаспаччо с арагулой* и омара на пару с пюре из ямса, а Джед – сковородку слегка обжаренных гребешков и суфле из молодых тюрбо с тмином и муссом из пасс-крассана**. Когда подали десерт, к ним присоединился Энтони, как всегда подпоясанный фартуком. Запыхавшись и потрясая бутылкой арманьяка «Кастаред» 1905 года, он объявил: «Подарок от заведения» – и наполнил рюмки. Если верить справочнику Rothenstein et Bowles, напиток этого года очаровывал благородством, широтой и прихотливостью своей вкусовой палитры. Поздние оттенки чернослива и выдержанного вина особенно характерны для его солидной спиртовой гаммы, отличающейся на редкость долгим послевкусием и финальной ноткой старой кожи.

* Арагула – североамериканское название рукколы.

** Пасс-крассан – сорт груши.

Энтони слегка располнел с момента их последней встречи, да и куда ему деться, секреция тестостерона с годами снижается, а удельный вес жировых отложений, напротив, растет, он же как раз приближался к критическому возрасту.

Ольга неторопливо и с наслаждением вдыхала букет арманьяка, потом окунула в него губы – она чувствовала себя во Франции как рыба в воде, и глядя на нее, трудно было поверить, что ее детство прошло в многоэтажке на окраине Москвы.

– Почему, интересно, почти все модные шефы, – спросила она после первого глотка, – я хочу сказать те, которые у всех на устах, – геи?

– Ха-аа! – Энтони сладострастно потянулся на стуле, восторженным взглядом обведя зал своего ресторана. – Да-да, лапа моя, вот где собака зарыта, геи всегда о-бо-жали гастрономию, с самого начала, но никто и не заикался об этом, вообще ни-кто. Решающую роль сыграли, я думаю, три звезды Франка Пишона. Представь, транссексуал оторвал три мишленовские звезды, это ли не первый звонок! – Он сделал глоток и, казалось, погрузился в воспоминания. – А потом, само собой, – вскричал он с необыкновенным воодушевлением, – само собой, атомным взрывом, из которого разгорелось пламя, стал аутинг Жан-Пьера Перно*!

* Жан-Пьер Перно – французский телеведущий.

– Да, кто б спорил, аутинг Жан-Пьера Перно – это, правда, было что-то с чем-то …- неохотно признал Жорж. – Но, знаешь ли, Тони…- продолжал он с шипящими интонациями записного задиры, – в сущности, не общество отказывалось смириться с поварами-геями, а геи никак не могли смириться с тем, что они повара. Вот, например, про нас с тобой в «Тетю»* не написали ни слова, первым заговорил о ресторане «Ле Паризьен». В традиционных гейских кругах считалось, что стоять у плиты недостаточно гламурно. Для них это была просто стряпня, да, именно стряпня!

Topreading.ru

* Жан-Пьер Перно – французский телеведущий.

– Да, кто б спорил, аутинг Жан-Пьера Перно – это, правда, было что-то с чем-то …- неохотно признал Жорж. – Но, знаешь ли, Тони…- продолжал он с шипящими интонациями записного задиры, – в сущности, не общество отказывалось смириться с поварами-геями, а геи никак не могли смириться с тем, что они повара. Вот, например, про нас с тобой в «Тетю»* не написали ни слова, первым заговорил о ресторане «Ле Паризьен». В традиционных гейских кругах считалось, что стоять у плиты недостаточно гламурно. Для них это была просто стряпня, да, именно стряпня!

Джед вдруг интуитивно почувствовал, что явное раздражение Жоржа относится и к зарождающимся жировым складкам Энтони, что он и сам, видимо, начинает тосковать по своему темному докулинарному прошлом в коже и цепях, в общем, самое время было сменить тему. И Джед ловко свернул на аутинг Жан-Пьера Перно, сюжет очевидный и невероятный, он сам, рядовой телезритель, был, помнится, потрясен его фразой: «Да, вы правы, я люблю Давида», произнесенной в прямом эфире перед камерами канала Франс-2, и полагал, что эти слова останутся незабываемым моментом в истории телевидения 2010-х годов. По этому поводу быстро установился консенсус, и Энтони в очередной раз разлил по рюмкам арманьяк.

– Я себя позиционирую прежде всего как телезритель! – в страстном порыве воскликнул Джед, чем заслужил удивленный взгляд Ольги.

* «Тетю» – французский гей-журнал.

6

Месяц спустя Мэрилин вошла в кабинет Ольги с сумкой, нагруженной больше обычного. Трижды высморкавшись, она положила перед Джедом объемистую папку на резинках.

– Тут вся пресса… – уточнила она, не дождавшись его реакции.

Он посмотрел на папку ничего не выражающим взглядом, но не открыл ее.

– И как?- спросил он.

– Замечательно. Все отписались.

Но особого восторга в ее голосе слышно не было. Под личиной этой женщины с постоянно заложенным носом таилась настоящая воительница, специалистка по разведке боем: Мэрилин приходила в экстаз от запуска механизма и выхода в свет первой важной статьи. Но когда процесс уже шел сам собой, она вновь погружалась в тошнотворную апатию. Даже говорила все тише и тише, так что Джед едва расслышал: " Все, кроме Пепиты Бургиньон«.

– Ну и вот… – грустно заключила она, – мне было приятно работать с вами.

– Мы что, уже не увидимся?

– Если я вам понадоблюсь, то конечно. У вас есть мой мобильный.

И она распрощалась, уходя навстречу неизведанному, впрочем, создавалось впечатление, что она тут же ляжет в постель и заварит себе травяной чай. Уже на пороге она обернулась напоследок и добавила угасшим голосом:

– Думаю, это один из самых оглушительных успехов в моей жизни.

И правда, авторы статей, как убедился Джед, просмотрев вырезки, были единодушны в своих дифирамбах. В современном обществе случается – несмотря на настырность журналистов в деле выслеживания и обнаружения зарождающихся модных тенденций, если не сказать в деле их создания, – что некоторые из оных тенденций развиваются анархично, самостийно и процветают, не дожидаясь, пока на них наклеют ярлык. На самом деле это происходит все чаще и чаще, с тех пор как интернет пришел почти в каждый дом, способствуя краху бумажных изданий. Растущий успех кулинарных курсов на всей территории Франции; недавнее появление региональных конкурсов на лучшее инновационное произведение в области колбасных и сырных изделий; массовый и неумолимый рост популярности пешеходного туризма и, наконец, аутинг Жан-Пьера Перно – все работало на новоиспеченный общественный феномен: во Франции, впервые после Жан-Жака Руссо, деревня вошла в моду. Казалось, французское общество благодаря центральным газетам и журналам внезапно осознало это в течение нескольких недель после открытия выставки Джеда. Мишленовская карта, ничем не примечательный предмет утилитарного назначения, стала за это время важнейшим инструментом приобщения к тому, что «Либерасьон», не поперхнувшись, назвала «магией местного колорита».

Кабинет Патрика Форестье, в окнах которого виднелась Триумфальная арка, был гениально задуман – путем нехитрой перестановки мебели он превращался то в кинозал, то в конференц-холл, а то и в салон Для бранча, при площади всего-навсего семьдесят метров; еду разогревали в микроволновке, да и переночевать было где. Для приема Джеда Форестье выбрал опцию «деловой завтрак»: на журнальном столике посетителя ожидали фруктовые соки, выпечка и кофе.

Форестье встретил его, широко раскрыв объятия; он буквально сиял, и это еще слабо сказано.

– Я верил в вас… Я всегда верил в вас! – воскликнул он, что, если положиться на мнение Ольги, коротенько проинструктировавшей Джеда перед встречей, было, мягко говоря, преувеличением. – Теперь… нам надо «реализовать попытку»! – Он вдруг замахал руками, делая какие-то горизонтальные пассы, но Джед тут же догадался, что он изображает передачу мяча в регби. – Садитесь… – Они устроились на диванах вокруг столика; Джед налил себе кофе. – We are a team*, – непонятно зачем добавил Форестье. – Продажи наших карт выросли на семнадцать процентов за последний месяц, – уточнил он. – Мы могли бы, и на нашем месте так поступил бы каждый, слегка повысить цены; но мы выше этого.

* Мы команда! (англ.)

Он позволил Джеду в полной мере оценить полет коммерческой мысли, скрытый за таким решением, и продолжал:

– Но никто не ожидал, что найдутся покупатели даже на старые мишленовские карты, мы ведь отслеживаем интернет-аукционы. Надо же, еще несколько недель назад мы просто пускали старые карты под нож, – похоронным голосом сообщил он. – Разбазарили целое состояние, о реальной стоимости которого в компании даже не подозревали… пока не появились ваши потрясающие фотографии. – Он, похоже, погрузился в тяжкие раздумья о бездарно улетучившихся деньгах и, возможно, вообще о разрушении ценностей как таковых, но быстро пришел в себя: – Что касается ваших… – он запнулся в поисках подходящего слова, – что касается ваших произведений, то мы готовы нанести решающий удар! – Он резко выпрямился на диване, и Джед внезапно испугался, что он вскочит сейчас обеими ногами на столик и примется колотить себя кулаками в грудь на манер Тарзана; он моргнул, чтобы отогнать это

наваждение. – Мы все детально обсудили с мадемуазель Шеремеевой, с которой вы, насколько я понимаю… – Форестье снова запнулся (выпускники Политехнической школы обходятся дешевле выпускников Национальной школы администрации, но зато чаще сбиваются в поисках слова); наконец он понял, что отклонился от темы. – Короче, мы решили, что и речи быть не может о прямой их реализации по нашим каналам. Мы ни в коем случае не хотим так или иначе сковывать вашу творческую независимость. Ведь обычно, – неуверенно продолжал он, – реализацией произведений искусства занимаются галереи…

– У меня нет своего галериста.

– Я так и понял. Поэтому я готов предложить вам следующую схему. Мы проплачиваем создание интернет-сайта, на котором вы размещаете свои работы и напрямую продаете их. Конечно, сайт вы зарегистрируете на свое имя. «Мишлен» там никак не засветится. Я думаю, вам лучше самому следить за изготовлением отпечатков. Зато мы возьмем на себя логистику и доставку.

– Я согласен.

– Отлично, отлично. Мы с вами, можно сказать, поработали по модели win-win*!. – восхитился он. – Я все изложил в проекте договора и, само собой, даю вам время на его изучение.

Джед вышел в длинный, очень светлый коридор, на противоположном конце которого виднелось огромное окно, выходившее прямо на арку Дефанс и зимнее небо такого роскошного синего цвета, что оно казалось почти искусственным; фтолацианова синяя – мелькнуло в голове у Джеда. Он ступал медленно, неуверенно, словно продираясь сквозь вату; он понимал, что вышел на новый виток своей жизни. Дверь в кабинет Ольги была открыта; Ольга улыбнулась ему.

– Ну вот. Все было как ты сказала, – объявил он.

*Стратегия ведения деловых переговоров, целью которой признается достижение результата, выгодного обеим сторонам; деловые отношения, в которых все участники оказываются в выигрыше.

7

Джед никогда ничего не изучал, кроме литературы и искусства, и ему не приходилось задумываться о ценообразовании, важнейшей загадке капитализма. Он остановил свой выбор на бумаге Hahnemuhle Canvas Fine Art, которая позволяла добиться великолепной насыщенности цвета и отлично держала изображение при длительном хранении. Но калибровка цвета при печати на такой бумаге оказывалась сложной и нестабильной, эпсоновский драйвер плохо с ней справлялся, и поэтому Джед ограничился двадцатью отпечатками каждой фотографии, обходившимися ему евро по тридцать штука. Он решил предлагать их на сайте за двести евро.

Когда он выложил в интернете первую фотографию – увеличенное изображение района Азбрука, весь тираж раскупили меньше чем за три часа. Судя по всему, цена была заниженной. После непродолжительных раздумий, несколько недель спустя, он остановился на двух тысячах евро за формат 40?60. Ну вот и готово: он узнал свою рыночную цену.

Topreading.ru

Когда он выложил в интернете первую фотографию – увеличенное изображение района Азбрука, весь тираж раскупили меньше чем за три часа. Судя по всему, цена была заниженной. После непродолжительных раздумий, несколько недель спустя, он остановился на двух тысячах евро за формат 40?60. Ну вот и готово: он узнал свою рыночную цену.

В Париж и пригороды пришла весна. Джед неожиданно для себя стал без пяти минут состоятельным человеком. В апреле они с удивлением отметили, что его месячный заработок перевалил за Ольгин. В этом году майские праздничные уикенды тянулись как никогда долго – Первое мая выпало на четверг, и Восьмое, соответственно, тоже, потом, как водится, нагрянуло Вознесение, и все закончилось чередой выходных на Троицу. На днях вышел новый каталог French Touch. Ольга готовила его к печати, правила иногда рекламные тексты владельцев отелей, а главное – отбирала фотографии, присланные тем или иным заведением, и заказывала другие, если те казались ей недостаточно завлекательными.

Над Люксембургским садом сгущались сумерки; они сидели на балконе, им было тепло, хорошо; вдалеке гасли запоздалые детские крики, ворота собирались закрывать на ночь. В сущности, Ольга хорошо знает только Париж, подумал Джед, листая путеводитель French Touch, да и сам он немногим больше. Тут же Франция представала поистине страной чудес, волшебным калейдоскопом восхитительных земель, усеянных звездочками замков и усадеб, невероятно разнообразных, но везде определенно хотелось пожить.

– Может, уедем из города на выходные? – предложил он, откладывая увесистый том. – Например, в какой-нибудь отель из твоего гида.

– Хорошая мысль. – Она задумалась. – Но чур инкогнито. Лучше никому не говорить, что я работаю в «Мишлене».

Говори не говори, сказал себе Джед, в любом отеле их примут с распростертыми объятиями: молодые горожане в первой фазе романа, богатые, без детей, весьма привлекательные с эстетической точки зрения, готовые восхищаться всем напропалую в надежде создать фонд общих прекрасных воспоминаний, которые пригодятся им с наступлением трудных времен и даже помогут, кто знает, преодолеть кризис любовных отношений, короче, для любого профессионала ресторанно-гостиничного бизнеса они являли собой архетип идеальных клиентов.

– С чего начнем?

Джед заметил, что вопрос не из легких. Многие области Франции, судя по всему, представляли реальный интерес. Может, и правда, подумал он, Франция – страна чудес, по крайней мере с точки зрения туриста.

– Начнем с Центрального массива, – наконец определился он. – Это то, что надо, особенно тебе. Наверняка есть места и получше, но французистее не найти, в том смысле, что это не похоже ни на что, кроме Франции.

Ольга сама пролистала путеводитель и выбрала отель. Джед поморщился:

– Ставни ужасные… На фоне серого камня я бы предпочел коричневые или красные, на худой конец зеленые, но уж никак не синие. – Он углубился в рекламный текст, и его недоумение возросло. – Это что за галиматья? «Наш отель, расположенный на юге столь разноликой провинции Канталь, гарантирует Вам незабываемые впечатления: вечность тут созвучна беспечности, а независимость – почтительности…» Независимость вовсе не созвучна почтительности!

Ольга снова погрузилась в чтение.

– А, ну понятно! «Мартина и Омар познакомят вас с национальными блюдами и винами» – она вышла замуж за араба, отсюда и почтительность.

– Может, это и не худший вариант, особенно если он марокканец. Марокканская кухня – пальчики оближешь. Они, наверно, изобрели франко-марокканский фьюжн, типа пастилью с фуа-гра.

– Да, – с сомнением произнесла Ольга. – Но я-то туристка, мне подавай чего-нибудь франко-французского. Франко-марокканская или франко-вьетнамская кухня хороша для навороченного ресторана на канале * Сен-Мартен в Париже, но уж никак не для уютного отеля в Кантале. Я, пожалуй, выкину его из гида…

Ничего она, конечно, не выкинула, но их разговор навел ее на размышления, и несколько дней спустя она предложила своему начальству организовать статистическое исследование данных о заказе тех или иных блюд в ресторанах вышеупомянутой гостиничной сети. Результаты стали известны аж через полгода, но полностью подтвердили ее интуитивные предположения. Креативную, равно как и азиатскую кухню клиенты решительно бойкотировали. Североафриканские блюда высоко ценились разве что на южном побережье Франции и на Корсике. Вне зависимости от региона, рестораны с кухней «традиционной» или «по старинке» получали средний чек на шестьдесят три процента выше аналогичного показателя в целом по отрасли. Колбасные изделия и сыры оставались вечными ценностями, но максимального рейтинга достигали все-таки блюда, приготовленные из диковинных животных, и не просто с французскими, а с сугубо местными коннотациями, вроде вяхиря, улиток или миног. Руководитель направлений «файн дайнинг» и «кежуал дайнинг», составивший краткую служебную записку, заключал без обиняков:

Не исключено, что мы совершили ошибку, ориентируясь преимущественно на вкус клиентов из англосаксонских стран, приверженцев диетического и низкокалорийного направления карты, которые, в своем стремлении сочетать вкусовое разнообразие со строгим соблюдением санитарно-гигиенических нормативов, особенно ценят эффективную организацию тепловой обработки и производственных операций холодного цеха. На самом деле такой клиентуры не существует: американских туристов никогда не было много во Франции, а число англичан постоянно снижается. Англоговорящая клиентура в целом приносит не более 4,3% выручки. Наши новые клиенты, реальные клиенты, – выходцы из более молодых и неблагополучных стран, где санитарные нормативы возникли недавно и в любом случае редко соблюдаются, напротив, во время своего пребывания во Франции оказывают предпочтение карте, построенной на винтажных, если не хардкорных рецептурах; и лишь те рестораны, которые сумеют адаптироваться к новым обстоятельствам, заслужат в будущем право фигурировать в нашем путеводителе.

8

Они прожили несколько недель чистого счастья (но не безудержного, лихорадочного счастья юнцов, ибо на выходные им уже не пришло бы в голову балдеть или отрываться по полной – нет, его скорее следовало трактовать – они, правда, еще были достаточно молоды, чтобы посмеяться над этим, – как подготовку к тихому эпикурейскому счастью, с изыском, но без снобизма, которое западное общество предлагает представителям высшего слоя среднего класса в расцвете лет). Они быстро привыкли к театральному тону официантов в звездных

заведениях, перечислявших ингредиенты предварительных легких закусок и различных «комплиментов от шефа» и по всем правилам декламационного искусства восклицавших с выражением при каждой перемене блюд: «Приятного продолжения, господа-дамы!», причем Джед всякий раз вспоминал молодого упитанного священника, судя по всему – социалиста, пожелавшего им с Женевьевой «приятного богослужения», когда они, поддавшись внезапному порыву, зашли на воскресную утреннюю службу в Нотр-Дам, едва выскочив из койки в ее студии на бульваре Монпарнас. Он не раз потом вспоминал о нем – святой отец, внешне вылитый Франсуа Олланд*, в отличие от политического лидера, выбрал путь скопца для Царства Небесного. Много лет спустя, уже начав свою серию основных профессий, Джед не раз собирался написать потрет одного из этих целомудренных, преданных идее служителей культа, колесящих – все реже и реже, надо признать – по столицам, дабы даровать людям утешение в вере своей. Но ничего у него не вышло, ему даже не удалось как следует обдумать эту тему. Наследники тысячелетней духовной традиции, в которой уже никто толком ничего не понимает, выдвинутые когда-то в первые ряды общества, сегодня, закончив бесконечное, чрезвычайно сложное обучение, требующее знания латыни, церковного права, рациональной теологии и прочих непостижимых материй, вынуждены влачить жалкое существование, ездить на метро, в гуще ближних своих, из кружка по изучению Евангелия в клуб по искоренению безграмотности и каждое утро при этом служить мессу для небольшой кучки стареющих прихожан; им запрещаются все чувственные радости, даже самые элементарные, семейные, к тому же по роду своей деятельности они обязаны излучать неизменный оптимизм. Почти на всех картинах Джеда Мартена, отметят позже искусствоведы, мужчины и женщины занимаются своим ремеслом в духе доброй воли, но имеется в виду разумная добрая воля, когда соблюдение профессиональных требований гарантирует взамен, в различных пропорциях, смесь денежного поощрения и утоленного честолюбия. Смиренные, без гроша в кармане, презираемые всеми молодые священники терпят безмерные тяготы городского бытия, не имея доступа ни к одной из его утех, и, глядя на них, человек, не разделяющий их веры, может только пожать плечами.

* Франсуа Олланд – французский политик, первый секретарь Социалистической партии Франции в 1997-2008 гг.

А вот путеводитель French Touch предлагал как раз целую гамму удовольствий, не бог весть каких, но зато с гарантией качества. Ну как было не порадоваться вместе с хозяином «Смешливого сурка», заключавшим свой промо-текст уверенной и безмятежной фразой: «Просторные номера с террасой (и ванной с джакузи), меню, полное маленьких искушений, десять сортов домашнего варенья на завтрак: вы действительно находитесь в шарм-отеле!» И как не поплыть вслед за управляющим отеля Carpe Diem по волнам его поэтической прозы: «С улыбкой перейдете вы из сада (средиземноморская растительность) в свой номер-люкс, который всколыхнет все ваши чувства. И тогда вам останется лишь закрыть глаза, запечатлеть в памяти райское благоухание и шумливую сень струй в хаммаме белого мрамора и признаться себе в очевидном: „Здесь жизнь прекрасна“. В грандиозных покоях замка семьи Бурбон-Бюссе, наследники которой достойно продолжают традиции изысканного гостеприимства, взору посетителей предстают волнующие сувениры (волнующие, вероятно, семью Бурбон-Бюссе) времен Крестовых походов; в некоторых номерах имеются водные матрасы». Это сочетание примет доброй старой Франции и местного колорита с актуальными гедонистскими примочками выглядело иногда странно, почти безвкусно; но, видимо, такая гремучая смесь, подумал Джед, очень даже по душе клиентам данной сети отелей, или, во всяком случае, ядру целевой аудитории. Факты, изложенные в рекламных текстах, как правило, соответствовали истине. В парке замка Горж в Верхнем Сезалье якобы водились косули, олени и ослик. Ослик и впрямь обнаружился. А вот гуляя по садам гостиницы «Вертикаль», можно было повстречаться

с Мигелем Сантамайором, создателем интуитивной кухни, отмеченной «небывалым синтезом традиций и футуризма»; и точно, у плиты суетился мужик, чем-то смахивающий на гуру, который, сыграв «симфонию овощей и времен года», самолично предлагал гостям пассионарную сигару.

Последний майский уикенд, на Троицу, они провели в замке Во-де-Люньи, жемчужине «Элитных загородных усадеб», где гостей ожидали роскошные номера с видом на парк в сорок гектаров, оригинальный план которого создал сам Ленотр. Здешняя кухня, уверял путеводитель, «предлагает бесконечное богатство местных особенностей», радуя знатоков «прекраснейшим средоточием французского гастрономического духа».

Именно здесь в понедельник Троицы Ольга за завтраком объявила Джеду, что в конце месяца возвращается в Россию. Она в эту минуту наслаждалась земляничным вареньем, а равнодушные к человеческим драмам птички беззаботно чирикали в парке, разбитом по оригинальному рисунку Ленотра. Семья китайцев по соседству от них обжиралась мягкими вафлями и сосисками. Сосиски на завтрак изначально появились в замке Во-де-Люньи, дабы удовлетворить запросы англосаксонской клиентуры, верной традициям жирного протеинового брекфаста; вопрос этот стоял на повестке дня краткого, но решающего корпоративного собрания: вкусы новой китайской клиентуры, пока еще невнятные, слабо выраженные, но явно склоняющиеся в пользу сосисок, послужили решающим аргументом, и эту линию продснабжения решено было сохранить. Другие шарм-отели Бургундии пришли в те же годы к аналогичному заключению, таким образом компания «Сосиски и копчености Мартено», обосновавшаяся в этом регионе еще в 1927 году, избежала банкротства и репортажа из рубрики «Социальная проблематика» в новостном выпуске на Третьем канале.

Однако Ольга была совсем не по этому делу и протеинам предпочитала земляничное варенье. Она начинала всерьез дергаться, понимая, что ее судьба решится здесь и сейчас, буквально в считанные минуты, ведь в наши дни мужиков поди пойми, ну вначале еще туда-сюда, мини-юбки не подведут, а дальше только диву даешься. «Мишлен» стремился закрепиться на российском рынке, эта страна стала одним из приоритетных направлений развития компании, и Ольге собирались втрое увеличить зарплату, дав ей в подчинение человек пятьдесят, – от такого повышения она ну никак не могла отказаться, в генеральной дирекции ее отказ не просто не поняли бы, но даже сочли бы преступным, так как руководящий работник определенного уровня имеет обязательства и перед фирмой, и, между прочим, перед самим собой, он должен холить и лелеять свою карьеру – как Христос ради Церкви, как супруг ради супруги, то есть ему надлежит хотя бы откликнуться на карьерный призыв, в противном случае он недвусмысленно дает понять обалдевшему начальству, что так никогда и не будет достоин подняться выше мелкого служащего.

Джед тупо молчал, ворочая ложечкой в яйце всмятку, и бросал на Ольгу взгляды исподлобья, как наказанный ребенок.

– Приезжай в Россию… – сказала она. – Приезжай когда хочешь.

Она была молода, или, точнее говоря, еще молода, и воображала, что жизнь предлагает массу разных возможностей, а человеческие отношения богаче схем.

Легкий сквознячок шевелил шторы на застекленных дверях, выходящих в парк. Чириканье птиц внезапно стало громче, потом смолкло. Китайцы за соседним столиком неожиданно испарились, словно растаяли в воздухе. Джед, по-прежнему не произнося ни слова, положил ложку на стол.

– Ты не торопишься с ответом… – протянула Ольга. – Французик… – добавила она с ласковым упреком. – Французик мой недоделанный…

9

В воскресенье 28 июня, в середине дня, Джед отвез Ольгу в аэропорт Руасси. Ему было тоскливо, в глубине души он понимал, что для них обоих наступили мгновения смертельной тоски. Теплая безветренная погода никак не способствовала нужным чувствам. Он мог бы прервать процесс расставания, броситься к ее ногам, умолять не садиться в самолет; возможно, она бы его и послушала. А что потом? Искать новое жилье (арендный договор на квартиру на улице Гюинмер заканчивался в конце месяца)? Отменить назначенный на завтра переезд? Почему бы и нет, технические трудности были преодолимы.

Джед был немолод, впрочем, он никогда и не был молодым; ему не хватало опыта, вот и все. В человеческом плане он знал лишь отца, и то не слишком хорошо. Их общение не могло пробудить в нем чрезмерного оптимизма по поводу человеческих отношений. Насколько он успел заметить, человеческое бытие строится вокруг работы, которая составляет его большую часть и осуществляется в учреждениях различного масштаба. По истечении трудовых лет начинается более краткий период, отмеченный развитием всякого рода патологий. Некоторые особи на наиболее активной стадии своей жизни пытаются объединиться в микроячейки под названием семья с целью воспроизводства себе подобных; обычно эти попытки ничем не кончаются, «такие уж нынче времена», лениво думал он, попивая кофе со своей любовницей (они остались одни у стойки бара Segafredo, да и вообще в аэропорту было мало народу, гул неизбежных разговоров тонул в ватной тишине, которая казалась исконно присущей этому месту, как дорогим частным клиникам). Да нет, то была, увы, иллюзия, общий механизм перевозки, играющий сегодня столь важную роль в управлении индивидуальными судьбами, просто выдерживал краткую паузу, прежде чем с новой силой запуститься на максимальных оборотах в первые дни массовых отъездов на отдых. Но уж слишком заманчиво было усмотреть в этом некую дань, скромную дань социальной машинерии их столь резко прервавшейся любви.

Джед никак не отреагировал, когда Ольга, поцеловав его на прощание, направилась к паспортному контролю, и, только вернувшись домой, на бульвар Л’Опиталь, понял, что, сам того не заметив, вышел на новый жизненный этап. Он понял это потому, что все, из чего еще недавно состоял его мир, внезапно показалось ему пустышкой. Дорожные карты и фотографии, сотнями валявшиеся на полу, потеряли для него всякий смысл. Покорившись судьбе, он вышел, купил в гипермаркете «Казино» на бульваре Венсена Ориоля два рулона мусорных мешков для строительных отходов и, вернувшись домой, засучил рукава. А бумага тяжелая, подумал он, придется выносить мешки в несколько приемов. Ни минуты не колеблясь, он уничтожал месяцы, да нет, целые годы своей работы. Много лет спустя, когда он станет знаменитым и, скажем прямо, очень знаменитым, ему придется часто отвечать на вопрос, что значит, на его взгляд, быть художником. Сочинив один-единственный нетривиальный, занятный ответ, он неизменно повторял его во всех интервью: художник прежде всего, говорил он, должен уметь подчиняться. Подчиняться неким таинственным, неожиданным знакам, которые за неимением лучшего и при отсутствии какой-либо религиозности называют озарениями; эти знаки властно и безапелляционно командуют тобой, и от их приказов удается увильнуть разве что ценой потери собственной цельности и самоуважения. По их велению художник может уничтожить какую-то свою работу, если не все работы вообще, и радикально сменить курс, а то и вовсе пойти куда глаза глядят, не имея ни хоть сколько-нибудь внятного плана, ни надежды на продолжение. Поэтому, и только поэтому, удел художника допустимо иногда называть нелегким. Поэтому, и только поэтому, его ремесло не похоже на все остальные ремесла или

профессии, которым, собственно, Джед посвятит вторую половину своего творческого пути, добившись мировой славы.

На следующий день он вынес первую порцию мешков, потом разобрал фотокамеру, упаковал раздвижной мех, матовые стекла, объективы, цифровой задник и сам корпус аппарата в футляры для перевозки. Погода в Париже стояла по-прежнему хорошая. В середине дня он сел перед телевизором, чтобы посмотреть пролог «Тур де Франс», который в итоге выиграл малоизвестный украинский велогонщик. Выключив ящик, он подумал, что неплохо бы позвонить Патрику Форестье.

Пиар-директор корпорации «Мишлен-Франс» воспринял новость более или менее спокойно. Раз Джед решил больше не фотографировать мишленовские карты, ничто не может заставить его изменить это решение; он имеет право прервать свою деятельность в любую минуту, что черным по белому записано в его контракте. Создавалось ощущение, что Форестье все это по барабану, и Джед даже удивился, что он назначил ему встречу на следующее утро.

Переступив порог офиса на авеню Гранд-Арме, Джед быстро понял, что Форестье просто хочет поплакаться и поделиться профессиональными заботами с отзывчивым собеседником. С отъездом Ольги он потерял умную, преданную, владеющую иностранными языками сотрудницу; и как ни трудно в это поверить, ему пока никого не предложили взамен. Генеральная дирекция «поимела его не по-детски», сообщил он с неподдельной горечью в голосе. Да, конечно, она уехала в Россию, да, конечно, это ее родина, да, конечно, эти блядские русские закупают шины миллиардами, спасибо их гребаным раздолбанным дорогам и херовому климату, но «Мишлен» пока еще французская компания и несколько лет назад такое было бы немыслимо. Пожелания французских руководителей всю жизнь воспринимались как приказы, или, во всяком случае, к ним относились с подчеркнутым вниманием, а с тех пор как контрольный пакет в капитале группы получили зарубежные инвестфонды, никто этими глупостями не заморачивается. Да, времена меняются, повторил он с мрачным удовлетворением, французскому офису «Мишлена» теперь не угнаться за Россией и тем более за Китаем, но если так и дальше пойдет, вот увидите, он вернется в «Бриджстоун», а то и в «Гудиер». Но это строго между нами, добавил он, внезапно испугавшись.

Джед заверил его, что сохранит тайну исповеди, и попытался перевести разговор на свои проблемы.

– А, ну да, интернет-сайт. – Форестье, казалось, только что вспомнил о нем. – Подумаешь, выложим сообщение, что вы считаете эту серию работ законченной, а оставшиеся отпечатки пусть продаются, вы не против? – Джед был не против. – Впрочем, там мало что осталось, почти все ушло… – проговорил Форестье, и в его голосе вновь проклюнулись оптимистические нотки. – В наших рекламных материалах мы по-прежнему будем указывать, что мишленовские карты легли в основу творческого проекта, получившего восторженные отзывы прессы, вас это не смущает?

Нет, Джеда это не смущало нисколько. Форестье явно прибодрился и, провожая Джеда к выходу, горячо пожал ему руку:

– Я счастлив был с вами познакомиться. Классный у нас win-win получился, окончательный и бесповоротный win-win.

10

В течение следующих недель не произошло ничего или почти ничего; а потом, в одно прекрасное утро, возвращаясь домой с покупками, Джед увидел у своего подъезда какого-то мужика лет пятидесяти, в джинсах и потертой кожаной куртке; судя по всему, он уже давно поджидал его.

– Добрый день… – сказал он. – Извините, что ловлю вас на ходу, но ничего лучше мне в голову не пришло. Я несколько раз видел вас в нашем квартале. Вы ведь Джед Мартен?

Джед кивнул. Судя по голосу, перед ним был человек образованный, хорошо владеющий речью; он напоминал чем-то бельгийского ситуациониста или интеллектуала-пролетария, хоть и в рубашке Arrow; впрочем, по его сильным, натруженным рукам можно было догадаться, что он действительно занимался когда-то физическим трудом.

– Я внимательно следил за вашими картографическими опытами, с самого начала. Я тоже живу тут, неподалеку. – Он протянул ему руку: – Франц Теллер. Галерист.

По дороге в его галерею на улице Домреми (Франц успел купить это помещение незадолго до того, как их район вошел в моду; это была, признался он, одна из немногих счастливых идей в его жизни) они остановились выпить в кафе «У Клода», на улице Шато-де-Рантье, что потом вошло у них в привычку и вдохновило Джеда на вторую картину из серии основных профессий. Тут упорно продолжали подавать вино в шаровидных бокалах и сэндвичи с паштетом и корнишонами последним пенсионерам «из народа» XIII округа. Они исправно помирали, и новые клиенты не приходили на их место.

– Я читал где-то, что с тех пор, как закончилась Вторая мировая война, во Франции исчезло восемьдесят процентов кафе, – заметил Франц, обводя взглядом зал. Четверо пенсионеров рядом с ними молча шлепали картами по ламинированной столешнице, повинуясь каким-то неведомым, явно доисторическим правилам (белот? пикет?). Чуть поодаль толстуха с пунцовым лицом залпом опрокинула стакан пастиса. – Теперь все обедают за полчаса и пьют гораздо меньше спиртного; а запрет на курение оказался контрольным выстрелом.

– Думаю, все вернется на круги своя, но в иной форме. Затяжной исторический этап роста производства сейчас как раз подходит к своему завершению, во всяком случае на Западе.

– У вас довольно странный взгляд на вещи… – заметил Франц, пристально посмотрев на него. – Меня очень заинтересовал ваш проект с мишленовскими картами, по-настоящему заинтересовал; тем не менее я не пригласил вас в свою галерею. Вы, я бы сказал, слишком были в себе уверены, по-моему, такому молодому человеку это не к лицу. А потом, когда я прочел в интернете, что вы покончили с картами, я решился к вам прийти. И предложить вам вместе поработать.

– Но я понятия не имею, куда меня занесет. Я вообще не знаю, буду ли заниматься искусством.

– Вы не понимаете… – спокойно продолжал Франц. – Мне важна не какая-то определенная форма искусства или манера, нет, мне важна личность, взгляд на художественный акт, на его место в обществе. Если вы завтра принесете мне обычный листок, вырванный из школьной тетрадки, написав на нем: я вообще не знаю, буду ли заниматься искусством, я, не раздумывая, выставлю этот листок. Хотя я отнюдь не интеллектуал; вы заинтересовали меня, вот и все. Нет, нет, я не интеллектуал, – настаивал он. – Я лишь пытаюсь худо-бедно косить под интеллектуала из богатых кварталов, потому что без этого в моих кругах никак, но сам таковым не являюсь, я после школы даже не учился. Сначала монтировал и разбирал выставки, а потом купил этот зал, и мне просто повезло с художниками. Но я всегда полагался исключительно на

собственную интуицию.

Потом они зашли в галерею, она оказалась гораздо просторнее, чем Джед ожидал, с высокими потолками, бетонными стенами и металлическими балками.

– Тут раньше был станкостроительный завод, – сказал Франц. – Они разорились в середине восьмидесятых, и помещение многие годы пустовало, пока я его не купил. Убирать, правда, пришлось долго, а так оно того стоило. Красивое пространство, по-моему.

Джед кивнул. Съемные раздвижные перегородки были сложены в стороне, так что собственно выставочная площадь получалась максимально емкой – тридцать метров на двадцать. В данный момент она была занята крупными изваяниями из темного металла, напоминавшими традиционное африканское искусство, но темы, безусловно, были взяты из жизни современной Африки: все персонажи умирали в чудовищных муках либо зверски убивали друг друга при помощи мачете и автоматов Калашникова. Сочетание застывших лиц и агрессивных поз производило гнетущее впечатление.

– Под склад, – продолжал Франц, – я снял ангар в департаменте Эр-и-Луар. Температурные условия оставляют желать лучшего, охраны никакой, короче, обстановочка та еще; но, честно говоря, пока проблем не возникало.

Вскоре они расстались, Джед был чрезвычайно взволнован. Он долго бродил по Парижу, прежде чем вернуться домой, и даже пару раз заплутал. Ближайшие несколько недель он жил по той же схеме: выходил, бесцельно гулял по улицам города, который, в сущности, знал плохо, иногда, чтобы сориентироваться, усаживался в каком-нибудь ресторане, и, как правило, ему приходилось сверяться по плану.

Как-то ранним октябрьским вечером, когда Джед поднимался по улице Мартир, его внезапно пронзило смутное чувство узнавания. Чуть дальше, насколько он помнил, начинался бульвар Клиши с секс-шопами и бутиками эротического белья. И Женевьева и Ольга любили время от времени покупать в его обществе завлекательные предметы туалета, но обычно они отправлялись к Ребекке Рибс, чей магазинчик находился ниже по бульвару, нет, не то.

Он остановился на углу авеню Трюден, посмотрел направо и все понял. В нескольких десятках метров отсюда последние годы находилась фирма его отца. Джед забежал к нему всего один раз, вскоре после смерти бабушки. Компания тогда только что переехала в новое помещение. После контракта на строительство культурного центра в Порт-Амбоне они решили, что пора поднять свой престиж и перевести офис в особняк, хорошо бы в мощеном дворе, в крайнем случае – на проспекте с высокими деревьями. Так что авеню Трюден, широкая, почти по-деревенски спокойная, с рядами великолепных платанов, вполне годилась для довольно известного архитектурного бюро.

Он остановился на углу авеню Трюден, посмотрел направо и все понял. В нескольких десятках метров отсюда последние годы находилась фирма его отца. Джед забежал к нему всего один раз, вскоре после смерти бабушки. Компания тогда только что переехала в новое помещение. После контракта на строительство культурного центра в Порт-Амбоне они решили, что пора поднять свой престиж и перевести офис в особняк, хорошо бы в мощеном дворе, в крайнем случае – на проспекте с высокими деревьями. Так что авеню Трюден, широкая, почти по-деревенски спокойная, с рядами великолепных платанов, вполне годилась для довольно известного архитектурного бюро.

– Жан-Пьер Мартен на собрании до конца рабочего дня, – сообщила ему секретарша.

– Я его сын, – мягко надавил Джед.

Она замялась, потом сняла трубку. Через несколько минут его отец ворвался в холл, без пиджака, в приспущенном галстуке, с тонкой папкой в руке. Он шумно дышал, явно во власти бурных эмоций.

– В чем дело? Что-то случилось?

– Да нет, ничего. Я просто проходил мимо.

– Я вообще-то занят, но… подожди. Пойдем выпьем кофе.

Его компания переживала тогда нелегкий период. Новый офис обходился недешево, к тому же они проворонили важный контракт на реконструкцию курортного комплекса на берегу Черного моря, и он сейчас разругался в пух и прах с одним из партнеров. Он стал дышать ровнее, постепенно успокаиваясь.

– Почему бы тебе не уйти из компании? – спросил Джед. Отец озадаченно уставился на него, но промолчал. – Я хочу сказать, что ты заработал достаточно денег и можешь поставить точку. Поживи немного в свое удовольствие.

Отец все так же пристально смотрел на Джеда, будто эти слова не доходили до него либо ему не удавалось нащупать их смысл, и, выждав почти минуту, он наконец спросил:

– А что я тогда буду делать? – голосом растерянного ребенка.

Весна в Париже, дождливая, холодная, слякотная и грязная, часто кажется продолжением зимы. Да и лето тут, согласитесь, мерзотное: в городе шумно и пыльно, жара никогда толком не держится, через два-три дня завершаясь грозой и затем резким похолоданием. А вот осенью в Париже по-настоящему приятно, дни стоят солнечные, короткие, и сухой прозрачный воздух освежает и бодрит. В течение всего октября Джед исправно совершал свои прогулки, если так можно назвать автоматическую ходьбу, когда ни один образ из внешнего мира не проникал в его сознание, не отягощенное ни мыслями, ни замыслами, и единственной целью которой было в меру утомить его к вечеру.

Как-то в начале ноября, во второй половине дня, часов около пяти, он очутился напротив дома на улице Гюинмер, где жила Ольга. Рано или поздно это должно было произойти, сказал себе Джед: машинально и практически в привычное время он проделал путь, который когда-то совершал ежедневно в течение долгих месяцев. Задыхаясь от волнения, он дотащился до Люксембургского сада и рухнул на первую попавшуюся скамейку. Он оказался в самом углу парка, на пересечении улиц Гюинмер и Ассас, рядом со странным строением из красного кирпича, украшенным мозаикой. Заходящее вдалеке солнце окутывало каштаны чудным теплым оранжевым светом – прямо индийская желтая, подумал Джед, и сами собой ему вспомнились слова «Люксембургского сада»:

Еще один день без любви сгорел, Еще один день жизни моей.

Люксембургский Сад постарел. Он ли это? Я ли это? Нет ответа.

Как и многие русские, Ольга обожала Джо Дассена, особенно песни с его последнего диска, их сдержанную светлую грусть. Джед вздрогнул, чувствуя, что сейчас сорвется, и когда в памяти возникли слова «Привета влюбленным», он заплакал.

Мы расстаемся, как любили,

Казалось нам, что завтра далеко,

Но завтра – вот оно, а мы о нем забыли,

Проститься навсегда порою так легко*.

В кафе на углу улицы Вавен Джед заказал бурбон, но мгновенно сообразил, что совершил ошибку. В первую секунду виски обожгло его, принеся облегчение, но тут же печаль навалилась с новой силой, и по лицу у него потекли слезы. Он обеспокоенно огляделся вокруг, но, к счастью, никто не обращал на него внимания, за всеми столиками сидели студенты юрфака, болтая о тусовке и «младших партнерах», короче, о том, что интересует студентов юрфака, и он мог рыдать сколько душе угодно.

Выйдя из кафе, он пошел не в ту сторону, поплутал минут пять в полубессознательном состоянии и очнулся уже у магазина «Братья Сеннелье», на улице Гранд-Шомьер. В витринах были выставлены кисти, холсты стандартных форматов, пастель и краски в тюбиках. Джед вошел и, недолго думая, купил базовый комплект «живопись маслом». В сундучке из бука прямоугольной формы, с внутренними отделениями, лежали двенадцать тюбиков тонкопротертой масляной краски от Сеннелье, набор кистей и флакон с растворителем. Вот при таких жизненных обстоятельствах и произошло его «возвращение в живопись», по поводу чего впоследствии было сломано столько копий.

* Перевод И. Кузнецовой.

11

В дальнейшем Джед изменил «Братьям Сеннелье», почти все его зрелые полотна написаны масляными красками Schmincke Mussini. Случались и исключения, некоторые зеленые цвета, например зеленую киноварь, которая придает такой волшебный отсвет сосновым лесам Калифорнии, спускающимся к морю на картине «Билл Гейтс и Стив Джобе беседуют о будущем информатики», он выбрал в широкой палитре масляных красок «Рембрандт» от Royal Talens. Что касается белил, то он использовал Old Holland, ему нравилось, что они создают матовую поверхность.

Ранние произведения Джеда Мартена, как позже отметят искусствоведы, могли запросто сбить с панталыку. Посвятив первые две картины – «Фердинан Дерош, владелец мясной лавки, торгующей кониной» и «Клод Ворийон, хозяин бара с табачным отделом» – представителям профессий, явно сходящих на нет, Мартен, казалось бы, испытывал ностальгию по прошлому Франции, реальному или нафантазированному, и сожалел о нем. Но нет, подобные мысли меньше всего занимали художника – это заключение можно с легкостью вывести, изучив все его работы; если Мартен и начал с ремесел, дышащих на ладан, то вовсе не для того, чтобы мы проливали слезы над их скорым исчезновением: они действительно были обречены на умирание, и ему важно было успеть запечатлеть их на холсте, пока не поздно. Начиная уже с третьей картины из этой серии, «Майя Дюбуа, диспетчер удаленной техподдержки», Мартен обращается к специальности совершенно иного рода, отнюдь не вымирающей и не допотопной, а, напротив, характерной для системы поставок с минимизацией складских резервов, повлиявшей к началу третьего тысячелетия на сокращение объемов трудозатрат в Европе за счет перераспределения их в пользу развивающихся стран.

Вонг Фусинь, автор первой монографии, посвященной творчеству Мартена, проводит любопытную параллель, основанную на тоновой растяжке. Расцветки предметов окружающего мира могут быть воспроизведены при помощи базовых красок; минимальное число, необходимое для более или менее реалистического изображения, равняется трем. Но можно с тем же успехом создать цветовую шкалу из четырех, пяти, шести и даже большего количества базовых красок; живописный спектр станет от этого только богаче и утонченнее.

Точно таким же образом, утверждает китайский эссеист, условия производства в данном обществе могут быть описаны при помощи некоторой выборки стандартных профессий, причем число последних, по его утверждению (ничем, впрочем, не подкрепленному), колеблется от 10 до 20. В наиболее репрезентативную часть этой серии, названной историками искусства «серией основных профессий», Джед Мартен включает ни много ни мало сорок две стандартные профессии, предоставив таким образом исследователям производственных условий современного общества на редкость обширный и богатый материал для изучения. Следующие двадцать два полотна, посвященные встречам и противостояниям, именуемые в специальной литературе «серией корпоративных композиций», в свою очередь дают представление о функционировании экономики как целого в виде диалектической картины взаимосвязей.

На создание произведений из серии основных профессий у Джеда Мартена ушло более семи лет. В течение этого времени он почти ни с кем не общался и не завязал никаких новых отношений – ни любовных, ни дружеских. Случались, правда, моменты сенсорных радостей: пир горой в результате набега на отдел итальянской пасты в гипермаркете «Казино» на бульваре Венсена Ориоля; пара вечеров с ливанской эскорт-герл, чьи сексуальные услуги вполне заслуживали восторженных откликов, в изобилии выложенных на веб-сайте Niamodel.com. «Лайла, я тебя люблю, ты, как солнце, освещаешь мои трудовые будни, звездочка ты моя восточная», – писали бедняги хорошо за полтинник, а Лайла, со своей стороны, мечтала о мускулистых, мужественных, бедных и сильных мужиках, вот она жизнь во всей своей красе. Джед, мгновенно идентифицируемый как тип «странноватый, но милый и совсем не опасный», добился в отношениях с Лайлой статуса чрезвычайной экстерриториальности, который девицы издавна предоставляли художникам. В какой-то степени, возможно, Лайла, но скорее все-таки Женевьева, его бывшая подружка-мальгашка, послужила прототипом для одной из самых трогательных его картин, «Эме, эскорт-герл», выполненной в необыкновенно теплой палитре цветов, с использованием умбры, индийской оранжевой и неаполитанской желтой. В отличие от Тулуз-Лотрека, изображавшего напудренных, хворых и немощных проституток, Джед Мартен написал молодую цветущую женщину, чувственную и умную, в залитой светом современной квартире. Стоя спиной к открытому окну, выходящему на парк, в котором удается опознать сквер Батиньоль, в одной только белой облегающей мини-юбке, Эме натягивает крохотный желто-оранжевый топ, который далеко не полностью прикрывает ее пышную грудь.

Это было единственное эротическое полотно Мартена, и первое с явно автобиографическими коннотациями. Второе «Архитектор Жан-Пьер Мартен оставляет пост главы компании» было написано два года спустя и положило начало периоду очевидного творческого исступления, который продлится полтора года и закончится на «Билле Гейтсе и Стиве Джобсе, беседующих о будущем информатики». Эту картину с подзаголовком «Разговор в Пало-Альто» знатоки сочли шедевром. Поразительно, что двадцать два полотна из серии корпоративных композиций, как правило, многофигурные и большого формата, были созданы за такое короткое время. Не менее удивителен и тот факт, что Джед Мартен споткнулся в итоге о «Дэмиена Херста и Джеффа Кунса, деливших арт-рынок», которые могли бы, во многих отношениях, составить пару композиции Джобе – Гейтс. Вонг Фусинь, проанализировав эту

неудачу, именно ею объясняет создание шестьдесят пятой, и последней, картины Мартена, написанной спустя год и ознаменовавшей его возврат к серии основных профессий. Наглядность выкладок китайского эссеиста весьма убедительна: стремясь дать исчерпывающее описание производственного сектора в современном ему обществе, Джед Мартен неминуемо должен был рано или поздно написать портрет художника.

Часть 2 – 1

Двадцать пятого декабря Джед внезапно проснулся в восемь утра; над площадью Альп занимался рассвет. Он отыскал в кухне половую тряпку, вытер остатки рвоты и внимательно посмотрел на скользкие останки «Дэмиена Херста и Джеффа Кунса, деливших арт-рынок». Франц прав, пора организовать выставку, он вот уже полгода слоняется без дела, даже тоска берет. Можно годами работать в одиночестве, лишь так на самом деле и можно работать, но рано или поздно возникает потребность показать свои творения миру, не столько затем, чтобы узнать его суждение, сколько чтобы успокоить самого себя и увериться в реальности собственного творчества, если не существования; в гуще общественных животных отдельная личность есть не что иное, как эфемерная фикция.

Вспомнив об увещеваниях Франца, он написал еще один мейл Уэльбеку, потом сварил себе кофе. Через несколько минут с отвращением перечитал письмо. «В эти праздничные дни, которые Вы, я полагаю, проводите в лоне семьи…» Что за бред? Всем известно, что Уэльбек – нелюдим с ярко выраженными мизантропическими наклонностями, и если с кем и общается, то только со своей собакой, да и то не факт. «Я понимаю, Вы очень востребованы, и прежде всего прошу извинить меня за то, что позволяю себе вновь обращаться к Вам с просьбой – я и мой галерист были бы Вам бесконечно признательны, если бы Вы сочли возможным написать текст для каталога моей выставки». Это уже лучше, легкая доза подхалимажа не повредит. «Прилагаю фотографии моих последних картин и, разумеется, остаюсь в Вашем распоряжении для более широкого представления своих работ, где и когда Вы пожелаете. Насколько я знаю, Вы живете в Ирландии; я мог бы к Вам приехать, если Вам это будет удобно». Ладно, сойдет, решил он и нажал на «отправить».

В это декабрьское утро площадь перед торговым центром «Олимпиад» была пуста и многоэтажные коробки вокруг напоминали мертвые ледники. Ступив в морозную тень под башней «Омега», Джед подумал о Фредерике Бегбедере. Бегбедер был на короткой ноге с Уэльбеком, по крайней мере, так считалось в народе; может, он согласится ему помочь. Но у Джеда был лишь старый номер его мобильника, да и какая разница, в Рождество Бегбедер все равно не подойдет. Но он ответил.

– Я сижу с дочкой, – сердито сказал писатель. – Но скоро повезу ее к матери, – добавил он тут же, чтобы смягчить упрек, прозвучавший в его голосе.

– Я хотел бы попросить вас об услуге.

– Ха, ха, ха! – расхохотался Бегбедер с вымученной радостью. – Нет, вы классный парень, вам никто не говорил? Десять лет мне не звонили, а теперь объявляетесь в праздники, чтобы попросить об услуге. Вы, наверное, гений. Только гений может быть таким эгоцентриком, ну или художник, в крайнем случае… Ладно, давайте увидимся во «Флор» в семь часов, – заключил неожиданно автор «Французского романа».

Джед опоздал на пять минут и сразу же увидел Бегбедера в глубине зала. В радиусе двух метров вокруг него все столики были свободны, образуя нечто вроде зоны ограниченного

доступа. Провинциальные гости столицы и даже иностранные граждане, войдя в кафе, сразу замечали писателя, пихали друг друга в бок и восторженно показывали на него пальцем. Время от времени какой-нибудь знакомый, преодолев невидимый кордон, быстро чмокал его и исчезал. Конечно, доходы «Флор» таким образом уменьшались (говорят, знаменитый писатель Филипп Соллерс* имел при жизни личный столик в «Клозри де Лила», который не мог занять никто другой, независимо от того, придет он обедать или нет). Но эти незначительные потери с лихвой восполнялись – уж слишком лакомой приманкой для туристов служил автор «99 франков»; его систематическое присутствие здесь, кроме всего прочего, отвечало и исторической миссии заведения. Фредерик Бегбедер, благодаря своей самоотверженной борьбе за легализацию наркотиков и особый статус для проституток обоих полов, а также чуть более сдержанным выступлениям по поводу нелегальных эмигрантов и условий содержания заключенных, стал, ко всеобщему да и к его собственному удивлению, своего рода Сартром десятых годов нашего века, хотя прошлое предуготовляло его скорее к роли какого-нибудь Жан-Эдерна Аллье**, если не Гонзага Сен-Бриса***. Бегбедер, взыскательный попутчик Новой антикапиталистической партии Оливье Безансно (в недавнем интервью «Шпигелю» он указал на опасность скатывания последнего в антисемитизм), ухитрился сделать так, что все забыли не только о его буржуазно-аристократических корнях, но даже о том, что его брат входит в состав руководства Объединения предпринимателей Франции. Следует признать, впрочем, что и Сартр происходил отнюдь не из пролетарской семьи.

* Филипп Соллерс (род. 1936).- французский писатель, литературный критик, эссеист.

** Жан-Эдерн Аллье (1936-1997) – французский писатель-памфлетист и мистификатор.

*** Гонзаг Сен-Брис (род. 1948) – французский журналист, историк и романист.

Сидя перед стаканом с мореском*, Бегбедер меланхолично созерцал металлическую коробочку для пилюль с жалкими остатками кокаина. Заметив Джеда, он знаком пригласил его за свой столик. Мгновенно подошел официант, чтобы принять заказ.

– Даже не знаю… Вьяндокс**? Он еще существует?

– Вьяндокс… – задумчиво повторил Бегбедер. – Нет, вы правда чудной тип.

– Не ожидал, что вы меня вспомните.

– О да… – ответил писатель почему-то грустным голосом. – О да, я вас помню…

Джед поделился своими проблемами. При имени Уэльбека Бегбедер слегка дернулся.

* Мореск – анисовая настойка с миндальным молоком.

** Вьяндокс – концентрированный мясной бульон, который раньше подавали в качестве напитка, наряду с кофе и вином. Сегодня в основном используется для приготовления соусов.

– Я не прошу у вас его телефон, – поспешил успокоить его Джед, – но, может быть, вы просто позвоните ему, передадите мою просьбу.

Официант принес вьяндокс. Бегбедер задумчиво молчал.

– Ладно, – наконец произнес он. – Ладно, позвоню. Никогда не знаешь, как он отреагирует, но в данном случае ему это тоже может пригодиться.

– Думаете, согласится?

– Понятия не имею.

– Что могло бы его убедить, как вы считаете?

– Ну например… Возможно, вы удивитесь, потому что у него совсем другая репутация: деньги. Как правило, на бабло ему плевать, он живет на гроши, но развод разорил его. И потом, он купил несколько квартир на море в Испании, которые у него теперь конфискуют без компенсации ущерба согласно закону о побережьях с обратным действием, короче – дурдом. Мне кажется, он сейчас стеснен в средствах, вот незадача, при его-то заработках. Так что, если вы предложите ему хорошую сумму, я думаю, надежда есть.

Он замолчал, залпом допил коктейль, заказал еще один и посмотрел на Джеда со печальным упреком.

– Знаете… – продолжал он, – Ольга. Она вас любила. (Джед съежился.) Я хочу сказать… – не унимался Бегбедер, – она правда вас любила. – Он умолк и снова взглянул на Джеда, недоверчиво покачав головой. – А вы отпустили ее в Россию… И не звонили, не писали… Любовь… Любовь – это большая редкость. Вы не знали? Вас никогда не предупреждали? Меня это, понятно, не касается, – но дело в том, что она скоро вернется во Францию. У меня еще остались кое-какие друзья на телевидении, и они говорят, что «Мишлен» создает новый канал «Мишлен-ТВ» на TNT, посвященный гастрономии, местному колориту, историко-культурному наследию, французским пейзажам, далее по списку. Руководить им должна Ольга. Ну на бумаге гендиректором значится Жан-Пьер Перно, но на практике именно она будет полностью определять программную политику. Вот так вот… – заключил Бегбедер, давая понять, что разговор окончен. – Вы пришли попросить меня о маленьком одолжении, а я вам оказал огромную услугу.

Он замолчал, залпом допил коктейль, заказал еще один и посмотрел на Джеда со печальным упреком.

– Знаете… – продолжал он, – Ольга. Она вас любила. (Джед съежился.) Я хочу сказать… – не унимался Бегбедер, – она правда вас любила. – Он умолк и снова взглянул на Джеда, недоверчиво покачав головой. – А вы отпустили ее в Россию… И не звонили, не писали… Любовь… Любовь – это большая редкость. Вы не знали? Вас никогда не предупреждали? Меня это, понятно, не касается, – но дело в том, что она скоро вернется во Францию. У меня еще остались кое-какие друзья на телевидении, и они говорят, что «Мишлен» создает новый канал «Мишлен-ТВ» на TNT, посвященный гастрономии, местному колориту, историко-культурному наследию, французским пейзажам, далее по списку. Руководить им должна Ольга. Ну на бумаге гендиректором значится Жан-Пьер Перно, но на практике именно она будет полностью определять программную политику. Вот так вот… – заключил Бегбедер, давая понять, что разговор окончен. – Вы пришли попросить меня о маленьком одолжении, а я вам оказал огромную услугу.

Он бросил уничтожающий взгляд на Джеда, который встал, собираясь уходить. – Разве что выставка для вас важнее… – Он снова покачал головой и почти неслышно пробормотал с отвращением: – Художники, блин…

2

Sushi Warehouse в терминале 2E аэропорта Руасси славился немыслимым выбором норвежских минералок. Джед остановился в итоге на Husqvarna, скромно пузырившейся воде из центральной Норвегии. Она оказалась чрезвычайно чистой, хотя не то чтоб чище остальных. Воды различались степенью газированности и вкусом, но в них не содержалось даже намека на соли и железо; общей чертой норвежских минеральных вод явно была умеренность во всем.

Какие же эти норвежцы изысканные гедонисты, подумал Джед, расплачиваясь за Husqvarna; сколько, оказывается, в мире существует разнообразных форм чистоты, подумал он снова, просто душа радуется.

Самолет очень быстро поднялся до высоты облачности, и у него сразу возникло ощущение пустоты, характерное для полета над облаками. Где-то на середине пути внизу мелькнула гигантская поверхность моря, сморщенная, словно кожа старика на последнем издыхании.

Шеннон, напротив, порадовал Джеда строгими прямоугольными формами, высотой потолков и длиннющими коридорами – этот захиревший аэропорт служил теперь для переброски войск американской армии, а также предоставлял крышу авиакомпаниям low cost, но изначально был рассчитан на пропускную способность раз этак в пять больше. Судя по структурам из металлических опор и ковровому покрытию с низким ворсом, его построили в начале шестидесятых, если не в конце пятидесятых. Он олицетворял – даже нагляднее, чем Орли, – памятник периоду технологического энтузиазма, одним из самых инновационных и престижных достижений которого стал воздушный транспорт. С начала семидесятых, в эпоху первых палестинских терактов – их эстафету с более зрелищным и профессиональным размахом подхватила впоследствии Аль-Каида, – авиаперелет стал напоминать нечто среднее между детсадом и концлагерем, и пассажирам не терпелось как можно быстрее покинуть самолет. Но в то удивительное время, рассуждал Джед, ожидая багажа в огромном зале прилета (металлические багажные тележки, прямоугольные и массивные, тоже, видно, остались с той поры), в то славное тридцатилетие, авиаперелет, символ эпохальной технократической авантюры, значил гораздо больше. Вначале это счастье выпадало исключительно инженерам и руководящим работникам, строителям завтрашнего мира, но вскоре к нему должны были получить доступ и широкие народные массы – а кто б сомневался, в контексте победоносной социал-демократии, – по мере роста их покупательной способности и количества свободного времени (что в итоге и произошло, благодаря, правда, ультралиберальному повороту, символически выразившемуся в появлении компаний low cost, а также ценой полной потери эксклюзивности, изначально присущей воздушному транспорту).

Через несколько минут Джед получил подтверждение своей гипотезы о возрасте аэропорта. Нескончаемый коридор, ведущий к выходу, был украшен фотографиями выдающихся личностей, почтивших аэропорт своим присутствием, – в основном президентов Соединенных Штатов Америки и разнообразных пап. Иоанн-Павел II, Джимми Картер, Иоанн XXIII, Джорджи Буши I и II, Павел VI, Рональд Рейган… – все явились как миленькие. Дойдя до конца коридора, Джед с удивлением констатировал, что первый из випов удостоился даже не снимка, а, как ни удивительно, картины.

Джон Фитцджеральд Кеннеди стоит на летном поле перед ангаром, в стороне от группки официальных лиц, включающей и двух служителей культа; на заднем плане маячат мужчины в габардиновых пальто, скорее всего из американских служб безопасности. Выбросив руку вперед и вверх – можно предположить, что он обращается к толпе, сгрудившейся за ограждением, – Кеннеди улыбается с кретинским воодушевлением и оптимизмом, который так трудно дается неамериканцам. Ему как будто впрыснули изрядную дозу ботокса. Вернувшись назад, Джед внимательно изучил все изображения почетных гостей. Билл Клинтон оказался таким же сдобным и гладким, как и его прославленный предшественник; все американские

президенты-демократы, надо признаться, имели, в общем и целом, вид накачанных ботоксом любителей клубнички.

Снова всмотревшись в портрет Кеннеди, Джед все же пришел к иному заключению. Ботокса в то время не существовало, и проблемы с жировыми припухлостями и морщинами, сегодня легко устранимые методом подкожных инъекций, тогда решались при помощи услужливой кисти живописца. Так, на излете пятидесятых, если не в самом начале шестидесятых, считалось еще приличным заказывать художникам, пусть даже самым посредственным, полотна, иллюстрирующие и прославляющие наиболее яркие моменты жизни царственных особ. Тут явно поработал художник от слова «худо» – достаточно было представить себе, что на месте его неба написали бы Тернер или Констебль, у второсортных английских акварелистов и то вышло бы лучше. Тем не менее в этой картине была какая-то человеческая правда о Джоне Фитцджеральде Кеннеди, которой не мог похвастаться ни один снимок коридорной галереи, даже портрет Иоанна-Павла II, притом что он очень даже неплохо смотрелся на трапе самолета, широко раскрыв объятия одному из последних католических народов Европы.

Убранство отеля «Оуквуд армз» тоже было отмечено печатью героического прошлого первопроходцев коммерческой авиации: рекламные плакаты «Эр Франс» тех времен, черно-белые фотографии «Дугласа DC-8» и «каравеллы», пронзающих прозрачный воздух, а также пилотов в парадных мундирах, гордо позирующих в кабине. Развитие города Шеннон – узнал Джед из интернета – неразрывно связано с аэропортом. Его построили в шестидесятых годах там, где никто никогда раньше не селился, где никогда не было ни одной деревни. Ирландская архитектура, насколько Джед успел заметить, не имела никаких ярко выраженных особенностей: смесь красных кирпичных домиков, вроде тех, что встречаются в английских пригородах, и просторных белых коттеджей с асфальтированной дорожкой вокруг и лужайками – на американский манер.

Он был готов к тому, что ему придется оставить сообщение Уэльбеку на ответчике – до сих пор они обменивались мейлами, а в конце эсэмэсками; однако через несколько гудков тот снял трубку.

– Вы легко узнаете мой дом по самому запущенному газону в округе, – сказал Уэльбек. И добавил: – А может быть, и во всей Ирландии.

Джед решил, что это преувеличение, но трава и впрямь достигала тут феноменальных высот. Выложенная плиткой тропинка, вьющаяся на протяжении метров десяти между зарослями колючек и чертополоха, привела в залитый асфальтом двор, где был припаркован кроссовер «лексус-RX-350». Само собой, из двух вариантов Уэльбек выбрал коттедж – недавно выстроенный высокий белый дом с черепичной крышей, ничем, честно говоря, не примечательный, если не считать удручающего состояния газона.

Джед позвонил, и через полминуты автор «Элементарных частиц» в тапочках, вельветовых штанах и уютном домашнем пиджаке из небеленой шерсти открыл ему дверь. Он долго и задумчиво смотрел на Джеда, потом, переведя взгляд на лужайку, погрузился в мрачное ее созерцание, которое, судя по всему, было привычным состоянием писателя.

– Я не умею пользоваться газонокосилкой, – признался он. – Боюсь отсечь себе пальцы, говорят, такое часто случается. Можно, конечно, завести барашка, но я их не люблю. Нет болвана хуже барана.

Джед прошел за ним в комнаты с плиточным полом, не заметив в них никакой мебели, тут громоздились только картонные ящики, не разобранные после переезда. На стенах

одноцветные молочно-белые обои; на полу слой пыли. Дом показался Джеду очень просторным, он насчитал спален пять, не меньше, и везде было прохладно, градусов шестнадцать; интуиция подсказывала ему, что все они, за исключением той, где спит Уэльбек, пустуют.

– Вы недавно переехали?

– Да. Ну, года три назад.

Наконец они вошли в более уютное помещение, что-то вроде небольшой квадратной оранжереи с тремя стеклянными стенами – conservatory, как сказали бы англичане. Тут стояли диван, низкий столик и кресло; пол был покрыт дешевым восточным ковром. Джед привез с собой два портфолио формата А3; в первое он поместил штук сорок фотографий металлоизделий и дорожных карт из своих предыдущих серий. А шестьдесят четыре снимка из второй папки давали полный отчет о его картинах – от «Фердинана Дероша, владельца мясной лавки, торгующей кониной» до «Билла Гейтса и Стива Джобса, беседующих о будущем информатики».

– Вы любите колбасу? – спросил писатель.

– Да. Скажем, ничего не имею против.

– Пойду сварю кофе.

Он живо поднялся и минут через десять вернулся с двумя чашками и итальянским кофейником. -Только у меня нет ни молока, ни сахара.

– Не страшно, я пью черный.

Кофе оказался вкусным. Молчание затягивалось, прошло уже минуты две-три.

– Я лично обожаю колбасу, – сознался наконец Уэльбек, – но намерен с ней завязать. Понимаете, я не думаю, что человеку дозволено убивать свиней. Я вам уже обругал баранов и не отступлюсь от своих слов. Даже корову – ив этом пункте я не согласен с моим другом Бенуа Дютертром*, – мне кажется, слишком уж разрекламировали. А вот свинья – чудное животное, умное, чувствительное, способное на искреннюю преданность хозяину. Ее интеллект просто поражает, нам, в сущности, даже неведомы его пределы. Знаете ли вы, что свиней научили арифметическим действиям? Ну по крайней мере сложению, а самых талантливых, кажется, и вычитанию тоже. Неужели человек вправе убивать животное, способное постичь основы арифметики? Я так не считаю.

* Бенуа Дютертр (род. 1960) – французский романист, эссеист, музыкальный критик.

Не дожидаясь ответа, он погрузился в изучение первого портфолио. Быстро просмотрев снимки болтов и гаек, он задержался на время, показавшееся Джеду бесконечным, на изображении дорожных карт, иногда подолгу застревая на какой-нибудь странице. Джед украдкой взглянул на часы: с момента его прихода прошел час с чем-то. Тишина казалась оглушительной, потом издалека донеслось замогильное гудение холодильника.

– Это мои старые работы, – решил вмешаться Джед. – Я привез их, чтобы вы получили представление о том, чем я занимаюсь. А на выставке… будут только произведения из второй папки.

Уэльбек поднял на него невидящий взгляд, похоже, он забыл, что Джед делает у него дома и по какому поводу приехал; однако он послушно открыл вторую папку. Еще через полчаса он резким жестом захлопнул ее и закурил. Тут Джед понял, что, рассматривая фотографии, Уэльбек даже не притронулся к сигаретам.

– Я согласен – сказал он. – Но знаете, я никогда ничего подобного не писал, хотя догадывался, что рано или поздно это со мной случится. Многие авторы, обратите внимание, писали о художниках, во все времена, кстати. Любопытно. Глядя сейчас на ваши работы, я недоумевал, почему вы бросили фотографию. Почему вернулись к живописи?

Джед надолго задумался, прежде чем ответить. – Я не уверен, что знаю почему, – признался он. – Но проблема пластических искусств, мне кажется, – продолжил он неуверенно, – в изобилии сюжетов. Например, я вполне могу считать ваш радиатор достойным объектом для картины. (Уэльбек живо обернулся, бросив на радиатор подозрительный взгляд, словно тот должен был зафыркать от радости при мысли, что его увековечат в масле, но ничего подобного не произошло.) И еще неизвестно, сможете ли вы что-то сделать с радиатором в литературном плане, – настаивал на своем Джед. – Вот Роб-Грийе просто описал бы его… Но мне лично это неинтересно.

Он безнадежно увяз, сознавая собственное смущение и неуклюжесть, откуда ему знать, любит ли Уэльбек Роб-Грийе или нет, но главное, он вдруг сам с тревогой спросил себя, с чего это, на самом деле, он свернул в живопись, которая даже теперь, спустя несколько лет, ставила перед ним неразрешимые технические задачи, в то время как он прекрасно владел принципами фотографии и съемочной аппаратурой.

– К черту Роб-Грийе, – сказал, как отрезал, его собеседник, и у Джеда отлегло от сердца. – Хотя с радиатором можно было бы что-нибудь придумать… Например, мне кажется, я читал в интернете, что ваш отец – архитектор…

– Да, это правда; на одной из моих картин он изображен в тот день, когда оставил пост главы компании.

– Люди редко приобретают такие радиаторы в личное пользование. Как правило, их скупают десятками, если не сотнями, строительные фирмы, вроде той, которой руководил ваш отец. Поэтому вполне можно сочинить триллер, где интрига завязана на сбыте миллионной партии радиаторов для оснащения, скажем, всех классных комнат страны, – отсюда взятки, информационно-политическое лоббирование и, наконец, невероятно сексуальная директриса по маркетингу румынского предприятия, производящего радиаторы. В рамках такого романа несложно представить себе многостраничное описание вашей батареи и конкурирующих моделей.

Теперь он говорил быстро, куря одну сигарету за другой, словно хотел успокоиться и замедлить работу мозга. У Джеда мелькнула мысль, что, учитывая направление деятельности компании, отец скорее закупил бы массовую партию кондиционеров; так он и поступил, наверное.

– Наши радиаторы изготовлены из чугуна, – оживленно продолжал Уэльбек, – причем из серого чугуна с повышенным содержанием углерода, будьте уверены, а его вредность неоднократно подчеркивалась в экспертных заключениях. Можно считать скандальным тот факт, что сравнительно новый дом оборудован купленными по дешевке, устаревшими радиаторами, и если произойдет несчастный случай, например радиатор возьмет и взорвется, я спокойно могу подать в суд на строителей. Полагаю, что при таком раскладе отвечать придется вашему отцу?

– Да, похоже на то.

– Вот вам и потрясающий, чертовски завлекательный сюжет, подлинная человеческая драма] – возбудился автор «Платформы». – В чугуне угадывается, понимаете ли, легкий привкус девятнадцатого века – рабочая аристократия у доменных печей и прочие предания старины, – но, как ни крути, чугун все еще производят, ну не во Франции, конечно, скорее в какой-нибудь Польше или Малайзии. Так что сегодня ничто не мешает нам описать в романе трудный путь железной руды, получение кокса, восстановительную плавку, литье и, наконец, реализацию, познакомив читателя, таким образом, с генеалогией радиатора на первой же странице.

– В любом случае, мне кажется, вам понадобятся персонажи…

– Да, правда. Даже если я пишу о промышленных процессах, без персонажей мне не обойтись.

– В этом, я думаю, и состоит принципиальная разница. Пока я ограничивался воспроизведением предметов, мне вполне хватало фотографии. Но, избрав в качестве объекта человека, я почувствовал, что пора вернуться к живописи; я вряд ли смогу объяснить вам почему. И кстати, я совершенно охладел к натюрмортам; с тех пор как изобрели фотографию, мне кажется, они потеряли всякий смысл. Впрочем, это моя личная точка зрения… – заключил Джед извиняющимся тоном.

Вечерело. В окне, выходящем на южную сторону, виднелись луга, спускающиеся к устью Шеннон; вдалеке над рекой висела легкая дымка, лениво преломляя лучи заходящего солнца.

– Вот этот пейзаж, например…- не сдавался Джед. – Да, я прекрасно знаю о существовании замечательных импрессионистических акварелей девятнадцатого века; и все-таки если бы мне понадобилось изобразить такой пейзаж сегодня, я бы его сфотографировал. Но появись в этих декорациях человек, да хоть какой-никакой крестьянин, латающий вдалеке свой плетень, меня бы потянуло к живописи. Понимаю, звучит нелепо; существует мнение, что сюжет вообще не играет роли, и смешно было бы выбирать способ изображения в зависимости от изображаемого объекта, тогда как имеет значение лишь то, каким образом на картине или фотографии сочетаются фигуры, линии и тоновые нюансы.

– Знаете, такая формалистическая точка зрения… свойственна и писателям; мне кажется, в литературе это даже чаще встречается, чем в пластических искусствах.

Уэльбек замолчал, опустив голову, потом поднял глаза на Джеда; казалось, он вдруг погрузился в печальные раздумья. Встав, он направился в кухню, откуда вернулся с бутылкой аргентинского красного вина и двумя стаканами.

– Поехали ужинать, если вы не против. Ресторан «Оуквуд армз» вполне заслуживает внимания. Там подают традиционные ирландские блюда – копченую лососину, Irish stew, все это, в общем, примитивно и безвкусно, но вы может заказать кебаб или тандури, у них повар – пакистанец.

– Так ведь еще и шести нет, – удивился Джед.

– Да, по-моему, они открываются полседьмого. Знаете, в этой стране ужинают рано; но, по мне, так чем раньше, тем лучше. Вообще, мое любимое время – конец декабря: темнеет в четыре часа. Тогда я со спокойной совестью могу надеть пижаму, принять снотворное и залечь с бутылкой вина и книжкой. Я так живу уже многие годы. Солнце встает в девять утра; пока я умоюсь, выпью несколько чашек кофе, глядишь – уже и полдень на носу, остается продержаться четыре часа светового дня, с этой задачей я обычно справляюсь неплохо. Но весной в Ирландии невыносимо, тут такие великолепные закаты, знай себе переливаются

всеми цветами радуги, и конца-края им не видно, прям опера, мать твою, однажды я проторчал тут всю весну, думал – сдохну, по вечерам буквально лез на стенку, потому что ночь никак не наступала. С тех пор в начале апреля я уезжаю в Таиланд и сижу там до конца августа: день начинается в шесть, закачивается в шесть, все так просто, экваториально, по-деловому, от жары можно спятить, но кондиционер работает как зверь, туристов в это время не бывает, бордели работают кое-как, но все-таки не закрываются, в принципе, нормально, мне хватает, сервис у них даже в мертвый сезон классный, ну или, по крайней мере, вполне приличный.

– Так ведь еще и шести нет, – удивился Джед.

– Да, по-моему, они открываются полседьмого. Знаете, в этой стране ужинают рано; но, по мне, так чем раньше, тем лучше. Вообще, мое любимое время – конец декабря: темнеет в четыре часа. Тогда я со спокойной совестью могу надеть пижаму, принять снотворное и залечь с бутылкой вина и книжкой. Я так живу уже многие годы. Солнце встает в девять утра; пока я умоюсь, выпью несколько чашек кофе, глядишь – уже и полдень на носу, остается продержаться четыре часа светового дня, с этой задачей я обычно справляюсь неплохо. Но весной в Ирландии невыносимо, тут такие великолепные закаты, знай себе переливаются всеми цветами радуги, и конца-края им не видно, прям опера, мать твою, однажды я проторчал тут всю весну, думал – сдохну, по вечерам буквально лез на стенку, потому что ночь никак не наступала. С тех пор в начале апреля я уезжаю в Таиланд и сижу там до конца августа: день начинается в шесть, закачивается в шесть, все так просто, экваториально, по-деловому, от жары можно спятить, но кондиционер работает как зверь, туристов в это время не бывает, бордели работают кое-как, но все-таки не закрываются, в принципе, нормально, мне хватает, сервис у них даже в мертвый сезон классный, ну или, по крайней мере, вполне приличный.

– По-моему, вы сейчас играете самого себя…

– Да, вы правы, – на удивление легко согласился Уэльбек, – все это уже не для меня. Ну и ладно, я скоро переберусь в Луаре; в детстве я жил в Луаре, строил шалаши в лесу и надеюсь заняться чем-то в этом роде. Скажем, охотой на нутрию?

Он с явным удовольствием, быстро и плавно, рулил на своем «лексусе».

– Кстати, они отсасывают без резинки, вот что приятно…- во власти утраченных иллюзий пробормотал автор «Элементарных частиц», паркуясь возле отеля.

Они вошли в просторный и ярко освещенный зал ресторана. На закуску Уэльбек взял коктейль из креветок, Джед остановился на копченой лососине. Польский официант поставил перед ними бутылку теплого шабли.

– Вот что у них никогда не получится… – простонал писатель, – так это подавать белое вино нужной температуры.

– Вы интересуетесь винами?

– Чтобы набить себе цену, это ведь так по-французски. И потом, надо же чем-то интересоваться в жизни, это может пригодиться, мне кажется.

– Я, честно говоря, в недоумении… – признался Джед. – Отправляясь на встречу с вами, я ожидал чего-то… ну, скажем, чего-то позаковыристее. Ходят слухи, вы не вылезаете из депрессий. Я, например, считал, что вы гораздо больше пьете.

– Ну да… – Писатель снова погрузился в изучение винной карты. – Если вы на второе возьмете жаркое из ягненка, надо сменить вино: может, снова аргентинское? Знаете, репутацию алкоголика мне создали журналисты; любопытно, ни одному из них не пришло в голову, что я напиваюсь у них на глазах только потому, что на трезвую голову мне их не вынести. Как, по-вашему, выдержать этого педрилу Жан-Поля Марсуина, не надравшись вусмерть? А как не сблевать, давая интервью кому-нибудь из «Марианны» или «Ле Паризьен либере»? Представители прессы все же отличаются редкой тупостью и косностью, не так ли? – упорствовал он.

– Понятия не имею, прессу не читаю.

– Вы что, газету никогда не открывали?

– Ну почему, открывал, наверное… – благожелательно отозвался Джед, хотя на самом деле он не помнил, чтобы это с ним случалось, ему пришли на ум лишь стопки номеров «Фигаро-магазин» на журнальном столике в приемной у дантиста; но с зубными проблемами он давно покончил. К тому же он никогда не испытывал потребности купить газету. В Париже сам воздух пропитан информацией, и хочешь не хочешь, а на глаза попадаются заголовки в газетных киосках, да и в супермаркете некуда деться от разговоров в очереди. По пути в Крез на похороны бабушки Джед осознал внезапно, что содержание информации в атмосфере снижается по мере удаления от столицы и вообще дела человеческие теряют свою судьбоносность, все понемногу испаряется, остаются одни растения.

– Я напишу текст в ваш каталог, – сказал Уэльбек. – Но вы уверены, что хорошо подумали? Меня терпеть не могут французские СМИ, знаете, это даже поразительно, до какой степени и недели не проходит без того, чтобы меня не обосрали в какой-нибудь статейке.

– Знаю, я почитал в интернете перед отъездом.

– Вы не боитесь погореть, связавшись со мной?

– Я говорил со своим галеристом, он считает, что это не имеет никакого значения. Наша выставка нацеливается не на французский рынок. Кроме того, сейчас во Франции трудно найти покупателей на современное искусство.

– А кто же покупает?

– Американцы. Года два-три назад они вернулись на рынок, ну и англичане тоже, немножко. Но главные покупатели – китайцы и русские.

Уэльбек посмотрел на него, словно взвешивая все «за» и «против».

– Ну раз вся надежда на китайцев и русских, то вы, возможно, правы… – заключил он. – Извините, – он рывком поднялся, – мне нужно закурить, иначе я ничего не соображаю.

Он вышел на стоянку, и, когда вернулся минут через пять, официант принес им еду. Уэльбек с воодушевлением набросился на бирьяни с ягненком, подозрительно взглянув на тарелку Джеда.

– Они наверняка добавили вам в жаркое мятного соуса…- не удержался он. – Ничего не поделаешь, английское влияние. Впрочем, Пакистан тоже бывшая английская колония. Но Ирландия – особый случай, они тут перемешались с коренным населением. – Сигарета явно взбодрила его. – Для вас эта выставка очень важна, не так ли? – спросил он.

– Да, чрезвычайно. У меня такое впечатление, что с тех пор, как я начал серию профессий, никто не понимает, куда я клоню. Под тем предлогом, что я занимаюсь станковой живописью и, более того, пишу маслом, отжившим свой век, меня неизменно записывают в приверженцы некоего движения за возврат к живописи, хотя я этих людей в глаза не видел и никакого родства душ с ними не ощущаю.

– А что, сейчас правда наблюдается возврат к живописи?

– Ну в какой-то степени, это одна из модных тенденций. Возврат к картине или к скульптуре, одним словом – к предмету. Но, по-моему, в основе этого лежат коммерческие соображения. Предмет гораздо легче хранить и продавать, чем инсталляцию или перформанс. Лично я никогда перформансов не устраивал, но мне кажется, что-то общее у меня с этим есть. Во всех своих работах я пытаюсь создать искусственное символическое пространство, в которое я мог бы вписать некие общедоступные ситуации.

– Приблизительно такие же цели ставит себе театр. Правда, вы не зациклены на теле… Просто бальзам на раны, честное слово.

– Да нет, одержимость телом как раз постепенно проходит. Ну, в театре, может быть, и нет пока, но в визуальных искусствах – безусловно. Во всяком случае, то, чем я занимаюсь, полностью вписывается в область социальной проблематики.

– Ну да, понятно… Понятно более или менее, что я смогу написать. Когда вам нужен текст?

– Открытие в мае, но текст для каталога мы должны получить к концу марта. У вас есть два месяца.

– Не жирно.

– Не надо много писать. Пяти – десяти страниц вполне достаточно. Больше тоже не возбраняется, само собой.

– Попробую… Ну я сам виноват, должен был сразу ответить на ваши мейлы.

– Что касается оплаты, то, как я и говорил вам, мы заложили десять тысяч евро. Франц, мой галерист, говорит, что я могу вместо этого предложить вам картину, но мне неудобно, вам сложно будет отказаться. Так что десять тысяч у вас есть; но если вдруг вы предпочтете картину, я согласен.

– Картину… – задумчиво произнес Уэльбек. – Ну, стен, чтобы ее повесить, у меня хватает. Стены – единственное мое достояние в этой жизни.

3

В полдень Джед должен был освободить номер, но его самолет улетал в Париж только в 19:10. Несмотря на воскресный день, торговый центр по соседству оказался открыт; он купил бутылку местного виски, и кассирша по имени Магда спросила, есть ли у него дисконтная карта Dunnes Store. Он послонялся несколько минут по сверкающим чистотой галереям, пока мимо проносились стайки юнцов, перебегавшие из фастфуда в зал видеоигр. Выпив в Rocket Ronnies сок «апельсин-киви-клубника», он решил завершить на этом знакомство со Skycourt Shopping Center и заказал такси в аэропорт; было начало второго.

В кафе Estuary, столь же просторном и незатейливом, как и все здание аэропорта, насколько он успел заметить, прямоугольные столы темного дерева стояли на значительном расстоянии друг от друга, не то что в нынешних дорогих ресторанах; за ними, по задумке создателей, могли спокойно разместиться шесть человек. Джед вспомнил, что пятидесятые годы прославились еще и беби-бумом.

Заказав колеслоу с легким дрессингом и курицу в соусе «корма», он сел за столик и принялся за еду, попивая виски и изучая табло вылетов. В западноевропейские столицы самолеты отсюда не летали, разве что в Париж и в Лондон; рейсы обслуживали, соответственно, компании «Эр Франс» и «Бритиш Эйрвейз». Что же касается Испании и Канарских островов, то из Шеннона можно было отправиться аж в шесть точек: в Аликанте, Жерону, Фуэртевентуру, Малагу, Реус и Тенерифе. За эти направления отвечал Ryanair. Эта компания low cost совершала также рейсы в шесть польских городов: Краков, Гданьск, Катовице, Лодзь, Варшаву и Вроцлав. Накануне за ужином Уэльбек сказал, что в Ирландии полно польских иммигрантов, они предпочитают эту страну, наверное, из-за ее репутации – хотя и не вполне заслуженной – оплота католицизма. Либерализм, таким образом, переверстал карту мира, идя навстречу пожеланиям трудящихся, не важно, перемещаются ли последние в туристических целях или ради заработка. Привычную изометрию карты подменяла собой причудливая топография, согласно которой Шеннон оказывался ближе к Катовице, чем к Брюсселю, и к Фуэртевентуре, чем к Мадриду. Во Франции Ryanair отдавал предпочтение двум аэропортам – Бове и Каркассону. Значило ли это, что вышеуказанные направления – самые туристические? Или они стали таковыми потому, что на них пал выбор Ryanair} Размышляя о власти и топологии мира, Джед не заметил, как начал клевать носом и задремал.

Он стоял посреди белого и, судя по всему, безграничного пространства. Линии горизонта видно не было, почва матово-белого цвета сливалась вдалеке с таким же белым небом. На поверхности земли через неравные промежутки были разбросаны набранные черным шрифтом фрагменты текста, придававшие пейзажу легкую рельефность; в каждом фрагменте было слов по пятьдесят. Тогда он понял, что находится внутри книги, и ему стало любопытно, не рассказывается ли в ней история его жизни. Всматриваясь в строки, попадавшиеся ему по пути, Джед убедился, что так оно и есть: ему удалось разобрать несколько имен – Ольга, Женевьева, – но никакой конкретной информации он не почерпнул, слова чаще всего были зачеркнуты или с остервенением стерты, прочесть их не представлялось возможным, кроме того, то и дело возникали новые имена, ничего ему не говорящие. Направление временной оси тоже не поддавалось определению: следуя строго по прямой, Джед пару раз наткнулся на Женевьеву – ее имя шло сразу после Ольги, хотя он был уверен, совершенно уверен, что Женевьеву он уже никогда не увидит, а вот Ольга, возможно, еще даст о себе знать.

Его разбудили громкоговорители, объявляющие посадку на парижский рейс. Попав наконец к себе на бульвар Л’Опиталь, он немедленно позвонил Уэльбеку, и тот опять почти сразу ответил.

– Значит, так, – сказал Джед, – я придумал. Дарить вам картину я не буду, лучше напишу ваш портрет и потом вам его подарю.

Он подождал; его собеседник на том конце провода хранил упорное молчание. Джед моргнул, ослепленный солнечным светом, заливавшим мастерскую. На полу посреди комнаты все еще валялись растерзанные останки «Дэмиена Херста и Джеффа Кунса, деливших арт-рынок». Поскольку молчание затягивалось, Джефф добавил:

– Но денежное вознаграждение вовсе не отменяется. Считайте, что это надбавка к десяти

тысячам евро. Мне правда хочется сделать ваш портрет. Среди персонажей моих картин еще никогда не было писателя, и я чувствую, что момент настал.

Уэльбек не произнес ни слова, и Джед всерьез забеспокоился; наконец, после трехминутной паузы, тот ответил вязким от спиртного голосом:

– Не знаю. Вряд ли я смогу часами вам позировать.

– Да что вы, зачем! Сеансы позирования – это вчерашний день, пойди уговори их, все зашиваются либо воображают, прикидываются, не знаю, но человека, который согласится простоять неподвижно хотя бы час, днем с огнем не найти. Нет, если я соберусь писать ваш портрет, то приеду и сфотографирую вас. Мне понадобится ряд общих планов, в том числе вашего стола и того, что на нем лежит. И еще детальные снимки рук, кожи. А потом уж я сам со всем этим разберусь.

– Ладно, – ответил писатель без особого восторга. – Я согласен.

– Сумеете вы выкроить день или неделю?

– Выкроить – вряд ли. Большую часть времени я ничего не делаю. Сообщите, когда соберетесь приехать. Всего доброго.

Рано утром Джед позвонил Францу, тот страшно воодушевился и предложил ему тут же зайти в галерею. Он ликовал, буквально потирая руки от удовольствия, Джеду редко приходилось видеть его в таком возбуждении.

– Ну теперь нам все карты в руки… Вот увидишь, мы наделаем шуму. Для начала надо выбрать пресс-атташе. Я подумываю о Мэрилин Прижан.

– Мэрилин?

– Ты знаешь ее?

– Да. Она занималась моей первой выставкой. Я отлично ее помню.

Как ни странно, годы пошли Мэрилин на пользу. Она немного похудела и очень коротко подстриглась, решившись в конце концов последовать советам женских журналов – а что прикажете делать с такими прямыми тусклыми волосами, посетовала она; узкие кожаные брючки в обтяжку и кожаная же приталенная куртка дополняли обманчивый look интеллектуалки-лесбиянки, на которую, если повезет, могли клюнуть юноши робкого десятка. Короче, вылитая Кристин Анго*, но посимпатичнее. А главное, ей удалось избавиться от хронического шмыганья носом. – Я на это жизнь положила, – призналась Мэрилин. – Все отпуска проводила на разнообразных бальнеологических курортах, но в итоге мне нашли подходящее лечение. Раз в неделю я хожу на серные ингаляции, и, знаете, помогает. Пока, во всяком случае, я про это забыла.

* Кристин Анго (род. 1959) – французская писательница.

Даже голос у нее стал громче, отчетливее, теперь она делилась подробностями своей сексуальной жизни с изумившим Джеда бесстыдством. Когда Франц похвалил ее загар, она ответила, что ездила зимой на Ямайку.

– Потрахалась вволю, – добавила она. – Ну, бля, я вам скажу, мужики там суперские.

Он удивленно поднял брови, но Мэрилин уже сменила тему, вытащив из рыжеватой кожаной сумки, на сей раз весьма элегантной, от Гермеса, толстую синюю тетрадь на спирали.

– Да, это вечные ценности, – с улыбкой сказала она Джеду. – КПК у меня по-прежнему нет… Но все-таки я иду в ногу с прогрессом. – Она достала флешку из внутреннего кармана куртки. – Я скинула сюда три отсканированные статьи о твоей мишленовской выставке. Они нам очень пригодятся.

Потрясенный Франц покачал головой, бросив на нее недоверчивый взгляд.

Мэрилин откинулась на стуле и потянулась.

– Я пыталась следить за твоей работой… – сообщила она Джеду. Она перешла с ним на «ты», это тоже было что-то новенькое. -Хорошо, что ты не выставился раньше, многие арт-критики не вписались бы в твой поворот, а уж Пепита Бургиньон и подавно, хотя она и так никогда ничего не понимала в том, что ты делаешь.

Она закурила тонкую сигариллу – просто вечер сюрпризов какой-то – и продолжала:

– А нет выставок – нет и повода высказаться. Если теперь они захотят написать хвалебную статью, у них не будет ощущения, что они сами себе противоречат. Впрочем, я согласна с вами, что надо сразу нацеливаться на англосаксонские журналы, тут нам пригодится имя Уэльбека. Каким тиражом вы собираетесь издавать каталог?

– Пятьсот экземпляров, – отозвался Франц.

– Мало, давайте тысячу. Мне только для пресс-службы триста штук понадобится. Мы разрешим перепечатывать отрывки из текста, сколько угодно; надо договориться с Уэльбеком или Самюэльсеном, его агентом, чтобы они не вставляли нам палки в колеса. Франц рассказал мне про портрет. Отличная идея, поздравляю. На момент открытия выставки это будет твоя последняя работа, шикарно! Мы так пропиаримся, мама не горюй.

– Классная девка, – заметил Франц, когда она ушла. – Я знал ее понаслышке, но никогда не работал с ней.

– Она очень изменилась, – сказал Джед. – Ну в личном плане. А в профессиональном все та же. Поразительно, что люди делят свою жизнь на две половины, никак не связанные между собой и совершенно не влияющие одна на другую. Я всегда удивляюсь, как им это ловко удается.

– Ты и впрямь много времени посвятил труду… профессиям, – продолжил Франц, едва они сели за столик «У Клода». – Как никто из известных мне художников.

– А что точнее всего характеризует человека? Какой вопрос мы прежде всего задаем, когда хотим узнать о его положении в обществе? В некоторых социумах интересуются для начала, женат ли он, есть ли у него дети; у нас же в первую очередь интересуются профессией. Западного человека характеризует его место в производственном процессе, а не статус племенного кобеля.

Франц задумчиво, маленькими глотками, допил вино.

– Надеюсь, Уэльбек напишет хороший текст, – произнес он наконец. – У нас тут ставка больше, чем жизнь, сам понимаешь. Очень трудно заставить их смириться с таким резким виражом, как у тебя. Хотя нам еще грех жаловаться. В литературе и музыке практически невозможно

поменять направление – линчуют, как пить дать. Но если, не дай бог, художник всю дорогу делает одно и то же, говорят, что он повторяется, а стоит ему что-то поменять – упрекают, что он хватается за все подряд. Я понимаю, что в твоем случае возврат к живописи и изображению людей не лишен смысла. Какого именно, я не возьмусь определить, да и ты сам, наверное, тоже; но я знаю, что это не просто так. Но одной интуиции для прессы недостаточно, надо придумать какую-нибудь теоретическую подкладку. Я на это не способен, ты тоже.

В последующие дни они попытались наметить некую траекторию осмотра выставки, порядок развески, но в итоге решили придерживаться чистой хронологии. Таким образом, галерею завершали «Билл Гейтс и Стив Джобс, беседующие о будущем информатики», далее следовало пустое место для еще не написанного портрета Уэльбека. В конце недели Джед попробовал дозвониться до писателя, но на сей раз тот не подошел, а ответчика у него не было. Сделав ряд неудачных попыток в разное время суток, он написал ему мейл; потом второй и несколько дней спустя третий, тоже оставшийся без ответа.

Через две недели Джед всерьез заволновался, бесконечно отправляя ему мейлы и эсэмэски. Наконец Уэльбек перезвонил. Голос у него был вялый, почти безжизненный. – Извините, – пробурчал он, – у меня возникли проблемы личного порядка. Короче, приезжайте фотографировать.

В последующие дни они попытались наметить некую траекторию осмотра выставки, порядок развески, но в итоге решили придерживаться чистой хронологии. Таким образом, галерею завершали «Билл Гейтс и Стив Джобс, беседующие о будущем информатики», далее следовало пустое место для еще не написанного портрета Уэльбека. В конце недели Джед попробовал дозвониться до писателя, но на сей раз тот не подошел, а ответчика у него не было. Сделав ряд неудачных попыток в разное время суток, он написал ему мейл; потом второй и несколько дней спустя третий, тоже оставшийся без ответа.

Через две недели Джед всерьез заволновался, бесконечно отправляя ему мейлы и эсэмэски. Наконец Уэльбек перезвонил. Голос у него был вялый, почти безжизненный. – Извините, – пробурчал он, – у меня возникли проблемы личного порядка. Короче, приезжайте фотографировать.

4

Рейс, вылетающий из аэропорта Бове в 13 часов 25 минут и прибывающий в Шеннон на следующий день, продавался на сайте Ryanair.com за 4,99 евро, и сначала Джед решил, что это ошибка. Последовательно переходя от одного этапа бронирования к другому, он понял, что к этой сумме прибавляются дополнительные сборы; окончательная цена равнялась 28,01 евро, что тоже, в общем, не безумные деньги.

Садясь в автобус, курсирующий между Порт-Майо и Бове, Джед заметил, что среди пассажиров преобладают молодые люди, возможно студенты, отправляющиеся в путешествие либо, наоборот, домой, – это было время февральских каникул. Еще имелись пенсионеры и арабские женщины с маленькими детьми. То есть каждой твари по паре, за исключением активных, работающих членов общества. Джед отметил, что чувствует себя тут на своем месте, у него даже возникло ощущение, что он уезжает в отпуск, тогда как в последний раз, в самолете «Эр Франс», ему казалось, что он летит в командировку.

Проехав по проблемным и спальным кварталам на севере Парижа, автобус мчался теперь по

пустой автостраде меж пшеничных и свекольных полей. Серый воздух рассекали одинокие вороны гигантских размеров. Вокруг все молчали, даже дети сидели спокойно, и понемногу Джед почувствовал, что его охватывает какое-то умиротворение.

Вот уже десять лет, думал он, десять лет он живет безвестным затворником. Работает один, никого не приглашая посмотреть свои картины, кроме Франца, который, правда, – он точно знал это, – устраивает закрытые показы, не докладывая ему о результатах. Игнорируя в последние годы вернисажи, обсуждения и почти все выставки, Джед выпал из обоймы профессиональных художников. В глазах людей и до некоторой степени в своих собственных глазах он превратился в любителя. Предстоящая выставка должна разом вернуть блудного сына в лоно семьи и среды, только он не был уверен, что ему так уж этого хочется. Не больше, во всяком случае, чем нам хочется нырнуть в беспокойное ледяное море где-нибудь в Бретани, не сомневаясь при этом, что стоит сделать несколько взмахов руками, как прохлада северных волн покажется бодрящей и восхитительной.

Сидя в ожидании вылета в скромном аэропорту, Джед открыл инструкцию к фотоаппарату, купленному накануне во FNAC. Nikon D3x, которым он обычно пользовался для рабочих снимков, прежде чем взяться за портрет, показался ему слишком пафосным и профессиональным. Уэльбек был известен своей острой ненавистью к фотографам, и Джед почувствовал, что любительская, семейная мыльница в данном случае будет уместнее.

Во первых строках фирма Samsung поздравляла его, не без некоторой патетики, с удачным выбором модели ZRT-AV2. А вот Sony и Nikon даже не думали его поздравлять: эти компании слишком заносчивы и не сомневаются в собственном профессионализме; возможно, это объясняется заносчивостью японцев вообще; так или иначе, но эти самоуверенные японские компании просто невыносимы. Немцы же в своих сопроводительных текстах пытаются поддерживать иллюзию рационального выбора преданного клиента, так что чтение инструкции по эксплуатации «мерседеса» доставляет истинное удовольствие; что касается соотношения качества и цены, то волшебные сказки социал-демократических гремлинов отнюдь не заслуживают доверия. Оставались швейцарцы с их политикой экстремальных цен, на которые еще кто-то, случалось, мог польститься. Джед не раз собирался купить нечто швейцарское – частенько фотоаппарат Alpa и однажды – часы; но разница в уровне цен, превышающих человеческие раз в пять, быстро отбила у него всякую охоту это делать. Что и говорить, в десятые годы нашего века потребитель может оторваться только перейдя на корейские товары – автомобили «киа» и «хендай» и электронику LG и Samsung.

Модель Samsung ZRT-AV2, гласило введение к руководству пользователя, – пример реализации передовых инновационных технологий вроде автоматического распознавания улыбки, при сохранении легендарной простоты в обращении, которой издавна славится наша марка.

После этого лирического вступления следовали более конкретные указания, и Джед наскоро перелистал буклет в поисках полезной информации. Разработчикам фотоаппарата нельзя было отказать в изрядной доле здорового консолидирующего оптимизма. Впрочем, эта тенденция, свойственная большинству производителей электронной техники, все же давала сбои. (Например вместо сюжетных режимов фейерверк, пляж, ребенок и ребенок2, можно было напороться на похороны, дождливый день, старик1 и старик2.

Что еще за ребенок1 и ребенок2, заинтересовался Джед. Перейдя на страницу 37, он понял, что эта программа при заданных датах рождения двоих детей умеет автоматически вычислить и внести в электронные параметры снимка их возраст на момент фотографирования. На странице 38 сообщалась дополнительная информация: оба режима, уверяла инструкция, гарантируют воспроизведение «здорового и свежего» цвета лица вышеуказанных малюток. И

правда, родители наверняка расстроились бы, что на день рожденных фотках их ребенок1 и ребенок2 вышли с помятыми, синюшными рожами; но Джед с детьми лично знаком не был; у него также не возникло бы необходимости в режиме домаш. животные и уж точно в празднике; судя по всему, этот аппарат придумали не для него.

В Шенноне дождь лил как из ведра, а таксист оказался злобным идиотом.

– Gone for holidays? – Он словно заранее предвкушал возможность посочувствовать.

– No, working, – ответил Джед, не желая доставлять ему этого удовольствия, но тот так просто не сдавался.

– What kind of job you're doing? – осведомился он тоном, в котором явно сквозило сомнение, что его пассажиру в принципе могут доверить хоть какую-нибудь работу.

– Photography*, – ответил Джед.

Таксист шмыгнул носом, признавая свое поражение.

*

– В отпуск приехали?

– Нет, работать.

– Чем вы занимаетесь?

– Фотографией (англ.).

Джед минуты две, если не дольше, стучал в дверь Уэльбека под проливным дождем, пока тот наконец не соизволил ему открыть. Автор «Элементарных частиц» предстал перед ним в серой полосатой пижаме, смутно напоминая каторжника из телесериала; мало того, что его грязные волосы были всклокочены, а лицо приобрело фиолетово-багровый оттенок, – писатель еще и подванивал. Несоблюдение правил личной гигиены – верный признак депрессивного состояния, вспомнил Джед.

– Извините, что вламываюсь, я понимаю, что вам сейчас не до меня. Но мне так не терпится начать ваш портрет… – сказал он, изобразив, как он надеялся, обезоруживающую улыбку. Выражение обезоруживающая улыбка по-прежнему встречается в некоторых романах, значит, оно должно иметь какую-то реальную подоплеку. Но, к сожалению, Джед не ощущал себя достаточно наивным, чтобы обезоружиться от улыбки, и подозревал, что и Уэльбек тоже. Автор «Смысла борьбы» все же отступил на пару шагов, что позволило Джеду укрыться от дождя, но не более того, хозяин пока что не допускал его в свои хоромы.

– Я принес бутылку вина. Хорошую бутылку! – воскликнул Джед с фальшивым энтузиазмом – обычно таким тоном предлагают карамельки детям – и вынул ее из сумки. Бутылка «Шато Озон» 1986 года обошлась ему, на секундочку, в 400 евро, чего с лихвой хватило бы на дюжину перелетов Париж-Шеннон компанией Ryanair.

– Всего одну? – спросил автор «Погони за счастьем», вытягивая шею, чтобы взглянуть на этикетку. От него воняло, но все-таки до трупного духа он пока не дошел; в конце концов, могло быть и хуже. Затем, не говоря ни слова, он развернулся, успев все же схватить бутылку; Джед истолковал его поведение как приглашение войти.

В прошлый раз, насколько он помнил, гостиная пустовала; теперь здесь появились кровать и телевизор. – Да, – сказал Уэльбек, – после вашего посещения я понял, что вы первый человек, переступивший порог этого дома, и, вероятно, последний. И тогда я решил, что незачем поддерживать видимость комнаты для приемов. Что мне мешает внаглую устроить себе спальню в гостиной? В конце концов, почти весь день я провожу лежа; чаще всего даже ем в постели, под мультики на FOX TV; это, заметьте, не званые ужины.

В прошлый раз, насколько он помнил, гостиная пустовала; теперь здесь появились кровать и телевизор. – Да, – сказал Уэльбек, – после вашего посещения я понял, что вы первый человек, переступивший порог этого дома, и, вероятно, последний. И тогда я решил, что незачем поддерживать видимость комнаты для приемов. Что мне мешает внаглую устроить себе спальню в гостиной? В конце концов, почти весь день я провожу лежа; чаще всего даже ем в постели, под мультики на FOX TV; это, заметьте, не званые ужины.

Простыни, местами прожженные, в пятнах от вина, были усеяны кусочками печенья и ошметками мортаделлы.

– Пойдем все же на кухню… – предложил автор сборника «Возрождение».

– Я приехал, чтобы вас сфотографировать.

– А что, в кухне ваш фотоаппарат не работает?

– Я развязал… так развязал, что мало не покажется, я имею в виду колбасные изделия, – мрачно сообщил Уэльбек. И правда, стол был засыпан упаковками чоризо, мортаделлы и деревенского паштета. Он протянул Джеду штопор и, едва тот открыл бутылку, опрокинул залпом первый стакан, не вдохнув букета, даже не притворяясь, что дегустирует. Джед сделал дюжину крупных планов, стараясь снимать под разными углами.

– Я бы очень хотел снять вас в вашем кабинете… ну там, где вы работаете.

Писатель хрюкнул без особого восторга, но встал и пошел впереди Джеда по коридору. Коробки с вещами, громоздившиеся вдоль стен, так и стояли неразобранные. С прошлой их встречи у Уэльбека появился животик, но шея и руки оставались тощими; он напоминал старую больную черепаху.

Кабинетом ему служила просторная прямоугольная комната с голыми стенами, в общем пустая, если не считать трех пластмассовых садовых столиков бутылочного цвета, выстроившихся в ряд вдоль одной из стен. На центральном столе стояли 24-дюймовый iMac и лазерный принтер Samsung; два других были буквально устланы листами бумаги с напечатанными или написанными от руки текстами. Единственной роскошью смотрелось здесь черное кожаное офисное кресло на колесиках, с высокой спинкой.

Джед сделал несколько общих снимков. Увидев, что он подошел к столам, Уэльбек нервно вздрогнул.

– Не волнуйтесь, я не буду заглядывать в ваши рукописи, я знаю, что вы этого терпеть не можете. И все-таки, – Джед задумался на мгновение, – мне надо понять, как выглядят ваши примечания и исправления.

– Лучше не надо.

– Я на содержание вообще не собираюсь смотреть. Меня интересует геометрия текста, я вам клянусь, что на картине никто не разберет ни единого слова.

Уэльбек скрепя сердце вынул несколько листков. Зачеркиваний в тексте оказалось мало, зато он был испещрен многочисленными звездочками, от которых шли стрелки к другим текстам, на полях и на отдельных листках. Внутри этих дополнительных фрагментов, более или менее прямоугольных, очередные звездочки отсылали к новым отрывкам, образуя древовидное разветвление. Почерк был наклонный, почти нечитабельный. Все время, пока Джед фотографировал, Уэльбек не спускал с него глаз и вздохнул с облегчением, когда тот отошел от стола. Выходя из комнаты, он плотно закрыл за собой дверь.

– Про вас я еще писать не начал, – сообщил он по дороге на кухню. – А то, что вы видели, – предисловие к переизданию Жан-Луи Кюртиса* в «Омнибусе». Я должен его срочно сдать. Хотите вина? – Теперь он говорил с преувеличенным оживлением, явно стараясь загладить первоначальную холодность. «Шато Озон» они почти допили. Уэльбек гостеприимно распахнул шкафчик, в котором виднелось штук сорок бутылок.

* Жан-Луи Кюртис (i917_1995) – французский писатель и эссеист.

– Аргентинское или чилийское?

– Чилийское, для разнообразия.

– Кюртиса сегодня совсем забыли. Он написал полтора десятка романов, рассказы, потрясающие пародии… «Франция мне надоела» – лучший, на мой взгляд, сборник литературных пародий: его имитации Сен-Симона и Шатобриана выше всяких похвал; Стендаль с Бальзаком тоже недурны. А что толку, сейчас никто его не читает. Это несправедливо, Кюртис ведь был неплохим писателем, в меру консервативным, в меру академичным, но он пытался добросовестно делать свою работу, ну, во всяком случае, то, что он считал своей работой. «Карантин», например, замечательная книга, мне кажется. Там есть настоящая ностальгия, горечь от исчезновения традиционной Франции, которая постепенно переходит в современный мир, – читая его, так и видишь те годы; он редко опускается до карикатуры, разве что в описании отдельных леваков-священников. И «Молодожены» – поразительная штука. Кюртис берется ровно за тот же сюжет, что и Перек* в «Вещах», и умудряется выдержать сравнение, не выставив себя на посмешище, а это уже недурно. Конечно, виртуозностью Перека он похвастаться не может, а кто мог в его время? Удивительно, что он стоит горой за молодежь вообще и за коммуны хиппи в частности, которые, насколько я знаю, бродили тогда по всей Европе с рюкзаком за спиной, отвергая так называемое «общество потребления»; впрочем, его собственное неприятие общества потребления ничуть не слабее и, кстати, куда основательнее, что и подтвердилось впоследствии. А Жорж Перек, напротив, приемлет общество потребления, совершенно справедливо считая его единственно возможной перспективой, и его рассуждения о счастье в аэропорту Орли представляются мне весьма убедительными. Жан-Луи Кюртиса, я думаю, совершенно зря записали в реакционеры, это просто хороший, немного печальный писатель, убежденный, что человечество не может измениться – ни в ту, ни в другую сторону. Он был влюблен в Италию, прекрасно сознавая жестокость романского взгляда на мир. Не знаю, почему я вам все это рассказываю, плевать вы хотели на Кюртиса, а напрасно, могли бы полюбопытствовать, в вас я тоже чувствую какую-то ностальгию, но в вашем случае это ностальгия по той эпохе, когда Франция была индустриальной страной, не так ли?

* Жорж Перек (1936-1982) – французский писатель и кинорежиссер.

Он вынул из холодильника чоризо, колбасу и деревенский хлеб.

– Вы правы, – ответил Джед не сразу. – Я всегда любил предметы промышленного производства, мне бы никогда не пришло в голову сфотографировать, например… колбасу. – Он протянул руку к столу, но тут же извинился. – Нет, она очень вкусная, я не про то, ем я ее с удовольствием, а вот фотографировать не тянет. В ней перебор неравномерностей органического происхождения, разнокалиберных жировых прожилок, в общем, ломтик ломтику рознь. Это как-то… обескураживает.

Уэльбек кивнул, раскинув руки, будто собирался впасть в тантрический транс, но на самом деле был просто пьян и пытался таким образом удержать равновесие, скорчившись на кухонной табуретке. Когда он вновь заговорил, в его голосе была мягкость, глубина и какая-то задушевность.

– За всю мою практику потребителя, – сказал он, – мне попалось всего три идеальных товара: ботинки Paraboot Marche, ноутбук Canon Libris со встроенным принтером и куртка с капюшоном Camel Legend. Я их обожаю и готов всю жизнь провести с ними, периодически закупая такие же модели по мере изнашивания предыдущих. Между нами установились оптимальные отношения, сделавшие из меня счастливого потребителя. Я не был так уж счастлив, со всех точек зрения, но хотя бы имел возможность систематически приобретать очередную пару любимых башмаков. Пустячок, а приятно, особенно когда личная жизнь так скудна. Но даже этой примитивной радости меня лишили. Через несколько лет мои обожаемые товары исчезли из магазинов, их просто-напросто сняли с производства, а моя несчастная куртка Camel Legend, наверняка самая красивая куртка, когда-либо видевшая свет, вообще прожила всего один сезон… – Заплакав медленными крупными слезами, писатель подлил себе вина. – Это так жестоко, знаете, чудовищно жестоко. Даже самые мелкотравчатые виды животных тратят на вымирание тысячи, если не миллионы лет, а потребительские товары стираются с лица земли за считанные дни, и второй попытки у них не будет, им остается лишь покорно сносить бессовестный фашистский диктат маркетологов, которые, видите ли, лучше всех знают, чего хочет потребитель, и, улавливая в настроениях оных потребителей ожидание новизны, обрекают их на безнадежные изнурительные поиски и вечное блуждание между прилавками с постоянно изменяющейся продукцией.

– Понимаю, о чем вы, – вмешался Джед. – Конечно, многие сильно приуныли, когда прекратили, например, производство двухобъективных камер Rolleiflex. Но в таком случае, возможно… Возможно, следует перенести свое доверие и любовь на самые дорогостоящие товары, успевшие стать легендой. Я лично не могу себе представить, что Rolex решит больше не выпускать Oyster Perpetual Day-Date.

– Как вы молоды… ужасно молоды… Rolex поступит точно так же, как все остальные. – Уэльбек схватил три кружка чоризо, положил их на кусочек хлеба и, проглотив все вместе одним махом, подлил себе вина. – Вы сказали, что купили новый фотоаппарат… Покажите-ка мне инструкцию.

Он минут десять изучал руководство по эксплуатации Samsung ZRT-AV2, беспрестанно качая головой, будто каждое слово только подтверждало его худшие опасения.

– Ну да, кто б сомневался, – произнес он наконец, возвращая буклет. -Хороший продукт, современный продукт, вы можете его полюбить. Но знайте, через год, максимум через два его заменят новым, с так называемыми улучшенными характеристиками. Мы сами тоже продукты – продолжал он, – культурные продукты. По нам тоже ударит моральный износ. Наш механизм

функционирует по тому же принципу, правда, нам, как правило, не грозит ни техническое, ни функциональное усовершенствование; остается лишь потребность в новизне как таковой. Но это все пустяки, пустяки… – беспечно добавил он и принялся было нарезать вторую колбасу, как вдруг, застыв с ножом в руке, пропел мощным голосом: – Петь, смеяться и любить! – И широким жестом смахнул со стола бутылку, которая благополучно разбилась, ударившись о плиточный пол.

– Я уберу, – поспешно сказал Джед, вскакивая.

– Да ладно, бросьте, ничего страшного.

– Ну как же, везде осколки, можно порезаться. У вас есть швабра? – Он осмотрелся. Уэльбек кивал, не отвечая. В углу кухни Джед увидел метелку и пластиковый совок.

– Сейчас открою еще одну бутылку… – пообещал писатель. Он встал, пересек кухню, выписывая кренделя между осколками, которые Джед пытался худо-бедно вымести.

– Мы и так уже перебрали… Лично я все снял, что хотел.

– Бросьте, не уйдете же вы сейчас! Праздник только начинается… Петь, смеяться и любить! -- затянул он снова, опрокинув стакан чилийского. – Фукра Булду! Бистрой! Бистрой! – с убеждением добавил он. Некоторое время назад у прославленного писателя появилась привычка употреблять странные слова, устаревшие или нарочито исковерканные, а то и детские неологизмы на манер капитана Хэддока*. Его немногочисленные друзья, например издатели, прощали ему эту слабость, как прощают почти всё опустившемуся старику с закидонами.

* Капитан Хэддок – персонаж комиксов «Приключения Тинтина».

– Богатая идея мой портрет написать, вот уж…

– А что? – удивился Джед. Он наконец собрал с пола все осколки, ссыпал их в мешок для строительного мусора (у Уэльбека явно других не водилось) и, сев за стол, взял кружок колбасы. – Знаете… – продолжал он, не сдаваясь. – Я твердо намерен написать хорошую картину. Последние десять лет я пытался изображать людей из разных слоев общества, от торговца кониной до гендиректора многонациональной корпорации. Единственную неудачу я потерпел с художником, а именно с Джеффом Кунсом, уж не знаю почему. Да, еще я запорол священника, не понимая, с какой стороны за него взяться, но с Кунсом было хуже, я начал его писать, но вынужден был просто уничтожить картину. Я не хочу застревать на этой неудаче, а вы у меня получитесь, мне кажется. Что-то есть в вашем взгляде – не знаю что именно, – но мне кажется, я смогу это что-то передать…

Внезапно в сознании у Джеда промелькнуло слово страсть, и он перенесся на десять лет назад, в их последние с Ольгой выходные на Троицу. Воскресным вечером они сидели на террасе замка Во-де-Люньи, перед ними расстилался огромный парк, легкий ветерок шевелил кроны деревьев. Смеркалось, погода стояла идеально теплая. Ольга, всецело поглощенная созерцанием паштета из омара в своей тарелке, уже целую минуту не произносила ни слова, а тут, подняв голову, посмотрела ему прямо в глаза и спросила:

– Скажи-ка, ты знаешь, почему нравишься женщинам?

Он пробормотал что-то невнятное.

– А ты нравишься женщинам, – настаивала она, – полагаю, ты не будешь со мной спорить. Ты довольно хорош собой, но дело не в том, красота – это мелочь. Нет, тут иное…

– Скажи.

– Все очень просто – у тебя пронзительный взгляд. Страстный взгляд. Вот что женщинам нужно прежде всего. Они западают на мужчин с энергией и страстью во взгляде.

Дав ему время обдумать это, Ольга отпила глоток мерсо, попробовала закуску.

– Разумеется, – сказала она чуть позже с еле заметной печалью в голосе, – мужская страсть может относиться не к ним, а к произведению искусства… но женщины об этом и не догадываются… во всяком случае, вначале.

Десять лет спустя, вглядываясь в Уэльбека, Джед понимал, что в его взгляде тоже светится страсть, скорее даже одержимость. Наверное, он сам был объектом любовных страстей, не исключено, что бурных страстей. Да, исходя из того, что он знал о женщинах, Джед вполне допускал, что они могут втюриться в сидящую перед ним истерзанную развалину, которая, мелко тряся головой, поглощала деревенский паштет и, казалось, чихать хотела на все, что хоть отдаленно напоминает любовные отношения, да и любые человеческие отношения вообще.

– Да, я не питаю особых братских чувств к роду человеческому… – Уэльбек словно прочел его мысли. – Я бы даже сказал, что мое чувство принадлежности к нему с каждым днем слабеет. Но тем не менее ваши последние работы мне нравятся, хотя на них и изображены человеческие особи. В них есть что-то… всеобщее, что ли, выходящее за рамки случая из жизни. Ладно, не будем забегать вперед, а то я так ничего и не напишу. Кстати, не страшно, если я не закончу текст к концу марта? Я правда сейчас не в лучшей форме.

– Никаких проблем. Мы перенесем открытие выставки; подождем, сколько потребуется. Знаете, вы стали крайне важным для меня человеком, причем это произошло ужасно быстро, никто еще никогда не производил на меня такого впечатления! – воскликнул Джед, чрезвычайно оживившись. – И знаете, что любопытно… – продолжал он уже спокойнее, – считается, что портретист обязан подчеркнуть незаурядность своей модели, уловить некую уникальность личности. В каком-то смысле я так и поступаю, но при этом я склоняюсь к мысли, что люди отличаются друг от друга гораздо меньше, чем принято думать, и когда я пишу анатомические детали лица, мне кажется, что этот пазл я уже собирал. Я прекрасно знаю, что человек является героем романа, great occidental novel*, а также одной из главных тем живописи, и все же не могу избавиться от мысли, что люди сильно обольщаются, полагая, что так уж несхожи между собой. Общество все слишком усложняет, навязывая нам бесконечные различия и деление на категории.

* Великого западного романа (англ.).

– Да, в этом есть что-то византическое… – охотно согласился автор «Платформы». – Но я не думаю, что вы портретист. На хрен нам сдался портрет Доры Маар Пикассо? В любом случае Пикассо – это сплошное уродство, он пишет искаженный до безобразия мир, потому что безобразна его собственная душа, о Пикассо нечего больше сказать, и незачем снова и снова выставлять его картины, с него как с козла молока, у него нет никакого света, никакой новой организации цветов и форм, да у Пикассо вообще нет ничего, заслуживающего внимания, сплошь чудовищная глупость и приапическая мазня, которая если кого и возбудит, то только старперов на седьмом десятке с кругленьким счетом в банке. Портрет, скажем, Пупкина из

Купеческой гильдии кисти Ван Дейка – другое дело. Потому что Ван Дейка интересует не Пупкин, а Купеческая гильдия. Короче, я именно так понимаю ваши работы, но возможно, это все не в ту степь, так что если вам мой текст не понравится, выкиньте его в помойку. Извините, я становлюсь агрессивным, грибок проклятый замучил…

И на глазах опешившего Джеда он принялся так яростно расчесывать ступни, что выступили капельки крови.

– У меня микоз, бактериальная инфекция, атопический генерализованный дерматит – это настоящая инфекция, я гнию на корню, а всем плевать, никто не может мне помочь, медицина меня забросила без зазрения совести, так что мне остается? Чесаться, чесаться без передыху, вся моя жизнь превратилась в нескончаемый процесс чесания.

Наконец он с облегчением выпрямился и добавил:

– Я немного устал, наверное, мне пора отдохнуть.

– Ну разумеется! – Джед поспешно поднялся. – Я и так страшно вам благодарен, вы уделили мне столько времени, – произнес он с ощущением, что еще дешево отделался.

Уэльбек проводил его к выходу. В последний момент, когда Джед уже готов был нырнуть в ночной мрак, он услышал:

– Знаете, я начинаю понимать, что вы делаете, и знаю, к чему это приведет. Вы хороший художник, не вдаваясь в подробности, можно так сказать. Меня тысячи раз фотографировали, но если одному моему изображению суждено остаться в веках, то это будет ваша картина. – Внезапно он улыбнулся мальчишеской и на сей раз действительно обезоруживающей улыбкой. – Видите, живопись я принимаю всерьез, – заключил он. И закрыл за собой дверь.

5

Джед споткнулся о детскую коляску, еле устоял на ногах, схватившись за рамку металлоискателя, и отступил, вновь заняв свое место в очереди. Кроме него тут стояли сплошь семейные пары с двумя или тремя детьми. Перед ним блондинчик лет четырех скулил, непонятно чего требуя, потом вдруг с диким воплем бросился на пол, буквально задрожав от ярости; его мамаша измученно переглянулась с мужем, и тот попробовал поднять упрямого засранца. «Роман невозможно написать, – сказал ему накануне Уэльбек, – по той же причине, по которой невозможно жить: из-за накапливающихся на шее камней. И все теории свободы, от Жида до Сартра, по сути, не что иное, как аморализм, придуманный безответственными холостяками. Такими, как я», – заключил он, берясь за третью бутылку чилийского вина.

В самолете была свободная рассадка, и Джед попытался было внедриться в группу молодежи, но его задержали у подножия металлического трапа – ручная кладь превышала допустимые габариты, и стюардесса забрала у него сумку, так что в итоге он втиснулся между пятилетней девочкой, ерзавшей на кресле и беспрестанно требовавшей конфет, и тускловолосой тучной особой с младенцем на коленях, который начал вопить, едва они взлетели; через полчаса пришлось менять ему памперсы.

На выходе из аэропорта Бове-Тийе Джед притормозил и, поставив сумку на пол, заставил себя дышать размеренно, чтобы прийти в чувство. Семьи, навьюченные колясками и детьми, толпой

валили в автобус, отбывающий к Порт-Майо. Рядом с ним он увидел белый пикап с широкими окнами и логотипом Городского транспорта Бовези. Он подошел навести справки: водитель сообщил, что направляется в Бове; проезд стоил два евро. Джед купил билетик; он оказался единственным пассажиром.

– Отвезти вас на вокзал? – спросил водитель, помолчав.

– Нет, в центр.

Тот бросил на него удивленный взгляд; местному туризму, судя по всему, редко случалось поживиться за счет клиентов аэропорта. Хотя тут, как и почти во всех городах Франции, власти приложили немало усилий по организации пешеходных зон в центре и установке информационных щитов с историческими и культурными сведениями о Бове. Первые поселения появились здесь, видимо, за 65 000 лет до нашей эры. Город, представлявший собой укрепленный лагерь римлян, назывался Цезаромагус, затем Белловакум, «город белловаков», пока его не разрушили варвары в 275 году.

Расположенный на перекрестке торговых путей, окруженный богатыми плодородными землями, Бове уже в XI веке переживает значительный расцвет текстильной мануфактуры – сукно из Бове экспортируются в Византию. Работы по возведению собора Святого Петра (три мишленовские звездочки, имеет смысл предпринять отдельное путешествие) начались в 1225 году по инициативе графа-епископа Милона из Нантейя, но завершены не были. В своем нынешнем состоянии собор обладает, однако, самыми высокими в Европе средневековыми хорами. Упадок города, приведший к упадку ткачества и ковроделия, начался в конце XVIII века и, судя по всему, продолжался до сих пор, поскольку Джед запросто снял номер в гостинице «Кириад». До ужина ему даже казалось, что он тут вообще один. Приступая к рагу из телятины – дежурному блюду, он увидел, как в ресторан входит одинокий японец лет тридцати и, с ужасом озираясь, садится за соседний с ним столик.

Дежурное рагу повергло японца в состояние чрезвычайной тревоги; в итоге он заказал бифштекс и, получив его несколько минут спустя, грустно и нерешительно ткнул в него вилкой. Джед заподозрил, что он попробует завязать разговор, что тот и сделал, на английском языке, предварительно пососав пару картофельных соломок. Бедняга оказался служащим станкостроительной фирмы Komatsu, которой удалось впарить какой-то текстильный автомат последнего поколения единственной оставшейся в департаменте суконной фабрике. В автомате вышел из строя программный блок, и японец приехал, чтобы починить его. Для такого рода работы, пожаловался он, компания посылала раньше трех-четырех техников, ну в крайнем случае двух; но в результате чудовищного сокращения ассигнований он очутился в Бове один на один с разъяренным клиентом и сломанным агрегатом.

Да, здорово он влип, не мог не признать Джед. Но, может быть, его смогли бы проконсультировать по телефону?

– Time difference*… – печально ответствовал японец. Может быть, к часу ночи ему удастся поймать кого-нибудь в Японии, там как раз начнется рабочий день; но пока что он тут один как перст, и в номере нет даже кабельных японских каналов. Он долгим взглядом посмотрел на нож для мяса, будто собирался экспромтом совершить сеппуку, потом все же решил отыграться на бифштексе.

У себя в номере, смотря без звука «Талассу»**, Джед включил наконец мобильник. Франц оставил ему три сообщения. Он ответил мгновенно.

* Разница во времени (англ.).

** «Таласса» – старейшая передача Третьего канала французского телевидения о море, путешествиях и людях, чья профессия связана с морем.

– Ну как все прошло?

– Хорошо. Почти хорошо. Но, судя по всему, с текстом он опоздает.

– Нет, это невозможно. Мне он нужен к концу марта, иначе мы не успеем напечатать каталог.

– Я сказал ему… – Джед запнулся и бросился с головой в омут: – Я сказал, что это не страшно и что он может не торопиться.

Франц издал нечто вроде недоуменного урчания, замолк, но тут же заговорил снова напряженным голосом, явно на грани нервного срыва:

– Слушай, нам надо встретиться и обсудить. Ты можешь сейчас зайти в галерею?

– Нет, я в Бове.

– В Бове? Что ты забыл в Бове?

– Решил взять тайм-аут. Тайм-аут в Бове, это чудо что такое.

Поезд в Париж отходил в 8.47. Путь до Северного вокзала занял немногим больше часа, и в одиннадцать Джед уже был в галерее, в обществе приунывшего Франца.

– Знаешь, ты у меня не один такой, – с упреком сказал он. – Если выставка не состоится в мае, я вынужден буду перенести ее на декабрь.

Через десять минут появилась Мэрилин, и к ним вернулось хорошее настроение.

– Декабрь – это отлично, я – за, – сразу заявила она и продолжала с плотоядным задором: – Мне хватит времени на обработку английских журналов, их надо брать за горло загодя, эти английские журналы.

– Ну, значит, в декабре, – уступил Франц, мрачный и побитый.

– Но ведь… – начал было Джед, вскинув руки, и остановился. Он собирался сказать «Но ведь художник тут я» или что-то в этом роде, пафосное и дурацкое, но вовремя спохватился и добавил просто: – Мне, кроме всего прочего, надо еще написать портрет Уэльбека. Я хочу, чтобы у меня вышла хорошая картина. Чтобы это была моя лучшая картина.

6

«Мишель Уэльбек, писатель», подчеркивали арт-критики, символизирует в творчестве Джеда Мартена отказ от реалистического пространства в качестве фона картины, характерного для всех его произведений из цикла профессий. Этот поворот дается художнику нелегко, чувствуется, что ценой огромных усилий, прибегая к различным уловкам, он пытается поддержать, насколько это возможно, иллюзию реалистического фона. На его полотне Уэльбек стоит лицом к своему рабочему столу, покрытому исписанными целиком или наполовину

листами бумаги. За его спиной, на расстоянии метров, наверное, пяти, видна белая стена, плотно, без малейшего зазора обклеенная заполненными от руки страницами. По иронии судьбы, замечают искусствоведы, Джед Мартен в своей работе явно придает огромное значение тексту, делая упор на текст как таковой, без каких бы то ни было привязок к реальности. А ведь любой литературовед подтвердит вам, что Уэльбек на определенном этапе работы над романом любит прикнопливать на стены своей комнаты разные документы, чаще всего фотографии мест, где разворачивается действие будущей книги, но написанные или недописанные эпизоды – крайне редко. Изображая своего героя в мире бумаг, Джед Мартен, возможно, вовсе не собирался ни занимать какую-либо позицию по вопросу о реализме в литературе, ни приписывать Уэльбеку взгляды представителей формалистского течения, от которых тот, впрочем, недвусмысленно открестился. Он просто испытывал эстетическое наслаждение при виде древовидных фрагментов текста, связанных между собой и порождающих друг друга, словно гигантский полип.

В первые минуты, во всяком случае, мало кто обратил внимание на фон, который полностью затмила невероятная выразительность самого персонажа. Писатель запечатлен в момент, когда он, заметив ошибку на одном из листков, разложенных на столе, будто впадает в транс, не в силах совладать с охватившей его яростью, которую многие, не колеблясь, трактовали как демоническую; его рука с занесенным корректирующим маркером, выполненная легким, точным мазком, передающим движение, обрушивается на бумагу «с молниеносностью кобры, вытягивающейся в струну, чтобы поразить свою жертву», как образно подметил Вонг Фусинь, пародируя, видимо, пышные метафорические штампы, традиционно связанные в нашем сознании с дальневосточными авторами. (Вонг Фусинь прежде позиционировал себя как поэт; но его стихов давно никто не читает, их даже трудно достать, а вот его очерки о творчестве Мартена стали настольной книгой каждого искусствоведа.) Свет, гораздо более контрастный, чем на предыдущих полотнах художника, фокусирует внимание на верхней части лица писателя и его руках с тощими, длинными, крючковатыми пальцами, напоминающими когти хищной птицы, тогда как большая часть фигуры остается в тени. Выражение его глаз казалось столь странным, что арт-критики, не решившись вписать его в какую-либо из существующих в живописи традиций, нашли в нем скорее нечто общее с некоторыми снимками из этнографических архивов, сделанных во время ритуальных обрядов вуду.

Двадцать пятого октября Джед позвонил Францу и доложил, что портрет закончен. В последние месяцы они мало виделись; против обыкновения, Джед не приглашал его смотреть эскизы. Франц, со своей стороны, занимался другими выставками, которые в общем и целом прошли неплохо, его галерея уже несколько лет была на виду, и ее рейтинг постоянно повышался, хотя пока что не приводил к росту продаж.

Франц появился около шести. Холст, натянутый на подрамник стандартного формата 116 на 89 сантиметров, стоял посреди мастерской, удачно освещенный галогенной рампой. Он уселся прямо напротив картины на складной стул с полотняным сиденьем и, не произнося ни слова, минут на десять погрузился в созерцание.

– Ладно, – проговорил он наконец. – Иногда от тебя спятить можно, но ты замечательный художник. Должен признать, что мы не зря ждали. Это хорошая картина, даже очень хорошая. Ты уверен, что хочешь ему ее подарить?

– Я обещал.

– А текст у нас скоро будет?

– К концу месяца.

– Но вы на связи или нет?

– Не вполне. Уэльбек мне написал мейл в августе, сообщив, что возвращается насовсем во Францию, ему удалось выкупить дом в Луаре, где он провел детство. Но он клянется, что это ничего не меняет и он пришлет текст в конце октября. Я ему верю.

7

И правда, утром 31 октября Джед получил мейл с неозаглавленным текстом, страниц на пятьдесят, и тут же переслал его Мэрилин и Францу, слегка волнуясь, что они сочтут его слишком длинным. Мэрилин тут же успокоила его: наоборот, сказала она, «много не мало».

Даже если сегодня текст Уэльбека – первая значительная работа о творчестве Мартена – представляет ценность скорее историческую, в нем содержится тем не менее несколько интересных наблюдений. Впервые за разнообразием тем и техник автор подметил внутреннюю целостность творчества художника, указав на глубинную закономерность перехода от попыток уловить суть производимых в мире вещей, которым были отданы студенческие годы, к изображению их создателей, коим Мартен посвятил вторую половину жизни.

Взгляд, обращенный Джедом Мартеном на современное ему общество, подчеркивает Уэльбек, в гораздо большей степени характерен для этнолога, чем, скажем, для политического комментатора. Мартен, уверяет он, отнюдь не ангажированный художник, и хотя «Выход на биржу Беаты Узе», одна из его редких массовых сцен, может навести на мысль об экспрессионистском периоде, он бесконечно далек от вымученных и язвительных образов каких-нибудь Георга Гроса или Отто Дикса. Его трейдеры в спортивных штанах и трикотажных куртках с капюшоном, с утомленным высокомерием приветствующие лидера немецкой порноиндустрии, – прямые наследники обывателей в сюртуках, постоянно снующих у Фрица Ланга в разных «Докторах Мабузе»; они написаны с той же отстраненностью и холодным беспристрастием. В названиях картин, как и вообще в своем творчестве, Мартен прямолинеен и прост: он описывает мир, крайне редко позволяя себе поэтические отступления или подзаголовки в качестве комментария. Правда, к этому приему он прибегает как раз в одной из самых удачных своих работ – «Билл Гейтс и Стив Джобс беседуют о будущем информатики», – поставив подзаголовок «Разговор в Пало-Альто».

Билл Гейтс сидит в соломенном кресле и, распахнув объятия, улыбается собеседнику. На нем полотняные брюки и рубашка цвета хаки с короткими рукавами, на босых ногах вьетнамки. Это уже не прежний Билл Гейтс в темно-синем костюме, Гейтс тех давних времен, когда «Майкрософт» утверждал свое господство в мире, а он сам, затмив султана Брунея, возглавил список богатейших людей планеты. И еще не будущий Билл Гейтс, сердобольный подвижник, посещающий шри-ланкийские сиротские приюты или призывающий мировую общественность к бдительности в связи с внезапным ростом заболеваемости оспой в странах Западной Африки. С картины на нас смотрит промежуточный Билл Гейтс, непринужденный и явно довольный тем, что ушел с поста chairman первой в мире компании по разработке программного обеспечения, – Билл Гейтс, скажем так, на заслуженном отдыхе. Лишь очки в металлической оправе с толстыми стеклами напоминают о его прошлом «ботаника».

Стив Джобс, сидя напротив него по-турецки на белом кожаном диване, кажется, как ни странно, воплощением строгости и Sorge*, традиционных спутников протестантского капитализма. И в том, как его правая рука сжимает челюсть, словно помогая в тяжких

раздумьях, нет ровным счетом ничего калифорнийского, как, впрочем, и в неуверенном взгляде, обращенном на собеседника; даже гавайская рубашка, в которую его нарядил Мартен, не может рассеять ощущение общей печали, исходящей от его чуть сутулой спины и выражения растерянности на лице.

* Забота, беспокойство (нем.).

Встреча, судя по всему, происходит дома у Джобса. Сочетание белой дизайнерской мебели в минималистском стиле и ярких драпировок с этническим рисунком свидетельствует об эстетических предпочтениях основателя Apple, прямо противоположных обилию хай-тековых гаджетов на грани фантастики, наводняющих, если верить слухам, дом, который создатель «Майкрософта» выстроил себе в пригороде Сиэтла. Между ними на журнальном столике стоят шахматы с деревянными фигурами ручной работы; они только что прервали партию в очень невыгодном положении для черных, то есть для Джобса.

На некоторых страницах «Дороги в будущее», автобиографии Билла Гейтса, проскальзывает порой нечто вроде откровенного цинизма, особенно там, где он признает, не моргнув глазом, что компании не так уж выгодно предлагать инновационные продукты. Как правило, лучше сначала посмотреть, чем занимаются конкуренты (и тут он недвусмысленно намекает, не называя имен, на Apple) и подождать, пока они выпустят свои продукты, столкнувшись с неизбежными для всякой инновации трудностями; короче, пусть набьют себе шишки, а потом можно будет наводнить рынок копиями успешных находок своих конкурентов, предлагая их по более низким ценам. Нельзя не отметить, что этот очевидный цинизм, подчеркивает в своем тексте Уэльбек, отнюдь не является истинной сущностью Гейтса; последняя проявляется скорее в потрясающих и даже в чем-то трогательных пассажах, где он пишет о своей вере в капитализм и в загадочную «невидимую руку рынка»; он абсолютно и непоколебимо убежден, что, вопреки превратностям судьбы и множеству отрицательных примеров, рынок в конце концов всегда оказывается прав, а благо рынка тождественно благу человечества. Вот в чем выражается истинная сущность Билла Гейтса, апостола своей веры, и именно эту веру и простодушие искреннего капиталиста сумел передать Джед Мартен. На его картине Гейтс, в очках, поблескивающих в лучах заходящего над Тихим океаном солнца, широко распахивает нам объятия с сердечной и приветливой улыбкой. А вот Джобс, похудевший за время болезни, с озабоченным лицом и редкой клочковатой бородкой, которую он устало сжимает правой рукой, смахивает, пожалуй, на бродячего проповедника в ту минуту, когда его, в десятый раз талдычащего свою проповедь перед немногочисленной и равнодушной паствой, вдруг охватывает сомнение.

Как ни странно, неподвижный и ослабевший Джобе, несмотря на всю проигрышность своей позиции, выглядит хозяином положения; в этом и состоит, подчеркивает Уэльбек, глубинный парадокс произведения Мартена. В его взгляде горит огонек, присущий не только предсказателям и пророкам, но и изобретателям, дорогим сердцу Жюля Верна. Если внимательнее всмотреться в расположение фигур на шахматной доске, изображенной Мартеном, станет ясно, что позиция Джобса не такая уж и безнадежная. Пожертвовав ферзя, он может завершить игру в три хода, поставив дерзкий мат конем и слоном. А также, походя придумав новый продукт, внезапно навязать рынку свои правила игры – во всяком случае, такое создается ощущение. В широком окне в глубине комнаты виднеются луга изумрудного, почти нереального цвета, полого спускающиеся к гряде прибрежных скал, где сливаются с хвойным лесом. А за ними катит свои нескончаемые золотисто-бронзовые волны Тихий океан. Вдалеке, на лужайке, девчонки затеяли игру во фрисби. Вечереет, над Северной Калифорнией волею Мартена вспыхивает феерическим оранжевым великолепием заходящее солнце, да, над самой передовой частью мира сгущаются сумерки; этим тоже можно объяснить невыносимую печаль расставания, которая читается во взгляде Джобса.

Решительные поборники рыночной экономики, убежденные кормильцы Демократической партии являют собой принтом две стороны одной капиталистической медали и так же схожи, как бальзаковский банкир и инженер Жюля Верна. «Разговор в Пало-Альто», заключает Уэльбек, слишком скромный подзаголовок для такой картины; Джед Мартен имеет полное право назвать ее «Краткая история капитализма», поскольку так оно и есть.

8

После недолгих препирательств вернисаж назначили на среду, и декабря, – Мэрилин сочла, что это идеальная дата. Каталоги, напечатанные в порядке особой срочности в итальянской типографии, прибыли как раз вовремя. Получились элегантные и даже шикарные книги, – «нечего на них экономить», категорически заявила Мэрилин, которой Франц буквально в рот смотрел, вот странно, таскаясь за ней из зала в зал, как собачонка, пока она делала необходимые звонки.

Решительные поборники рыночной экономики, убежденные кормильцы Демократической партии являют собой принтом две стороны одной капиталистической медали и так же схожи, как бальзаковский банкир и инженер Жюля Верна. «Разговор в Пало-Альто», заключает Уэльбек, слишком скромный подзаголовок для такой картины; Джед Мартен имеет полное право назвать ее «Краткая история капитализма», поскольку так оно и есть.

8

После недолгих препирательств вернисаж назначили на среду, и декабря, – Мэрилин сочла, что это идеальная дата. Каталоги, напечатанные в порядке особой срочности в итальянской типографии, прибыли как раз вовремя. Получились элегантные и даже шикарные книги, – «нечего на них экономить», категорически заявила Мэрилин, которой Франц буквально в рот смотрел, вот странно, таскаясь за ней из зала в зал, как собачонка, пока она делала необходимые звонки.

Положив у входа стопку каталогов и проверив развеску полотен, они обнаружили, что им совершенно нечем заняться до открытия, назначенного на семь часов вечера, и галерист занервничал; он напялил забавную расшитую рубаху словацкого крестьянина, выпустив ее поверх черных джинсов Diesel. Мэрилин что-то еще невозмутимо уточняла по мобильнику, как ни в чем не бывало снуя между картинами, и Франц следовал за ней по пятам. It’s a game, it’s a million dollar game*.

* Это игра, игра на миллион долларов (англ.).

К половине седьмого Джед, обалдев от суеты своих сподвижников, заявил, что пойдет прогуляться, «просто погуляю, прошвырнусь на свежем воздухе, не волнуйтесь, мне полезно».

Его заявление грешило чрезмерным оптимизмом – он понял это сразу, как вышел на бульвар Венсена Ориоля. Гипермаркет «Казино» и заправка Shell были единственными заметными в округе очагами жизнедеятельности, социальными, если угодно, предложениями, призванными пробудить желание, счастье, радость. Эти местные достопримечательности Джеду были давно знакомы; долгие годы он являлся постоянным клиентом «Казино», потом, правда, переключился на «Франпри» на бульваре Л’Опиталь. Что касается заправки Shell, то ее он

тоже знал как облупленную: по воскресеньям он частенько пополнял тут свои запасы чипсов Pringles и минеральной воды Нёраг, но сегодня он мог без них обойтись, после вернисажа был запланирован коктейль, все как у людей, они даже пригласили ресторатора.

И все-таки Джед зашел в «Казино» вместе с несколькими десятками других покупателей, тут же обратив внимание на очевидные усовершенствования. Возле книжного отсека, на прилавке с прессой, предлагался широкий выбор ежедневных газет и журналов. Свежая итальянская паста в ассортименте поражала своим разнообразием, ничто, судя по всему, не могло притормозить победное шествие свежей итальянской пасты; но, главное, в зоне фуд-корта появился новенький, с иголочки, великолепный салат-бар самообслуживания, причем некоторые из полутора десятков наименований выглядели более чем аппетитно. Ради этого ему захотелось сюда вернуться; ради этого ему зверски захотелось сюда вернуться, как сказал бы Уэльбек, об отсутствии которого Джед вдруг остро пожалел, стоя перед салат-баром, где несколько женщин среднего возраста с недоверчивыми минами обсуждали калорийность ингредиентов. Он знал, что писатель разделяет его пристрастие к супермаркетам, поистине супермаркетам, любил он повторять, и его мечту, чтобы в более или менее утопическом будущем в результате слияния разных сетей образовался бы единый тотальный гипермаркет, удовлетворяющий всю совокупность человеческих потребностей. Вот бы хорошо зайти вместе в обновленный «Казино» и пихать друг друга локтями, заметив целые стеллажи прежде не существовавших продуктов либо новый метод этикетирования, такой исчерпывающий и понятный!

Не нахлынули ли на него, часом, дружеские чувства к Уэльбеку? Ну это было бы преувеличением, да и вообще Джед полагал, что не способен на чувства такого рода: он прожил отрочество и первую половину юности, не попав в сети слишком пылких дружб, хотя именно эти периоды жизни считаются наиболее благоприятными для их расцвета; в общем, маловероятно, что приятельские отношения ни с того ни с сего возникнут теперь, на склоне лет. Но так или иначе Джед рад был с ним познакомиться, а главное, ему очень понравился текст Уэльбека, он даже подумал, что автор проявил поразительную интуицию, при явном отсутствии у него знаний о живописи. Разумеется, Уэльбека пригласили на вернисаж; он ответил, что «постарается зайти», из чего следовало, что шансы увидеть его близки к нулю. Когда Джед общался с ним по телефону, тот предвкушал предстоящее обустройство нового дома: два месяца назад, совершая своеобразное сентиментальное паломничество в деревню, где прошло его детство, Уэльбек обнаружил, что дом, в котором он вырос, выставлен на продажу. Сочтя это «настоящим чудом» и знаком судьбы, он тут же, не торгуясь, купил его и перевез вещи, большая часть которых, кстати, так и не была распакована, и теперь обживался. Короче, ни о чем другом он говорить не мог, и картина Джеда, судя по всему, интересовала его меньше всего; однако Джед обещал доставить ее лично через недельку после вернисажа, чтобы запоздалые журналисты успели посмотреть выставку полностью.

В семь двадцать, подходя к галерее, Джед увидел – благо, окна были огромные, – что между его полотнами прохаживаются человек пятьдесят. То есть посетители пришли к началу, видимо, это хороший знак. Мэрилин заметила его издалека и победно потрясла кулаком в его сторону.

– Тут вся тяжелая артиллерия… – шепнула она, когда он подошел. – Тяжелее не бывает…

И правда, в двух шагах от него Франц беседовал с Франсуа Пино* и его восхитительной спутницей, возможно иранского происхождения, помогавшей ему в управлении фондом. Галерист беспорядочно размахивал руками и явно был не в своей тарелке, так что у Джеда даже мелькнуло желание броситься ему на выручку, но он вовремя вспомнил то, что знал всегда и что несколько дней назад ему прямо в лицо заявила Мэрилин: он прекрасен, когда молчит.

* Франсуа Пино (род. 1936) – французский предприниматель, коллекционер и меценат. В 2010 г. занимал 77-ю строчку в списке богатейших людей планеты по версии Forbes.

– Это еще что…- добавила пиарщица. – Видишь того мужика в сером?

Она указала на молодого человека лет тридцати с умным лицом и к тому же шикарно одетого – его костюм, рубашка и галстук светло-серых тонов были подобраны с тончайшим вкусом. Он стоял перед «Журналистом Жан-Пьером Перно, проводящим редакционное совещание», довольно старой картиной, на которой Джед впервые изобразил своего героя в окружении коллег по работе. Он помнил, что она далась ему с трудом, сотрудники Жан-Пьера Перно слушали указания своего харизматичного руководителя с забавной смесью благоговения и гадливости, и он почти полгода бился над выражением их лиц. Но это полотно словно освободило его, сразу после него он взялся за «Архитектора Жан-Пьера Мартена, оставляющего пост главы компании» и прочие многофигурные композиции, местом действия которых был мир труда.

– Этот парень – персональный байер Романа Абрамовича в Европе, – сообщила Мэрилин. – Я уже видела его в Лондоне и Берлине, но вот в Париже никогда; во всяком случае, не в галереях современного искусства. Хорошо бы к концу вернисажа у тебя появились потенциальные покупатели, – продолжала она. – Их мир тесен, они сразу примутся взвешивать и прикидывать, что почем. Для чего, само собой, необходимы минимум два человека. А их тут… – очаровательная шаловливая улыбка, к изумлению Джеда, мгновенно превратила ее в девчонку, – а их тут трое… Видишь вон того дяденьку перед картиной Бугатти? – Она кивнула на пожилого человека в плохо скроенном черном костюме, с тонкими седыми усиками на измученном одутловатом лице. – Это Карлос Слим Элу, мексиканец ливанского происхождения. На вид не бог весть что, не спорю, но он заработал кучу денег на телекоммуникациях и по разным версиям занимает третье или четвертое место в рейтинге самых состоятельных людей мира. Кроме того, он коллекционер…

То, что Мэрилин называла картиной Бугатти, было в действительности «Инженером Фердинандом Пихом, посещающим производственные мастерские в Молсхайме», где выпускались «бугатти-вейрон 16.4», самые быстрые и самые дорогие автомобили в мире. Оснащенные W-образным 16-цилиндровым двигателем мощностью 1001 лошадиная сила с четырьмя турбонагнетателями, они разгоняются с нуля до 100 км в час за 2,5 секунды, достигая максимальной скорости в 407 км в час. Никакие существующие в продаже покрышки не способны выдерживать такое ускорение, и «Мишлену» пришлось специально для этой машины разработать особый состав резины.

Слим Элу простоял перед картиной по меньшей мере минут пять, почти не двигаясь, только отходил или приближался на несколько сантиметров. Он избрал, отметил про себя Джед, идеальное расстояние для созерцания картин такого формата; по всему видно, настоящий коллекционер.

Потом мексиканец повернулся и пошел к выходу; он ни с кем не поздоровался и не заговорил.

Когда он проходил мимо, Франсуа Пино бросил на него желчный взгляд; да уж, в схватке с таким соперником шансы бретонского бизнесмена были незавидны. Не удостоив его ответным взглядом, Слим Элу сел на заднее сиденье черного лимузина «мерседес», припаркованного перед галереей.

Теперь к картине Бугатти подошел эмиссар Романа Абрамовича. И правда, любопытная вышла

вещь. За несколько недель до того, как приступить к ней, Джед купил на блошином рынке в Монтрейе за смешные деньги – по цене макулатуры, не более того, – подшивки старых номеров французских журналов «Пекин информасьон» и «Китай строится», и в его картине угадывались бескрайние просторы и вольное дыхание в стиле китайского соцреализма. Небольшая группка инженеров и механиков, выстроившись широким клином, сопровождает Фердинанда Пиха, посещающего мастерские, точь-в-точь, – заметит позже один особо въедливый арт-критик, нарывший горы документов, – как группа агрономов и крестьян-середняков, следующих за Мао Цзэдуном на акварели из 122-го номера «Китай строится», озаглавленной «Все на уборку заливного риса в провинции Хунань!». Впрочем, как давно подметили другие искусствоведы, Джед тогда в первый и последний раз попробовал писать акварелью. Инженер Фердинанд Пих, опережая своих спутников на пару шагов, кажется, не идет, а плывет, словно паря в нескольких сантиметрах над светлым эпоксидным полом. На трех алюминиевых монтажных рамах размещены шасси «бугатти-вейронов» на разных стадиях сборки; на заднем плане за стеклянными стенами открывается потрясающий вид на Вогезы. По забавному совпадению, замечает Уэльбек в своем тексте для каталога, городок Молсхайм и вогезские пейзажи вокруг уже фигурировали на фотографиях мишленовских и спутниковых карт, которыми Джед десять лет назад открыл свою первую персональную выставку.

Это замечание, сделанное Уэльбеком походя, – ибо, обладая умом сугубо рациональным, если не ограниченным, он наверняка усмотрел в отмеченном сходстве хоть и курьезную, но случайность, – вдохновит Патрика Кешишьяна на пламенную статью, еще более мистическую, чем обычно; явив нам Господа, творящего мир рука об руку с человеком, пишет он, художник, завершая свой путь к инкарнации, являет нам теперь Господа, сошедшего в люди. Вдалеке от гармонии небесных сфер Всевышний решил «повкалывать в поте лица своего», дабы отдать дань уважения, самим фактом своего чудесного присутствия, святости труда человеческого. Будучи подлинным Богом и подлинным человеком, Он кладет на алтарь трудящихся масс жертвенный дар своей пламенной любви. В позе механика слева, покинувшего рабочее место, чтобы следовать за инженером Фердинандом Пихом, как не узнать, настаивает автор статьи, позу Петра, оставляющего свои сети в ответ на призыв Христа: «Идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков». И даже в отсутствии на картине самой «бугатти-вейрон 16,4» на последнем этапе сборки, он усматривает намек на Небесный Иерусалим.

«Монд» статью не приняла, а Пепита Бургиньон, заведующая отделом, пригрозила даже, что уволится, если газета опубликует этот поток «елейного ханжества»; зато ее собирался напечатать в следующем месяце «Арт-Пресс».

– Да похер нам теперь эта пресса. Наша судьба решается в другом месте, – подвела итоги Мэрилин, когда Джед уже начал волноваться, что Пепита Бургиньон упорно его игнорирует.

Часов в десять, когда ушли последние посетители и официанты уже сворачивали скатерти, Франц в изнеможении рухнул на пластиковый стул, стоявший у входа в галерею.

– Ну, бля, я в ауте. В полном ауте. – Весь вечер, не закрывая рта, он, не щадя себя, неутомимо рассказывал всем желающим о творческом пути Джеда и об истории своей галереи; что касается самого Джеда, то он лишь время от времени одобрительно кивал.

– Принеси пивка, будь добр. Там в холодильнике, в подсобке.

Джед вернулся с ящиком «Стеллы Артуа» Франц тут же залпом осушил бутылку прямо из горлышка, прежде чем заговорить снова.

– Ну вот, теперь остается ждать предложений, – сказал он. – Подобьем бабки через неделю.

9

Когда Джед вышел к паперти церкви Нотр-Дам де ла Гар, внезапно посыпал мелкий ледяной дождик, словно предупреждая его о чем-то, и так же внезапно, буквально через несколько секунд, прекратился. Он поднялся по ступеням к двустворчатым, как всегда открытым настежь дверям; внутри было пусто. Поколебавшись, Джед повернул обратно. Улица Жанны д'Арк спускалась к бульвару Венсена Ориоля, над которым нависала наземная линия метро; вдалеке виднелся купол Пантеона. Небо приобрело глухой стальной оттенок. В сущности, ему нечего было сказать Господу; не сейчас, во всяком случае.

На площади Насьональ не было ни души, за голыми деревьями маячили плотно пригнанные друг к другу прямоугольные башни университетского центра Тольбиак. Джед свернул на улицу Шато-де-Рантье Он пришел с опережением графика, но Франц уже сидел в кафе, взяв традиционный бокальчик красного, явно далеко не первый. Судя по его всклокоченной шевелюре и багровому лицу, он не спал уже несколько недель.

– Итак, – начал он, как только Джед сел, – у меня есть заявки почти на все картины. Я поднял цены, могу, видимо, поднять еще немножко, короче, средняя цена установилась на уровне пятисот тысяч.

– Что?

– Что слышал: пятисот тысяч евро.

Франц нервно теребил пряди взлохмаченных седых волос; Джед раньше не замечал за ним этой привычки. Он залпом осушил бокал и заказал следующий.

– Если я начну продавать немедленно, – продолжал он, – мы заработаем тридцать миллионов евро; ну типа того.

В кафе воцарилась тишина. Рядом с ними тощий старик в сером плаще посапывал в компании кружки пива с пиконом. Жирнючая бело-рыжая собачка-крысоловка, последовав примеру хозяина, тоже задремала у его ног. Снова полил ненавязчивый дождик.

– Ну и? – спросил Франц через минуту. – Что мне делать? Продавать?

– Как хочешь.

– То есть как это как хочешь, черт побери! Ты понимаешь, какие это деньги? – Он так кричал, что старик вздрогнул и проснулся; собака, с трудом поднявшись, разворчалась в их адрес.

– Пятнадцать миллионов евро… Каждому по пятнадцать миллионов, – продолжал Франц уже тише, сдавленным голосом. – И у меня такое ощущение, что тебе от этого ни горячо ни холодно.

– Ну что ты, извини, – поспешил ответить Джед. – Скажем, я в состоянии шока, – добавил он, помолчав.

Франц посмотрел на него со смешанным чувством недоверия и брезгливости.

– Ладно, о'кей, – решился он. – Я не Ларри Гагосян*, у меня не те нервы.

– Ты, разумеется, прав, – согласился Джед, выдержав минутную паузу. И снова воцарилось

молчание, нарушаемое лишь похрапыванием крысоловки, которая, успокоившись, снова улеглась у ног хозяина.

* Ларри Гагосян – крупный американский галерист.

– За какую картину… – заговорил наконец Франц, – за какую картину, по-твоему, дают больше всего?

Джед на мгновение задумался.

– Может, за «Билла Гейтса и Стива Джобса…» – предположил он.

– Именно. Какой-то американский маклер, чуть ли не от самого Джобса, предложил аж полтора миллиона евро. Уже давно… – сказал Франц напряженным голосом, в котором сквозило отчаяние, – уже давно арт-рынком правят богатейшие предприниматели планеты. А сегодня им впервые выпал случай приобрести не просто самые что ни на есть авангардные, в эстетическом плане, полотна, но еще и с собственным изображением. Не представляешь, сколько бизнесменов и промышленников пристает ко мне, чтобы ты написал их портрет. Мы вернулись в старорежимные времена придворных живописцев… Ну, в общем, я хочу сказать, что на тебя вовсю идет охота. Ты по-прежнему собираешься подарить Уэльбеку его портрет?

– Конечно. Я же обещал.

– Как тебе будет угодно. Неслабый такой подарок. За семьсот пятьдесят тысяч евро… Заметь, он его заслужил. Его текст сыграл важную роль. Он подчеркивает последовательность и системность твоего творчества, благодаря чему тебя не причисляют к новым фигуративистам и прочей шушере… Само собой, я оставил картины не на складе в Эр-и-Луар, а снял сейфы в банке. Я выпишу тебе бумагу, можешь забрать портрет Уэльбека когда угодно.

– Тут кое-кто заходил ко мне, – продолжал Франц не сразу. – Одна русская девушка, полагаю, ты знаешь, о ком речь. – Он вынул визитную карточку и протянул ее Джеду. – Чертовски красивая девушка…

Вечерело. Джед накинул куртку, предварительно убрав визитку во внутренний карман.

– Подожди, – сказал Франц. – Прежде чем ты уйдешь, я хочу убедиться, что ты врубился в то, что происходит. Я получил пять десятков звонков от предпринимателей, возглавляющих список самых богатых людей планеты. Иногда звонили помощники, но в основном они объявлялись лично. И все они жаждут, чтобы ты написал их портрет. И все предлагают минимум миллион евро.

Джед надел наконец куртку и вынул бумажник, чтобы расплатиться.

– Я тебя приглашаю, – хмыкнул Франц. – Не надо, не отвечай, я отлично знаю, что ты скажешь. Попросишь дать тебе время на размышление, а потом позвонишь и откажешься. А потом вообще перестанешь писать. Ты в своем репертуаре, как в эпоху мишленовских карт: вкалываешь годами, один как сыч, не покладая рук, а когда твои работы выставляются, ты все посылаешь к черту, едва добившись успеха.

– Ну это разные вещи. Тут меня заклинило на «Дэмиене Херсте и Джеффе Кунсе, деливших арт-рынок».

– Да, знаю. Поэтому, собственно, я и решился на организацию выставки. Я, кстати, очень рад, что ты не закончил ту картину. Хотя идея сама по себе мне нравилась, в ней ощущалась какая-то историческая уместность, это было бы вполне метким описанием ситуации, сложившейся в искусстве в определенный момент. Действительно, своеобразный раздел имел место: с одной стороны – фан, секс, китч и святая простота, с другой – трэш, смерть, цинизм. Но в твоем случае картину наверняка истолковали бы как произведение второстепенного художника, завидующего успеху более состоятельных собратьев; впрочем, мы дожили до того, что успех, в терминах рынка, оправдывает и узаконивает все что угодно, подменяя собой разнообразные теории, и никто, решительно никто, не видит дальше своего носа. Вот сейчас ты мог бы позволить себе написать эту картину, поскольку на данный момент ты самый дорогой французский художник; но я уверен, что ты ее не напишешь, более того – сменишь курс. Может статься, ты перестанешь писать портреты, а то и просто завяжешь с фигуративной живописью или вообще с живописью как таковой и вернешься к фотографии, кто знает…

Джед промолчал. Старик за соседним столом встряхнулся от дремы, встал и направился к выходу; собака с трудом ковыляла за ним, покачивая тучным тельцем на коротких лапках.

– При любом раскладе, – сказал Франц, – знай, что я останусь твоим галеристом. Что бы ни случилось.

Джед кивнул. Хозяин кафе вышел из подсобки, зажег неоновые лампы над стойкой и кивнул Джеду; Джед кивнул ему в ответ. Они были его постоянными клиентами, можно сказать – старыми клиентами, но никакого панибратства между ними не возникало. Хозяин заведения забыл уже, что лет десять назад позволил Джеду сфотографировать себя и свое кафе, тем самым вдохновив его на создание «Клода Ворийона, хозяина бара с табачным отделом», второй по счету картины из серии основных профессии, за которую американский биржевой маклер только что предложил триста пятьдесят тысяч евро. Он считал Джеда и Франца нетипичными клиентами – они слишком выделялись на фоне здешних завсегдатаев и возрастом, и принадлежностью к иному социальному слою, иначе говоря – не имели отношения к ядру целевой аудитории.

Джед поднялся, спрашивая себя, когда же он теперь увидится с Францем, и осознал внезапно, что стал богатым человеком. Когда он уходил, Франц спросил вдогонку:

– Ты что делаешь на Рождество?

– Ничего, ужинаю с отцом, как обычно.

10

Обычно, да необычно, подумал Джед по дороге к площади Жанны д’Арк. По телефону ему показалось, что отец ужасно подавлен, настолько, что даже предложил отменить традиционный ужин. «Не хочу никому быть в тягость». Внезапное обострение рака прямой кишки привело к неизбежному выбросу отходов, сообщил он с мазохистским смакованием. Теперь ему придется поставить искусственный анус. Уступив настояниям Джеда, отец согласился с ним повидаться при условии, что сын пригласит его к себе. «Видеть уже не могу эти рожи…»

Дойдя до Нотр-Дам де ла Гар, Джед, поколебавшись, вошел внутрь. Поначалу он решил, что церковь пуста, но, приближаясь к алтарю, заметил чернокожую девушку лет восемнадцати, а то и моложе; благоговейно сложив руки, она преклонила колени перед статуей Богоматери и

что-то усердно шептала. Уйдя с головой в молитву, она не обратила на него внимания. Белые брюки из тонкой ткани, невольно отметил Джед, очень удачно обтягивали выпяченную в коленопреклоненной позе попку. Неужели грехи замаливала? Или просила за больных родителей? Возможно, и то и другое. Она явно была рьяной христианкой. Все же вера в Бога весьма практичная штука: если ты не в состоянии помочь ближнему, – а это в жизни часто случается, да, собственно, только так оно и бывает, взять хотя бы отцовский рак, – всегда можно помолиться за него.

Ему стало неловко, и он вышел. Над улицей Жанны д'Арк сгущались сумерки, красные огоньки машин медленно удалялись в сторону бульвара Венсена Ориоля. Купол Пантеона вдалеке утопал в каком-то непостижимом зеленоватом свете, словно небесные пришельцы начали массивное наступление на Париж и пригороды. В это самое мгновение в городе, несомненно, умирали люди.

Как бы то ни было, назавтра в это же время Джед занимался тем, что зажигал декоративные фигурные свечи и раскладывал на своем рабочем столе лососину, запеченную в раковинах, пока площадь Альп неторопливо погружалась во мрак. Отец обещал прибыть к шести часам.

Он позвонил снизу в одну минуту седьмого. Джед нажал на кнопку домофона и, пока отец поднимался на лифте, сделал несколько глубоких, размеренных вдохов.

Он слегка коснулся шершавых щек отца, который застыл посреди комнаты. – Садись, садись, – сказал Джед.

Отец подчинился и присел на кончик стула, застенчиво оглядываясь. Он никогда, внезапно осознал Джед, никогда у меня не бывал. Ему пришлось даже предложить отцу снять пальто. Тот еле выдавил из себя улыбку, с видом человека, который силится показать, что отважно переносит ампутацию. Джед собрался было открыть шампанское, но у него дрожали руки, и он едва не уронил бутылку, вынимая ее из морозилки; с него градом лил пот. Отец по-прежнему улыбался застывшей улыбкой. Он был энергичным, а порой и строгим руководителем компании с пятьюдесятью служащими, нанимал и увольнял подчиненных, заключал контракты на сотни, если не на миллионы евро. Но близость смерти пробуждает смирение, и сегодня вечером он прежде всего хотел, чтобы все прошло как можно лучше, а главное – надеялся ничего не испортить, судя по всему, это стало отныне его единственным желанием в подлунном мире. Джеду удалось наконец откупорить шампанское, и он немного расслабился.

– Наслышан о твоих успехах, – сказал отец, поднимая бокал. – Выпьем за твой успех.

Мы на верном пути, тут же подумал Джед, чем не повод для дружеской беседы, и он пустился в рассказы о своих картинах, о работе, начатой уже лет десять назад, о своем стремлении изобразить посредством живописи разнообразные винтики и шестеренки, от которых зависит функционирование общества. Регулярно подливая в бокалы сначала шампанского, потом вина, Джед легко и непринужденно проболтал почти час, пока они управлялись с закусками, купленными накануне навынос в гастрономической лавочке. И лишь на следующий день он поймал себя на мысли, что ничего подобного никому никогда раньше не говорил. Отец слушал внимательно, время от времени задавая вопросы, у него было по-детски удивленное и заинтересованное выражение лица, в общем, все шло отлично вплоть до самого сыра, когда вдохновение Джеда иссякло и отец, словно поддавшись силе тяжести, снова впал в болезненное уныние. Но ужин все-таки взбодрил его, и он проронил вполголоса, даже не расстроенно, а скорее недоверчиво покачав головой: «Охренеть… искусственный анус…»

– Знаешь, – начал он, и по его интонации было понятно, что он слегка опьянел, – в каком-то

смысле я даже рад, что твоя мать не дожила до этого. Уж такая она была вся рафинированная, элегантная… Физического распада она бы не вынесла.

Джед замер. Вот оно, подумал он. Вот оно, приехали, – по истечении стольких лет отец наконец заговорит. Но тот уловил, как изменилось его лицо. – Я не собираюсь прямо сейчас тебе сообщать, почему твоя мать покончила с собой! – громко и рассерженно произнес он, четко выговаривая каждое слово. – Не собираюсь, потому что сам ничего не знаю! – И он тут же успокоился, как-то съежился даже.

Джед был весь в поту. Или просто в квартире стало слишком жарко, отопление совсем забастовало, его невозможно было отрегулировать, и он всякий раз боялся, что нагреватель опять сломается, но теперь-то он разбогател и сможет переехать, ведь так и поступают люди, когда у них заводятся деньги, пытаясь улучшить бытовые условия, только куда, собственно, переезжать? У Джеда не было никаких ярко выраженных жилищных предпочтений. Нет, лучше уж он останется тут, разве что пора бы уже взяться за ремонт или хотя бы сменить нагреватель. Он встал и рискнул подвигать туда-сюда регулятор. Отец что-то бормотал, сонно покачивая головой. Джед вернулся к нему. Надо бы взять его за руки, приобнять или что-нибудь еще в этом роде, да, но как? Он никогда этого не делал.

– Искусственный анус, – снова пробормотал тот мечтательным голосом. – Я знал, что она была недовольна нашей жизнью но неужели это уважительная причина для самоубийства? Я тоже был недоволен жизнью и, признаюсь тебе, не ожидал, что, будучи архитектором, ограничусь строительством дурацких курортных комплексов для дебильных туристов под надзором нечистых на руку и до ужаса пошлых промоутеров; ну что тут скажешь, работа есть работа… Может, она просто не любила жизнь, и все тут. Больше всего меня потряс рассказ соседки, которая случайно с ней столкнулась прямо перед этим. Она возвращалась с покупками, возможно, именно тогда она купила яд, – мы так, кстати, и не узнали, как ей это удалось. Так вот, соседка сказала, что она выглядела счастливой, невероятно радостной и счастливой. У нее был вид, уточнила она, человека, который собирается в отпуск. Она отравилась цианистым калием и, судя по всему, умерла мгновенно; я совершенно уверен, что она не мучилась.

– Искусственный анус, – снова пробормотал тот мечтательным голосом. – Я знал, что она была недовольна нашей жизнью но неужели это уважительная причина для самоубийства? Я тоже был недоволен жизнью и, признаюсь тебе, не ожидал, что, будучи архитектором, ограничусь строительством дурацких курортных комплексов для дебильных туристов под надзором нечистых на руку и до ужаса пошлых промоутеров; ну что тут скажешь, работа есть работа… Может, она просто не любила жизнь, и все тут. Больше всего меня потряс рассказ соседки, которая случайно с ней столкнулась прямо перед этим. Она возвращалась с покупками, возможно, именно тогда она купила яд, – мы так, кстати, и не узнали, как ей это удалось. Так вот, соседка сказала, что она выглядела счастливой, невероятно радостной и счастливой. У нее был вид, уточнила она, человека, который собирается в отпуск. Она отравилась цианистым калием и, судя по всему, умерла мгновенно; я совершенно уверен, что она не мучилась.

Он замолчал, и молчание длилось так долго, что Джед чуть в обморок не упал. Ему уже чудились бескрайние луга, травка, трепещущая на легком ветерке, и свет вечной весны. Он очнулся внезапно, отец все так же качал головой и что-то бормотал, продолжая нелегкий внутренний спор с самим собой. Джед замешкался – в его планы входил еще десерт: в холодильнике дожидались своей очереди политые шоколадом профитроли. Вынуть их? Или, наоборот, постараться разузнать наконец о самоубийстве матери? Он-то, в сущности, почти не помнил ее. А отцу пришлось все это пережить. Он решил повременить немного с профитролями.

– У меня никогда не было других женщин – сказал отец бесцветным голосом. – Ни одной, никогда. Я даже желания такого не испытывал. – И он снова затряс головой, забормотал.

Джед все-таки отважился достать профитроли. Отец изумленно взглянул на них, словно на совершенно неведомый объект, встречу с которым ничто в его жизни не предвещало. Он взял один профит-роль и покрутил в пальцах, всматриваясь в него так же пытливо, как если бы это была собачья какашка; но в итоге все-таки положил его в рот.

Затем последовали две-три минуты безмолвного исступления, когда они оба хватали один за другим профитроли прямо из декоративной коробки от кондитера и яростно, не нарушая молчания, тут же сжирали их. Когда это безумие улеглось, Джед предложил выпить кофе. Отец сразу согласился.

– Я бы выкурил сигаретку… – сказал он. – У тебя найдется?

– Я не курю. – Джед вскочил. – Давай я сбегаю. На площади Италии допоздна открыт бар, где продают сигареты. И вообще… – Он посмотрел на часы, с удивлением обнаружив, что всего восемь.

– Думаешь, они работают в Рождество?

– Попытка не пытка.

Джед надел пальто. Когда он вышел, резкий порыв ветра хлестнул его по щекам; в ледяном воздухе кружились снежинки, было, наверное, градусов десять мороза. Бар на площади Италии как раз закрывался. Хозяин, недовольно ворча, вернулся за прилавок.

– Что вам?

– Сигареты.

– Какие?

– Не знаю. Хорошие.

Тот бросил на него измученный взгляд.

– «Данхилл»! «Данхилл» и «Житан»! И зажигалку!

Отец сидел в той же позе, съежившись на стуле, и даже не пошевелился, когда открылась дверь. Но все-таки вытянул сигарету из пачки «Житан», с любопытством посмотрел на нее и зажег.

– Я двадцать лет не курил… – заметил он. – А теперь – какая разница? – Он несколько раз затянулся. – Крепкие, – сказал он. – Хорошо. В юности мы все курили. На рабочих совещаниях, в кафе, бесконечно спорили и курили. Странно, как все меняется…

Он отпил коньяку, который сын поставил перед ним, и снова умолк. В тишине Джед слышал яростное завывание ветра. Он взглянул в окно: густой водоворот снежинок превратился в настоящую метель.

– Мне кажется, я всю жизнь мечтал стать архитектором, – заговорил отец. – В детстве я увлекался животными, как, наверное, все дети, и на дежурные вопросы взрослых отвечал, что хочу стать ветеринаром, когда вырасту, но меня тогда уже привлекала архитектура. В десять

Topreading.ru

лет, помню, я попробовал построить гнездо для ласточек, которые проводили лето в сарае. Я вычитал в энциклопедии, что они вьют гнезда, скрепляя их землей и слюной, и целыми днями трудился над ним не покладая рук… – Его голос дрогнул, он снова запнулся, и Джед обеспокоенно взглянул на него; глотнув коньяку, отец продолжал: – Но они так и не захотели селиться в моем гнезде, так и не захотели. Они вообще перестали гнездиться в сарае… – И старик вдруг заплакал, слезы текли по его лицу, и это было ужасно.

– Папа, – воскликнул Джед, совсем растерявшись, – папа… – Казалось, тот не может сдержать рыданий. – Ласточки никогда не селятся в гнездах, сделанных человеком, – быстро проговорил он, – это просто невозможно. Стоит человеку дотронуться до их гнезда, как они покидают его и вьют другое.

– Ты откуда знаешь?

– Прочел несколько лет назад в книге о поведении животных, когда собирал материал для одной картины.

Все он наврал, ничего такого он не читал, зато отец тут же расслабился и затих. Ну надо же, подумал Джед, больше шестидесяти лет он жил с таким камнем на душе! И вся его карьера прошла, наверное, под этим гнетом!

– После лицея я поступил в Школу изящных искусств в Париже. Мама забеспокоилась, ей хотелось, чтобы я учился на инженера; но твой дед очень меня поддержал. Я думаю, у него тоже были творческие амбиции, но ему так и не представилась возможность фотографировать что-либо кроме первого причастия и свадеб…

Джед не помнил, чтобы отец занимался чем-то, кроме чисто технических проблем, или финансовых, в последнее время. Мысль о том, что он тоже окончил Школу изящных искусств и что архитектура относится к творческим профессиям, ошеломила и смутила его.

– Да, я тоже хотел стать художником… – сварливо, почти злобно буркнул отец. – Но не тут-то было. В пору моей юности, ведущим направлением был функционализм, к тому моменту он доминировал уже не одно десятилетие, и после Ле Корбюзье и Ван дер Роэ в архитектуре не произошло никаких значимых событий. Все новые города и населенные пункты, построенные в пятидесятых- шестидесятых годах, несли на себе следы их влияния. Я и еще несколько человек в Школе хотели заниматься чем-то другим. Не отвергая, по сути дела, примат функционализма или определение дома как «машины для жилья», мы оспаривали само понятие жилища. Ле Корбюзье был «продуктивистом», как все марксисты и либералы. Он изобретал для человека квадратные, утилитарные офисные здания, без никаких там украшательств; жилые дома мало чем от них отличались, если не считать дополнительных служб – детского сада, бассейна, спортивного зала; дома и офисы соединялись переходами. В своей жилой ячейке человек имел право на чистый воздух и свет, это страшно важно для его идеи; свободное пространство между рабочими и жилыми структурами было отдано под дикую природу – леса и реки, – по его замыслу, видимо, человечьи семьи должны были прогуливаться там по воскресеньям, в общем, так или иначе он оберегал это пространство и, будучи своего рода экологом-первопроходцем, полагал, что человечество вполне может ограничиться типовыми жилыми модулями, которые вписываются в пейзаж, но не видоизменяют его. Какой это все-таки чудовищный примитив, поразительный регресс по сравнению с любым сельским видом, тонким, сложнейшим, постоянно меняющимся калейдоскопом лугов, полей, лесов и деревень. Его замыслы – плод хамского, тоталитарного ума. Ле Корбюзье казался нам тогда тоталитарным хамом, падким на уродство; но победили его принципы, отметив собой весь двадцатый век. На нас же повлиял скорее Шарль Фурье… – Он улыбнулся, заметив удивленный взгляд сына. – Первым делом мы,

конечно, усвоили его сексуальные теории, весьма причудливые, надо отметить. Его истории о планетарных вихрях, факиршах и феях рейнской армии нельзя понимать буквально, даже странно, что у Фурье нашлись последователи, принимавшие его всерьез и собиравшиеся и впрямь построить новую модель общества, опираясь на труды учителя. Если видеть в нем только мыслителя, разобраться в этом невозможно, в его мыслях сам черт ногу сломит, но Фурье ведь, в сущности, не мыслитель, а гуру, первый в своем роде, и, как ко всем гуру, успех пришел к нему не в результате осознанного приятия его теории, а, напротив, благодаря тотальному непониманию вкупе с непоколебимым оптимизмом, особенно в сексуальном плане, – люди страсть как нуждаются в сексуальном оптимизме. А на самом деле главной темой Фурье, занимавшей его в первую очередь, был вовсе не секс, а организация производства. Он задает себе основополагающий вопрос: почему человек работает? Как получается, что, занимая определенное место в общественной организации, он готов держаться за него и выполнять задания шефа? Либералы отвечали, что причиной всему банальная жажда наживы, но мы не считали этот ответ исчерпывающим. А марксисты вообще ничего не отвечали, их это совсем не интересовало, поэтому, собственно, коммунизм и потерпел неудачу: стоило убрать финансовый стимул, как люди перестали работать, начали халтурить, прогулы достигли небывалого масштаба; коммунизму так и не удалось наладить производство и распределение самых элементарных материальных благ. Фурье застал еще старый режим и прекрасно понимал, что научные исследования и технический прогресс существовали задолго до появления капитализма и люди уже тогда работали не покладая рук, ишачили, можно сказать, и вовсе не ради наживы – ими двигало нечто гораздо более расплывчатое в глазах современного человека, а именно любовь к Господу, например у монахов, или просто-напросто честь мундира.

Отец остановился, заметив, что теперь Джед слушает его очень внимательно. – Да, – продолжал он, – я понимаю, это имеет некоторое отношение к тому, что ты пытался выразить своими картинами. У Фурье полно галиматьи, и в целом это нечитабельно, но все же в его книгах можно еще что-то почерпнуть. Ну, во всяком случае, мы так думали…

Он умолк, окунувшись в воспоминания. Порывы ветра стихли, уступив место тихой звездной ночи; на крышах лежал толстый слой снега.

– Я был молод, – наконец произнес он с каким-то кротким недоумением. – Возможно, тебе трудно это понять, потому что ты родился в состоятельной семье. Так вот, я был молод, собирался стать архитектором, жил в Париже, и море мне было по колено. И не только мне одному, Париж был в то время веселым городом, и нам казалось, что мы способны переделать мир. Тогда-то я и познакомился с твоей матерью, она училась в консерватории по классу скрипки. У нас сложилась теплая компания, все художники. Ну вылилось это в какие-нибудь четыре-пять коллективных статей в архитектурном журнале. Мы, как правило, писали политические тексты, заявляя, что сложносочиненному, разветвленному и многослойному по своему строению обществу, вроде того, что предлагал создать Фурье, должна соответствовать сложносочиненная, разветвленная и многослойная архитектура, предполагающая индивидуальное творчество. Мы обрушивались на Ван дер Роэ, создателя пустых пространств с подвижными перегородками, которые послужат в дальнейшем моделью для корпоративного open space, а главное – на Ле Корбюзье, неутомимо проектировавшего поистине лагерные зоны, поделенные на одинаковые камеры, пригодные разве что, подчеркивали мы, для образцовой тюрьмы, и то не факт. Наши статьи наделали шума, их процитировал аж сам Делез; но в поисках работы мы разбрелись по крупным архитектурным фирмам, и жизнь сразу стала гораздо менее увлекательной. Мое финансовое положение быстро улучшилось, в те годы работы хватало – Франция строилась на всех парах. Я купил дом в Ренси по сходной цене, мне дал наводку один застройщик, наш клиент. Я считал, что здорово придумал, тогда это был

приятный городок. Хозяин оказался стариканом, судя по всему, интеллигентным, в неизменном сером костюме-тройке и с цветком в петлице – цветок он всякий раз менял на свежий. Он словно вышел прямо из бель эпок, ну, в крайнем случае, из тридцатых годов, и совсем не вписывался в окружающую среду. Его скорее можно было встретить, ну не знаю, на набережной Вольтера… но уж никак не в Ренси. Бывший университетский профессор, специалист по эзотерике и истории религий, он, если мне не изменяет память, был помешан на каббале и гностиках, но изучал их весьма своеобразно, глубоко презирая, например, Рене Генона. «Этот придурок Ге-нон» – вот так он о нем отзывался. Насколько я помню, он написал парочку критических статей о его книгах. Он так никогда и не женился и, как говорится, жил ради работы. В одном общественно-научном журнале я прочел его эссе, в котором он излагал довольно любопытные мысли о Судьбе и возможности разработать новую религию, основанную на принципе синхроничности. Его библиотека уже сама по себе оправдывала цену, по которой продавался дом, мне кажется, в ней было не меньше пяти тысяч томов на французском, английском и немецком. Там-то я и открыл для себя Уильяма Морриса.

Он запнулся, увидев, как изменился в лице Джед.

– Ты читал Уильяма Морриса?

– Нет, папа. Но я тоже жил в этом доме и помню библиотеку… – Он вздохнул. – Не понимаю, почему ты ждал столько лет, чтобы мне все это рассказать, – произнес он после паузы.

– Потому что я, видимо, скоро умру, – просто ответил отец, – ну не прямо сейчас, не послезавтра, но мне недолго осталось, это ясно… – Он огляделся и почти задорно улыбнулся. – Можно мне еще коньячку? – Джед тут же подлил ему. Он закурил «Житан» и с наслаждением вдохнул дым. – А потом твоя мать забеременела тобой. В конце срока начались осложнения, пришлось делать кесарево. Врач объявил, что она больше не сможет иметь детей, кроме того, у нее на теле остались довольно неприглядные шрамы. Ей очень тяжело пришлось; знаешь, она ведь была красавицей… Нам жилось не так уж плохо вместе, мы никогда всерьез не ссорились, но, честно говоря, я слишком мало с ней разговаривал. Кроме того, мне кажется, ей не следовало бросать скрипку.

Помню, я возвращался с работы на своем «мерседесе», было уже часов девять вечера, но пробки у Порт-де-Баньоле еще не рассосались, и вдруг, непонятно почему, может быть при виде офисных небоскребов «Меркуриаль» – в то время я работал над похожим проектом, крайне уродливым и скучным, – короче, я увидел себя в машине, посреди шумной развязки, прямо напротив этих тошнотворных строений и понял внезапно, что больше так не могу. Мне было около сорока, моя профессиональная жизнь удалась, но я понял, что больше так не могу. В один миг я решил создать собственную фирму и заняться архитектурой, так, как я ее понимаю. Я вполне отдавал себе отчет, что будет нелегко, но мне не терпелось хотя бы попробовать, пока я жив. Я обзвонил бывших соучеников по Школе изящных искусств, но все уже так или иначе устроились, жили своей жизнью, очень даже успешной, и рисковать им не больно-то и хотелось. Тогда я взялся за дело сам. Связался с Бернаром Ламарш-Ваделем* – мы с ним познакомились за несколько лет до того и, в общем, понравились друг другу, – и он представил меня приверженцам свободной фигуративности** – Комба, Ди Роза… Не помню, я уже говорил тебе об Уильяме Моррисе?

* Бернар Ламарш-Вадель (1949-2000) – французский писатель, поэт, арт-критик, коллекционер и фотограф.

** Свободная фигуративность – художественное течение, появившееся в начале 80-х годов во Франции.

– Да, папа, только что, пять минут назад.

– Правда? – Он затих, и на его лице мелькнуло растерянное выражение. – Попробую «Данхилл»… – Он несколько раз затянулся. – Тоже неплохо; не «Житан», но все равно неплохо. Не понимаю, почему все вдруг бросили курить.

Он замолчал и с наслаждением докурил сигарету. Джед ждал. Где-то вдалеке, за окном, одинокий клаксон пытался вывести «Он родился, божественное дитя», но ошибался и начинал заново; и снова воцарилась тишина, концерт клаксонов не состоялся. На крышах Парижа недвижно лежал плотный снежный покров; в этой тишине есть что-то бесповоротное, подумал Джед.

– Уильям Моррис был близок к прерафаэлитам, – продолжал отец, -вначале к Габриэлю Данте Россетти, потом к Берн-Джонсу, которому остался верен до самого конца. Глубинная идея прерафаэлитов заключалась в том, что искусство начало приходить в упадок сразу после Средних веков, а в самом начале Возрождения вообще порвало с какой-либо духовностью, аутентичностью, став сугубо производственной и коммерческой деятельностью, а так называемые великие мастера Возрождения, будь то Боттичелли, Рембрандт или Леонардо да Винчи, вели себя как обычные коммерческие директора; по образу и подобию Джеффа Кунса и Дэмиена Херста, так называемые великие мастера Возрождения железной рукой управляли мастерскими с полусотней, а то и сотней помощников, которые неутомимо выдавали на-гора картины, скульптуры и фрески. Сами они ограничивались общим руководством, подписывали законченное произведение, а главное, пиарились с тогдашними спонсорами – всякими принцами и папами. Прерафаэлиты, как и Уильям Моррис, считали, что надо отказаться от разделения прикладных и изящных искусств, а также замысла и исполнения: любой человек, в меру своих способностей, может производить красоту, не важно в какой форме – картины, одежду, мебель; и каждый человек точно так же имеет право окружать себя красивыми предметами в повседневной жизни. Это убеждение не мешало ему активно участвовать в деятельности социалистических организаций, его страшно привлекали движения за освобождение пролетариата; а в общем, он всего лишь намеревался покончить с системой массового производства. Любопытно, что Гропиус, основывая Баухаус, придерживался тех же идей, будучи при этом куда менее политически ангажированным, духовность волновала его гораздо больше, хотя, по сути дела, он тоже был социалистом. В «Манифесте Баухауса», в 1919 году, он заявляет, что собирается стереть различия между художником и ремесленником, провозглашая право на красоту для всех – точь-в-точь программа Уильяма Морриса. Но Баухаус, постепенно скатываясь в массовое производство, становился все более функциональным и продуктивистским; Кандинский и Клее казались белыми воронами в среде преподавателей, и к тому моменту, когда Геринг закрыл школу, она уже полностью перешла на обслуживание капиталистического производства.

Мы были не так уж и политизированы, но идеи Уильяма Морриса помогли нам освободиться от запретов, которые Ле Корбюзье наложил на любую форму орнаментации. Помню, Комба поначалу заартачился, прерафаэлиты были совсем не в его вкусе, но даже он вынужден был признать красоту узоров, нарисованных Уильямом Моррисом для обоев, и когда он наконец понял, о чем именно идет речь, то пришел в полнейший восторг. Он с превеликим удовольствием придумывал узоры для обивочных тканей, обоев и фризов, которые потом были использованы в целой группе зданий. Но в то время представители свободной фигуративности были слишком одиноки, доминировал по-прежнему минимализм, а граффити еще не существовало, во всяком случае, об этом не говорили. Одним словом, мы подготовили проектную документацию по всем более или менее интересным предложениям, выставленным на конкурс, и стали ждать…

Мы были не так уж и политизированы, но идеи Уильяма Морриса помогли нам освободиться от запретов, которые Ле Корбюзье наложил на любую форму орнаментации. Помню, Комба поначалу заартачился, прерафаэлиты были совсем не в его вкусе, но даже он вынужден был признать красоту узоров, нарисованных Уильямом Моррисом для обоев, и когда он наконец понял, о чем именно идет речь, то пришел в полнейший восторг. Он с превеликим удовольствием придумывал узоры для обивочных тканей, обоев и фризов, которые потом были использованы в целой группе зданий. Но в то время представители свободной фигуративности были слишком одиноки, доминировал по-прежнему минимализм, а граффити еще не существовало, во всяком случае, об этом не говорили. Одним словом, мы подготовили проектную документацию по всем более или менее интересным предложениям, выставленным на конкурс, и стали ждать…

Отец снова замолчал, как будто зависнув в своих воспоминаниях, потом как-то скис, уменьшился, сдулся на глазах, и Джед вдруг понял, с каким пылом и страстью он говорил. Никогда, даже в детстве, он не слышал, чтобы отец так говорил, – и уже никогда, подумал он, он так не заговорит, – только что на его глазах отец в последний раз пережил надежду и провал, соткавшие историю его жизни. Человеческая жизнь – это, в сущности, не бог весть что, ее можно свести к весьма ограниченному числу событий, и сейчас Джед наконец по-настоящему осознал горечь отца, потерянные годы, рак и стресс, да и самоубийство жены.

– Функционалисты занимали главенствующие позиции во всех конкурсных комиссиях, – мягко заключил отец. – Мы бились как рыба об лед, мы все бились как рыба об лед. Комба и Ди Роза не сразу ослабили хватку, в течение нескольких лет они звонили мне – узнать, не сдвинулось ли что-то с места… Потом, поняв, что надеяться не на что, сосредоточились на своей живописи. А я вынужден был согласиться на заурядный проект. Первым заказом был Порт-Амбарес, ну и пошло-поехало – я занялся возведением курортных комплексов. Свои собственные чертежи я рассовал по папкам, они так и лежат в шкафу в моем кабинете в Ренси, можешь съездить посмотреть… – Он сдержался и не добавил «когда я умру», но Джед прекрасно его понял.

– Поздно уже, – вздохнул отец, выпрямляясь на стуле.

Джед взглянул на часы: было четыре утра. Отец встал, зашел в туалет, потом вернулся и надел пальто. За эти две-три минуты у Джеда возникло мимолетное противоречивое ощущение, что либо их отношения вступили в новую фазу, либо, наоборот, они уже никогда не увидятся. Поскольку отец стоял перед ним как вкопанный, в выжидательной позиции, Джед сказал:

– Я вызову такси.

11

Когда Джед проснулся утром 25 декабря, Париж был весь в снегу; на бульваре Венсена Ориоля, пройдя мимо нищего с густой всклокоченной бородой и бурой от грязи кожей, он положил в его плошку два евро, потом вернулся, добавил еще 10 евро бумажкой; тот издал удивленное бурчание. Джед стал богатым человеком; металлические арки наземного метро нависали над стихшим, мертвенным пейзажем. Днем снег растает, под ногами будет слякоть и грязные лужи; потом город оживет, но в замедленном темпе. Между Рождеством и Новым годом, двумя горячими точками, в коммерческом и человеческом плане, проходит бесконечная неделя, которая есть не что иное, как затянувшийся простой – жизнь снова забьет ключом, с удвоенной силой, только к вечеру 31 декабря.

Вернувшись домой, он изучил визитку Ольги: Мишлен TV, авеню Петра Первого Сербского, главный редактор. Она тоже, не приложив особых усилий, добилась профессионального успеха; но замуж не вышла, и от этой мысли ему почему-то стало неловко. Все эти годы он, сам не отдавая себе в том отчета, воображал, что она встретила любимого человека или, по крайней мере, живет семейной жизнью где-то в России.

Он позвонил ей на следующий день, перед обедом, полагая, что все в отпуске, но ошибся: через пять минут ожидания заполошная секретарша ответила ему, что Ольга на совещании, но она сообщит ей о его звонке.

Шли минуты, он неподвижно сидел у телефона, все больше нервничая. Напротив него на мольберте стоял портрет Уэльбека – он забрал его утром из банка. От слишком пронзительного взгляда писателя Джеду стало не по себе. Он встал лицом к мольберту. Семьсот пятьдесят тысяч евро… – подумал он. Бред какой-то. Но и Пикассо тоже бред, можно сказать, полный бред, если вообще существуют градации бреда.

В ту минуту, когда он направился на кухню, зазвонил телефон. Джед бросился к нему и снял трубку. У Ольги не изменился голос. Голоса у людей не меняются, не более чем выражение глаз, во всяком случае. В водовороте тотального физического крушения, к которому сводится старость, лишь голос и взгляд остаются болезненными, но неопровержимыми свидетельствами стойкости характера, стремлений, желаний и всего того, из чего состоит личность человека.

– Ты заходила в галерею? – спросил он, просто чтобы начать разговор на нейтральной территории, и сам изумился, что его собственная живопись стала вдруг нейтральной территорией.

– Да, и мне очень понравилось. Это… оригинально. Ничего похожего я в жизни своей не видела. Впрочем, я всегда знала, что ты – талант.

За этим последовало ничем не замутненное молчание.

– Французик ты мой… – сказала Ольга, но ее ирония плохо скрывала подлинное волнение, и Джеду опять стало неловко, он понял, что вот-вот расплачется. – Successful* французик…

* Успешный (англ.).

– Может, увидимся?- быстро предложил Джед. Кто-то должен был первым решиться произнести эти слова, вот он и решился.

– У меня ужасно много работы на этой неделе.

– Правда? Почему?

– Мы запускаем передачи со второго января. Мне еще массу всего надо уладить. – Она задумалась на несколько мгновений. – На канале организуют новогодний корпоратив. Могу тебя пригласить. – Она снова замолчала. – Я была бы рада, если бы ты пришел.

В конце дня он получил от нее мейл со всеми подробностями. Гостей ждали у Жан-Пьера Перно, в Нейи, на бульваре Саблон. Вечеринка оказалась тематической. «Регионы Франции», оригинальная мысль.

Джед считал, что все знает о Жан-Пьере Перно, однако заметка в Википедии преподнесла ему парочку сюрпризов. Ему сообщили, например, что популярный телеведущий является автором

ряда трудов. Кроме «Франции и ее ароматов», «Франции и ее праздников» он порадовал читателей сочинением «В самом сердце наших регионов» и «Потрясающими кустарными промыслами» в двух томах. Все произведения вышли в издательстве «Мишель Лафон».

Джед был удивлен хвалебным, почти дифирамбическим тоном статьи. Насколько он помнил, Жан-Пьера Перно иногда все-таки критиковали; сегодня, судя по всему, критика не стояла на повестке дня. Гениальность Жан-Пьера Перно, подчеркивалось в первых строках, проявилась в его понимании того, что после восьмидесятых годов «бабла и понтов» публика жаждет экологии, аутентичности и вечных ценностей. При том, что Мартену Буигу* нельзя не поставить в заслугу тот факт, что он оказал доверие Перно, 13-часовые новости на Первом канале, несомненно, несут отпечаток выдающейся личности прозорливого телеведущего. Начиная выпуск с изложения новостей дня – жестоких, животрепещущих, лихорадочных, безумных, – Жан-Пьер Перно ежедневно исполняет свою поистине мессианскую роль, увлекая напуганного и потрясенного телезрителя в заповедные сельские уголки, где человек, отдаваясь ритму годового цикла, ведет идиллическую жизнь в гармонии с природой… 13-часовые новости – это не просто информационная программа, а настоящее шествие со звездой, завершающееся пением псалмов. Автор статьи, признаваясь, что сам является католиком, не скрывал при этом, что Weltanshauung** Жан-Пьера Перно, идеально сопрягавшееся с образом сельской Франции, «старшей дочери Церкви», вполне вписалось бы и в пантеизм, достигая – бери выше – поистине эпикурейской мудрости.

* Мартен Буиг – президент французской промышленной группы Bouygues, один из богатейших людей Франции.

** Мировоззрение (нем.).

На следующее утро, зайдя в книжный магазин France Loisirs в торговом центре на площади Италии, Джед купил первый том «Потрясающих кустарных промыслов». Деление на главы подчинялось незамысловатому принципу – каждая из них соответствовала определенному сырью: глина, камень, металл, дерево… Автор, судя по всему (книга в основном состояла из фотографий, и чтение шло довольно бойко), не был приверженцем пассеизма. Систематически датируя появление различных кустарных промыслов, равно как и периоды их усиленного развития, Жан-Пьер Перно выступал апологетом не столько косности, сколько медленного прогресса. Тут можно найти точки соприкосновения идей Жан-Пьера Перно и Уильяма Морриса, подумал Джед, если отвлечься, само собой, от социалистической подкладки последнего. Большинство телезрителей относили Жан-Пьера Перно скорее к правым, хотя в своих ежедневных новостных программах он неизменно проявлял поразительную деонтологическую осторожность. Его трудно было даже заподозрить в близости к партии «Охота, рыбалка, природа, традиции», образованной в 1989-м, ровно через год после того, как Перно воцарился в 13-часовых новостях Первого канала. В самом конце восьмидесятых произошел, видимо, какой-то перелом, решил Джед, радикальный исторический перелом, никем в тот момент не замеченный, как это обычно и бывает. Он хорошо помнил придуманный Жаком Сегела* слоган «Спокойная сила», который неожиданно привел к переизбранию Франсуа Миттерана в 1988-м. А также плакаты, изображавшие эту дряхлую петенистскую мумию на фоне деревенских колоколен. Ему тогда было тринадцать лет, и он впервые в жизни обратил внимание на политический лозунг и вообще на президентскую кампанию.

* Жак Сегела (род. 1934) – известный французский имиджмейкер, специалист по избирательным технологиям.

Жан-Пьер Перно, являвшийся самым показательным и долговременным компонентом этого

невиданного идеологического пируэта, никогда не позволял себе использовать свой огромный авторитет в целях построения политической карьеры; он так и остался в лагере entertainers. Даже усов не отрастил, в отличие от Ноэля Мамера*. Перно если и стоял на тех же позициях, что и Жан Сен-Жосс, первый председатель «Охоты, рыбалки, природы, традиций», то никогда публично его не поддерживал. Собственно, и Фредерика Ниу, его преемника, тоже.

* Ноэль Мамер (род. 1948) – французский политический деятель, депутат от партии зеленых, бывший тележурналист.

Фредерик Ниу родился в 1967 году в городе Валансьен и в возрасте четырнадцати лет, в день вручения ему свидетельства об окончании коллежа, получил в подарок от отца свое первое ружье. Обладатель диплома по углубленному изучению международного экономического и европейского права, а также национальной обороны и европейской безопасности, Ниу преподавал административное право на юридическом факультете в Камбре; кроме того, он являлся президентом Ассоциации охотников на голубей и перелетных птиц Севера. В 1988 году победил в рыболовном соревновании, организованном в департаменте Эро, поймав карпа nakin весом 7,256 кг. Двадцатью годами позже пустил под откос партию, которую сам же возглавил, ошибочно заключив союз с Филиппом де Вилье*, чего охотники юго-запада Франции, известные антиклерикалы и сторонники скорее социалистического или радикального направления, никогда ему не простили.

* Филипп де Вилье (род. 1949) – французский политический деятель, выходец из старинной аристократической семьи, лидер правой националистической партии «Движение за Францию».

Тридцатого декабря, в середине дня, Джед позвонил Уэльбеку. Писатель был в отличной форме; он сообщил ему, что целый час рубил дрова. Рубил дрова? Да, у себя дома, в Луаре, у него там есть камин. И еще собака, двухгодовалая дворняга, которую он забрал в Рождество из приюта Общества защиты животных в Монтаржи.

– Что вы делаете вечером тридцать первого? – спросил Джед.

– Да ничего особенного; в настоящий момент перечитываю Токвиля. Знаете, в деревне рано ложатся спать, а уж зимой и подавно.

У Джеда мелькнула мысль пригласить его, но он вовремя спохватился, понимая, что не может никого звать на чужую вечеринку; в любом случае писатель наверняка отказался бы.

– Я вам привезу ваш портрет, как и обещал. В начале января.

– А, да, портрет… Прекрасно, прекрасно. – Ему, судя по всему, было глубоко наплевать на это.

Они вполне мило побеседовали еще несколько минут. В голосе автора «Элементарных частиц» промелькнуло нечто, что Джед никогда раньше в нем не замечал и совершенно не ожидал услышать, он даже не сразу понял, в чем дело, потому что уже давно ни в чьем голосе не слышал ничего подобного: писатель был счастлив.

12

По обе стороны крытого входа в особняк Жан-Пьера Перно стояли на страже вандейские крестьяне, вооруженные вилами. Джед протянул одному из них распечатанное приглашение и вошел в мощенный брусчаткой квадратный двор, освещенный факелами. Человек десять гостей

направлялись к двум распахнутым дверям, ведущим в залы приемов. В вельветовых штанах и куртке из симпатекса, купленной в СА, Джед чувствовал себя ужасно underdressed: все женщины тут были в длинных платьях, мужчины по большей части в смокингах. В двух шагах впереди себя он заметил Жюльена Леперса в сопровождении потрясающей негритянки, выше его на целую голову; на ней было переливающееся белое платье в пол с золотистой отделкой и глубоким, до самой попы, вырезом сзади; свет факелов отбрасывал шаловливые блики на ее обнаженную спину. Массовик-затейник, в любимом смокинге, который он всегда надевал на специальные передачи «для высших школ», иначе говоря, в своей спецовке, был поглощен препирательствами с красноролжим недомерком со злобным взглядом, судя по его виду – весьма высокопоставленным. Джед прошел мимо них в первый зал, где его встретили протяжные стенания десяти бретонских волынщиков, как раз затянувших какую-то вымученную, нескончаемую кельтскую песнь, от которой у него мгновенно заболели уши. Он сбежал от них в соседний зал, где взял сосиски, ароматизированные эмменталем, и бокал гевюрцтраминера «позднего сбора», любезно предложенные двумя эльзасскими официантками в чепчиках и красно-белых передниках, повязанных вокруг талии; они сновали с подносами между гостями, и ему показалось, что они похожи как две капли воды, а может, девушки просто были близняшками.

Гостевая зона состояла из четырех следующих друг за другом просторных салонов с восьмиметровыми по меньшей мере потолками. Джед никогда еще не видел такой гигантской квартиры; он и не подозревал, что такие гигантские квартиры бывают на свете. Возможно, кстати, внезапно осенило его, это лишь жалкая каморка по сравнению с резиденциями покупателей его картин. Гостей тут было сотни две-три, и завывание волынок постепенно потонуло в гуле голосов. Джед испугался, что ему сейчас станет дурно, и, опершись на столик фуршетной линии с продуктами из Оверни, взял ассорти из копченой колбасы с лагийольским сыром на шпажках и бокал сен-пурсена. Мощный торфяной запах сыра слегка привел его в чувство, он залпом допил вино, попросил еще один бокал и снова начал продираться сквозь толпу. Ему стало жарко, надо было оставить куртку в гардеробе, она уж совсем никак не вязалась с дресс-кодом, посетовал он, все мужчины нарядились в вечерние костюмы, все без исключения, с отчаянием повторил он себе, и в это мгновение столкнулся с Пьером Бельмаром* в брюках из синего тергаля с зеленым отливом и белой рубашке с жабо, покрытой жирными пятнами. Брюки держались на широких подтяжках цветов американского флага. Джед, любезно протянув руку французскому королю телепокупок, которую тот с изумлением пожал, продолжил свой путь, слегка успокоившись.

* Пьер Бельмар (род. 1929) – французский писатель, радио- и телеведущий, актер, продюсер телевизионных программ.

Он набрел на Ольгу минут через двадцать. Она стояла у окна, полускрытая шторой, и увлеченно беседовала с Жан-Пьером Перно, явно на профессиональные темы. Говорил в основном он, сопровождая свои слова резкими взмахами правой руки; время от времени она сосредоточенно и внимательно кивала, изредка вставляя какие-то замечания или возражения. Две полоски из кремовой ткани со стразами, завязанные сзади на шее, закрывали грудь, пресекались где-то на уровне пупка, схваченные брошкой из серебристого металла в виде солнца, и плавно переходили в коротенькую обтягивающую юбку, тоже инкрустированную стразами, из-под которой виднелась застежка белого пояса для подвязок. Чулки, тоже белые, были на удивление тонкими. Старение, во всяком случае внешнее, далеко не непрерывный процесс, жизнь можно определить как некую последовательность ступеней, разделенных крутыми провалами. Встречаясь с человеком, выпавшим из поля нашего зрения много лет назад, мы часто склонны считать, что он сильно сдал; либо, напротив, нам кажется, что он ничуть не изменился. Впечатление обманчивое, ведь подспудная деградация проторивает себе

дорожку сначала внутри организма и потом уже вылезает на свет божий. За прошедшие десять лет Ольга не сошла со ступени лучистой красоты, хотя счастья ей это не прибавило. Да он и сам, подумал Джед, не сильно изменился с тех пор, он же, как говорится, дело делал, впрочем, не только не встретив своего счастья, но даже и не имея его в планах.

Когда Жан-Пьер Перно умолк, отпив глоток муската «Бом де Вениз», Ольга отвела взгляд и внезапно заметила его, неподвижно ожидающего в толпе гостей. Нескольких секунд может хватить если не на то, чтобы решилась судьба, то уж во всяком случае на наметку ее генеральной линии. Ольга слегка дотронулась до плеча своего начальника, извинилась и, в несколько прыжков добравшись до Джеда, поцеловала его прямо в губы. Потом отступила, взяв его за руки, и на мгновение они так и застыли молча.

Добродушно настроенный Жан-Пьер Перно во фраке от Артура ван Ашендонка, увидев, что они направляются к нему, буквально просиял. В эту минуту он производил впечатление человека, хорошо знающего жизнь и даже питающего к ней симпатию. Ольга познакомила их.

– Я вас знаю! – воскликнул ведущий, и улыбка его стала еще шире. – Идите за мной!

Быстро пройдя через последний салон и коснувшись походя руки Патрика Ле Лея* (который безуспешно пытался стать акционером телеканала), он повел их по коридору с высокими сводчатыми потолками и стенами из массивного известняка. Особняк Жан-Пьера Перно напоминал, пожалуй, романское аббатство с многочисленными коридорами и склепами. Они остановились перед тяжелой дверью, обитой рыжеватой кожей. – Мой кабинет, – пояснил телеведущий.

Когда Жан-Пьер Перно умолк, отпив глоток муската «Бом де Вениз», Ольга отвела взгляд и внезапно заметила его, неподвижно ожидающего в толпе гостей. Нескольких секунд может хватить если не на то, чтобы решилась судьба, то уж во всяком случае на наметку ее генеральной линии. Ольга слегка дотронулась до плеча своего начальника, извинилась и, в несколько прыжков добравшись до Джеда, поцеловала его прямо в губы. Потом отступила, взяв его за руки, и на мгновение они так и застыли молча.

Добродушно настроенный Жан-Пьер Перно во фраке от Артура ван Ашендонка, увидев, что они направляются к нему, буквально просиял. В эту минуту он производил впечатление человека, хорошо знающего жизнь и даже питающего к ней симпатию. Ольга познакомила их.

– Я вас знаю! – воскликнул ведущий, и улыбка его стала еще шире. – Идите за мной!

Быстро пройдя через последний салон и коснувшись походя руки Патрика Ле Лея* (который безуспешно пытался стать акционером телеканала), он повел их по коридору с высокими сводчатыми потолками и стенами из массивного известняка. Особняк Жан-Пьера Перно напоминал, пожалуй, романское аббатство с многочисленными коридорами и склепами. Они остановились перед тяжелой дверью, обитой рыжеватой кожей. – Мой кабинет, – пояснил телеведущий.

* Патрик Ле Лей (род. 1942) – бывший гендиректор Первого канала французского телевидения.

Он замер на пороге, предоставляя им возможность полюбоваться комнатой. На книжных полках красного дерева стояли путеводители всех времен и народов: гид Routard соседствовал с Guide Bleu, Le Petit Fute – с Lonely planet. На отдельных стойках красовались книги самого Жан-Пьера Перно, от «Потрясающих кустарных промыслов» до «Франции и ее ароматов». В застекленной витрине хранились пять «Золотых семерок»*, полученные хозяином за время его

карьеры, по соседству со спортивными кубками неизвестного происхождения. Вокруг огромного письменного стола из махагони стояли глубокие кожаные кресла. Джед тут же узнал висевшую над столом фотографию из своей мишленовской серии, скромно освещенную галогенным светильником. Как ни странно, выбор ведущего пал не на какую-нибудь броскую, примитивно эффектную картинку, вроде его снимков Вердонского ущелья или горного карниза в департаменте Вар. Фотография с Гурне-ан-Бре в центре композиции была выполнена равномерной заливкой, без всяких световых эффектов и перспективы; Джед вспомнил, что снимал строго по вертикали. По однотипным белым, зеленым и коричневым пятнам пробегали симметричные ниточки департаментальных дорог. Ни один населенный пункт особо не выделялся на карте, казалось, все они в равной степени значимы; этот пейзаж выглядел спокойным и уравновешенным, почти абстрактным. Не исключено, подумал Джед, что он пронесся над этой местностью сразу после вылета из аэропорта Бове по дороге к Уэльбеку в Ирландию. Увидев тогда в реальности неприхотливое чередование лугов, полей и деревень, он тоже ощутил в них покой и безмятежную гармонию.

* «Золотая семерка» (Sept d’or) – премия французского телевидения.

– Я знаю, что теперь вы перешли на живопись, – продолжал Жан-Пьер Перно, – и написали мой портрет. Я, не скрою, сделал попытку его купить, но Франсуа Пино предложил такую цену, что мне было за ним не угнаться.

– Франсуа Пино? – Джед удивился. Картина «Журналист Жан-Пьер Перно проводит редакционное совещание», ничем, вроде бы, не примечательная, была написана в классической манере, что никак не отвечало вкусам дельца из Бретани, гораздо более wild. Он, видимо, решил разнообразить свою коллекцию. – Мне, возможно… – пробормотал он. – Простите… Мне, возможно, стоило установить преимущественное право покупки для модели.

– Рынок есть рынок, – сказал Перно, расплывшись в широкой радостной улыбке, без тени обиды, более того, он даже похлопал его по плечу.

Перно вел их в обратную сторону по сводчатому коридору, и фалды его фрака лениво плыли следом за ним. Джед взглянул на часы: было около полуночи. Они снова прошли через створчатые двери в салон. Тут шум и гам достигли апогея; прибыли новые гости, и теперь в приемных залах толпилось человек четыреста-пятьсот. В центре скромной кучки слушателей громко разглагольствовал пьяный в хлам Патрик Ле Лей; единолично завладев бутылкой шатонеф-дюпап, он лакал вино прямо из горлышка. Встревоженная Клер Шазаль* взяла его за локоть, пытаясь утихомирить, но гендиректор канала уже явно был по ту сторону добра и зла. «TF1 круче всех! – орал он. – Жан-Пьеровскому каналу я и полугода не дам! И M6 туда же, надеялись отпердолить нас своим „Лофтом“**, а мы удвоили ставки с „Ко Лантой“*** и вставили им по самые помидоры! По самые помидоры!» – повторил он и бросил бутылку через плечо; задев по башке Жюльена Леперса, она разбилась прямо у ног троих мужчин среднего возраста в костюмах-тройках казенного серого цвета, и те сурово на него уставились.

* Клер Шазаль – ведущая новостей Первого канала французского телевидения.

** Имеется в виду «Loft Story», реалити-шоу на французском телеканале M6.

*** «Ко Ланта» (Koh-Lanta) – реалити-шоу на Первом канале французского телевидения.

Не колеблясь ни минуты, Жан-Пьер Перно подошел к своему бывшему гендиректору и встал перед ним как вкопанный.

– Патрик, ты чуток перебрал, – спокойно произнес он; было видно, как напряглись у него

мускулы под тканью фрака и окаменело лицо, словно он готовился к бою.

– О'кей, о'кей… – сказал Ле Лей с вялой покорностью. – О'кей, о'кей…

В эту минуту из соседнего салона раздался вибрирующий тенор небывалой мощи. К нему, без слов подхватывая ту же тему, присоединились баритоны, потом басы, а капелла. Многие повернулись в том направлении, узнав знаменитый ансамбль корсиканской полифонии. Двенадцать мужчин всех возрастов, в беретах, черных штанах и блузах, минуты две развлекали аудиторию своим вокальным искусством – пением, правда, это можно было назвать с большой натяжкой, скорее они испускали на редкость дикарский боевой клич. И вдруг разом смолкли. Стоя лицом к толпе гостей, Жан-Пьер Перно дождался тишины и, подняв руки, громко вскричал: «С Новым годом!» Взлетели в потолок первые пробки шампанского. Ведущий подошел к трем мужчинам в казенных серых костюмах и по очереди пожал им руку.

– Они из Совета директоров «Мишлена», – шепнула Ольга Джеду и тоже подошла к ним. – С финансовой точки зрения TF1 в подметки «Мишлену» не годится. Говорят, Буигу осточертело покрывать их убытки, – успела она добавить до того, как Жан-Пьер Перно представил ее.

– Я не сомневался, что Патрик устроит скандал… – объяснил он членам Совета директоров, – он не может пережить мой уход.

– А это доказывает, что наш проект никого не оставляет равнодушным, – отозвался самый пожилой из троих.

В эту минуту Джед заметил, что к ним приближается мужик лет сорока в спортивных штанах, трикотажной куртке с капюшоном и реперской бейсболке козырьком назад, в котором он, не веря своим глазам, узнал Патрика Форестье, пиар-менеджера «Мишлен-Франс».

– Ио! – крикнул он, обращаясь к трем директорам, и ударил каждого по ладони.

– Ио! – отозвались те по очереди, и тут начался полный бедлам, гул голосов внезапно усилился, баскский и савойский оркестры заиграли одновременно, Джед, весь в поту, еще несколько минут пытался следовать за Ольгой, которая с радушной улыбкой переплывала от одного гостя к другому, поздравляя всех с Новым годом, и по дружескому выражению их лиц он понял, что она обходит дозором свой staff.

Почувствовав, что его сейчас стошнит, он бросился во двор, где его благополучно вырвало на карликовую пальму. Ночь была на удивление теплой. Какие-то гости уже уходили, в том числе три члена Совета директоров «Мишлена». Откуда они вообще взялись? Интересно, остановились ли они все в одном отеле? Выстроившись клином, они молча, пружиня шаг, миновали вандейских крестьян, всем своим видом показывая, что власть и сегодняшняя мировая реальность в их руках. Чем не сюжет для картины, подумал Джед, вот они украдкой сбегают с вечеринки, а за их спинами хохочут и вопят звезды французского телевидения под предводительством Жюльена Леперса, в два счета устроившего конкурс блатных песен. Загадочный Жан-Пьер Перно в темно-синем костюме бесстрашно смотрит на происходящее, а не вяжущий лыка понурый Патрик Ле Лей тащится, спотыкаясь, по брусчатке, тщетно окликая членов Совета директоров «Мишлена», но те даже не думают обернуться и удостоить его взглядом. «Крутой поворот в истории западноевропейского телевидения» могла бы называться картина, которую Джед никогда не напишет. Пока что его снова вырвало – на самом донышке желудка еще плескались остатки желчи, ох, зря он, наверное, мешал креольский пунш с абсентом.

Патрик Ле Лей с окровавленным лбом полз перед ним по двору, потеряв всякую надежду

догнать членов Совета директоров, которые сворачивали уже на авеню Шарля де Голля. Музыка стихла, из салонов доносились медленные пульсации савойского groove. Джед поднял глаза к небу и безразличным созвездиям. Появились духовные конфигурации нового типа, и что-то неумолимо видоизменялось в самой структуре аудио-визуального пейзажа Франции – Джед вывел это заключение из разговоров гостей, которые, разобрав пальто, неспешным шагом направлялись к воротам. Уловив на лету словосочетания типа «новая кровь» и «переходный экзамен», он понял, что речь идет об Ольге, которая, являясь как раз новинкой в пейзаже французского телевидения, пришла «от учредителей», – это был один из самых частых комментариев, не считая восторженных замечаний по поводу ее красоты. Его снова прихватило, и он мучительно срыгнул на пальму. Распрямившись, он увидел, что Ольга в манто из снежного барса смотрит на него с легкой тревогой.

– Пошли домой.

– Домой… к тебе?

Не отвечая, она взяла его под руку и довела до машины.

– Французик мой недоделанный… – с улыбкой сказала она и включила зажигание.

13

Первые проблески наступающего дня проникали сквозь просвет между подбитыми мольтоном тяжелыми двойными шторами в желтых и алых узорах. Ольга ровно дышала рядом с ним, ее коротенькая ночная рубашка задралась до самой талии. Она не проснулась, когда Джед легонько погладил ее по круглой белой попке. Ее тело практически не изменилось за десять лет, но грудь все же потяжелела. Этот изумительный цветок плоти начал увядать; теперь деградация пойдет по нарастающей. Ольга была старше его на два года; Джед вдруг понял, что в следующем месяце ему исполнится сорок. Они оба прошли жизнь почти до половины; быстро время пролетело. Он встал, собрал одежду, валявшуюся на полу. Он уже не помнил, как разделся накануне вечером, видимо, это сделала за него Ольга; ему казалось, он заснул, едва коснувшись подушки. Занимались ли они любовью? Может, и нет, и уже само по себе это не предвещало ничего хорошего, ведь после стольких лет разлуки они должны были хотя бы попробовать, а вполне ожидаемое отсутствие немедленной эрекции легко можно было свалить на злоупотребление спиртным, да и, в конце концов, она же могла попытаться взять в рот, но что-то ничего такого у него в памяти не сохранилось, или надо было ее попросить? И тот факт, что он усомнился даже в своих сексуальных правах, в том, что считалось естественным и нормальным для их отношений, тоже встревожил его, судя по всему, это было начало конца. Сексуальное поведение – материя тонкая, где сядешь, там и слезешь.

Закрыв за собой обитую белой кожей дверь спальни, Джед вышел в длинный коридор, по правой стороне которого располагались другие комнаты и кабинет, а слева – несколько салонов с лепниной времен Людовика XVI и дубовым паркетом елочкой. В полумраке – кое-где горели только большие лампы под абажуром – квартира показалась Джеду гигантской. В одном из салонов он подошел к окну и отодвинул занавеску: перед ним, насколько хватало глаз, тянулась патологически широкая авеню Фош, чуть припорошенная инеем. Единственным признаком жизни здесь были выхлопы черного «ягуара-XJ», стоявшего с включенным двигателем на боковой дорожке. Вскоре из подъезда вышла, слегка покачиваясь, дама в вечернем платье и села рядом с водителем; машина тронулась, удаляясь в сторону Триумфальной арки. Городской пейзаж снова погрузился в гробовую тишину. Джед

неожиданно начал воспринимать все с непривычной остротой, глядя, как бледное зимнее солнце поднимается между башнями Дефанс и сверкает в его лучах белоснежная улица. В самом конце коридора он попал в просторную кухню, уставленную матовыми алюминиевыми шкафами с рабочим «островом», покрытым базальтовой столешницей, в центре. Холодильник был пуст, если не считать коробки шоколадных конфет Debauve et Gallais и открытого пакета апельсинового сока из Leader Price. Осмотревшись, он заметил машину Nespresso и сделал себе кофе. Ольга – ласковая, ласковая и любящая, Ольга меня любит, твердил себе Джед, и печаль захлестывала его, ничего уже у них не будет, ничего никогда не будет, да, судьба иногда дает человеку шанс, думал он, но если у него кишка тонка и он мешкает, не решаясь воспользоваться им, судьба забирает назад розданные карты; всему свой час, и, время совершать поступки и обретать возможное счастье длится несколько дней, порой несколько недель, ну от силы несколько месяцев, но оно случается один-единственный раз, и войти в него дважды, увы, нереально, даже если очень хочется, и восторг, вера и доверие уступают место тихому смирению, взаимной щемящей жалости и бесполезному, но закономерному чувству, что что-то могло получиться, просто мы оказались недостойны предложенного дара. Джед сварил себе вторую чашечку кофе, которая окончательно рассеяла сонную дымку, и решил оставить Ольге записку. «Нам надо подумать», – написал он, потом, зачеркнув, поменял на «Ты заслуживаешь лучшего, чем я». Потом снова все замазал и написал прямо: «У меня умирает отец», но, сообразив, что никогда не говорил с Ольгой об отце, смял листок и выбросил его в мусорную корзину. Скоро ему исполнится столько лет, сколько было отцу, когда он родился; появление ребенка означало для него конец творческих амбиций и в более общем плане – приятие смерти, как наверняка и для многих, но для отца особенно. Джед вернулся по коридору к спальне; Ольга все еще мирно спала, свернувшись калачиком. Он простоял целую минуту, вслушиваясь в ее ровное дыхание и тщетно пытаясь хоть как-то обобщить свои эмоции, как вдруг вспомнил об Уэльбеке. Писателям ведь свойственно знание жизни, или, во всяком случае, они умело прикидываются. Так или иначе, с обобщением у Уэльбека не должно возникнуть проблем.

За окном уже совсем рассвело, но на авеню Фош по-прежнему было пустынно. Джед никогда не говорил с Ольгой об отце, ни с отцом об Ольге, впрочем, он не говорил о них ни с Уэльбеком, ни с Францем, и хоть он и поддерживал видимость общественной жизни, в ней не было ничего системного, органичного, ровным счетом ничего живого, она напоминала скорее простой минимальный неразветвленный граф, с разрозненными сухими сучьями. Вернувшись домой, Джед засунул портрет писателя в титановый контейнер и погрузил на верхний багажник своего кроссовера «ауди». На Порт-д’Итали он свернул в сторону автострады Аю.

Когда последние пригороды и складские помещения остались позади, Джед обратил внимание, что снег еще не растаял. На улице было три градуса ниже нуля, но отопление работало прекрасно, и по салону автомобиля разливалось ровное тепло. Автомобили «ауди» отличаются исключительным качеством и тщательностью сборки, и если верить «Авто-журналу», с ними могут тягаться разве что некоторые модели «лексуса». Эта машина была его первым приобретением с тех пор, как он поменял финансовый статус: впервые переступив порог дилерского центра, он пришел в восторг от четкости и точности подгонки деталей кузова и мягкого щелчка, с которым срабатывали замки дверей, под стать хорошему сейфу. Поворачивая рифленое колесико, он выставил круиз-контроль на 105 км в час. Тонкие риски на спидометре, размеченном через каждые пять километров, упрощали регулирование скорости. Нет, эта машина, несомненно, была само совершенство. На плоских равнинах лежала девственная пленка снега; над уснувшей долиной Бос доблестно и даже весело сияло солнце. Не доезжая до Орлеана, он свернул на дорогу E60 в направлении Куртене. В земле, на глубине нескольких сантиметров, ждали пробуждения непроросшие семена. Это путешествие промелькнуло незаметно, подумал он, понадобились бы целые часы, если не дни езды на

постоянной скорости по автостраде, чтобы у него в голове проклюнулся хотя бы намек на ясную мысль. Тем не менее, сделав над собой усилие, он остановился на заправочной станции и, когда снова тронулся в путь, решил, что не грех было бы предупредить Уэльбека о своем приезде.

Он съехал к Монтаржи-Запад, припарковался в пятидесяти метрах от платежного терминала и набрал номер писателя, но, прослушав гудков десять, нажал на отбой. Солнце скрылось, небо над зимним пейзажем приобрело молочно-белый оттенок. Кремовые будки пункта оплаты довершали безыскусную симфонию светлых тонов. Джед вышел из машины, и на него буквально обрушился мороз, гораздо более свирепый, чем в городе. Он потоптался на придорожной стоянке, но, взглянув на титановый контейнер на крыше автомобиля, внезапно вспомнил, зачем, собственно, едет, и дал себе слово, что теперь, когда все закончилось, он прочтет Уэльбека. Закончилось что} Он ответил на этот вопрос в ту минуту, когда задал его себе, признав, что Франц оказался провидцем: «Мишель Уэльбек, писатель» – его последняя картина. Нет, у него еще, конечно, могут появиться идеи картин и мечты о картинах, но никогда уже ему не удастся ощутить в себе полезную энергию и стимул, чтобы воплотить их в жизнь. Нет ничего проще, уверял Уэльбек, рассказывая о ремесле писателя, чем делать заметки на полях и конструировать фразы; но для того, чтобы начать писать роман, надо подождать, пока все это уляжется, станет непреложным, надо подождать, пока возникнет насущная необходимость. Человек не сам по себе решается написать книгу, добавил он тогда; книга, по его мнению, сродни бетону, который неожиданно решает загустеть, так что роль писателя в данном случае сводится к присутствию в нужном месте в нужный час и к муторному бездействию в надежде, что процесс пойдет сам собой. В этот момент Джед понял, что ему больше никогда не станет муторно от бездействия, и в его памяти снова всплыл образ Ольги, словно призрак незавершенного счастья, он бы помолился за нее, если бы умел. Сев обратно в машину, он плавно тронулся с места по направлению к кассам и вынул кредитную карту, чтобы расплатиться.

До деревни Уэльбека он добрался только к полудню, но на улицах было пусто. Да и вообще, ходил ли кто-нибудь когда-нибудь по улицам этой деревни? Домики из известняка со старыми черепичными крышами, видимо, типичные для этих краев, чередовались с беленными строениями с фахверковыми стенами, которые скорее ожидаешь увидеть в сельских районах Нормандии. Церковь с подпорными арками, заросшими плющом, несла на себе следы самоотверженного ремонта; с культурным наследием тут явно не шутили. Повсюду виднелись декоративные кустики и лужайки; информационные щиты из темного дерева приглашали гостей совершить увлекательную экскурсию по области Пюизе. В актовом зале Дома культуры проходила постоянная выставка местных кустарных промыслов. Здесь, возможно, уже давно жили одни дачники.

До деревни Уэльбека он добрался только к полудню, но на улицах было пусто. Да и вообще, ходил ли кто-нибудь когда-нибудь по улицам этой деревни? Домики из известняка со старыми черепичными крышами, видимо, типичные для этих краев, чередовались с беленными строениями с фахверковыми стенами, которые скорее ожидаешь увидеть в сельских районах Нормандии. Церковь с подпорными арками, заросшими плющом, несла на себе следы самоотверженного ремонта; с культурным наследием тут явно не шутили. Повсюду виднелись декоративные кустики и лужайки; информационные щиты из темного дерева приглашали гостей совершить увлекательную экскурсию по области Пюизе. В актовом зале Дома культуры проходила постоянная выставка местных кустарных промыслов. Здесь, возможно, уже давно жили одни дачники.

Дом писателя находился на окраине деревни; когда Джед наконец до него дозвонился, он дал

ему предельно точные указания, как проехать. Он как раз вернулся с дальней прогулки с собакой, с дальней прогулки по заснеженным сельским пейзажам, и был бы счастлив пообедать с Джедом.

Джед припарковался перед воротами длинного дома-лонжера с белеными стенами в форме буквы L. Открепив контейнер с картиной, он потянул на себя рукоятку звонка. В ответ немедленно раздался лай. Через несколько секунд дверь открылась, и огромный лохматый черный пес с лаем кинулся к воротам. Следом появился автор «Элементарных частиц», в меховой куртке и вельветовых брюках. Он изменился, тут же понял Джед. Окреп, поздоровел, что ли. Писатель шел ему навстречу энергичным шагом, с приветливой улыбкой на лице. При этом он сильно похудел, на лице появились мимические морщины, а коротко подстриженные волосы поседели. Как у зверя, сменившего летний мех на зимний, подумал Джед.

Они расположились в гостиной на бархатных диванах бутылочного цвета; в камине пылал огонь.

– Тут еще осталась родная мебель… – сказал Уэльбек. – Все остальное я купил у старьевщиков.

Он поставил на журнальный столик нарезанную колбасу и оливки и откупорил бутылку шабли. Вынув картину из контейнера, Джед прислонил ее к спинке дивана. Уэльбек рассеянно посмотрел на свой портрет, потом обвел взглядом комнату.

– Он неплохо будет смотреться над камином, как по-вашему? – спросил он наконец. Казалось, это единственное, что его волнует. Ну, может, так оно и лучше, подумал Джед; что такое картина, в сущности, как не дорогостоящий предмет обстановки? Он маленькими глотками пил вино. – Хотите, покажу вам, как я тут живу? – предложил Уэльбек. Он, само собой, согласился.

Дом Джеду понравился, он напомнил ему чем-то дедовский; хотя все традиционные деревенские дома всегда на одно лицо. Кроме гостиной тут была огромная кухня с чуланом, служившим одновременно погребом и дровяным сараем. Двери справа вели в комнаты. В первой, явно нежилой, с высокой и узкой двуспальной кроватью посередине, можно было окоченеть от холода. Во второй стояли односпальная кровать – похоже, детская, – втиснутая между книжными полками, и секретер. Джед взглянул на книги в изголовье: Шатобриан, Виньи, Бальзак.

– Да, я сплю тут, – подтвердил Уэльбек, когда они, вернувшись в гостиную, снова уселись у огня- – В своей собственной детской кровати… Каково начало, таков и конец… – добавил он с труднообъяснимым выражением лица (удовольствие? смирение? горечь?). Джед не придумал никакого уместного комментария.

После третьего стакана шабли он впал в легкое оцепенение.

– Пошли за стол, – предложил писатель. – Я вчера приготовил пот-о-фе*, сегодня он еще вкуснее. Пот-о-фе только выигрывает при подогревании.

* Пот-о-фе (букв, горшок на огне) – тушенное в пряном бульоне мясо с овощами, традиционное французское блюдо.

Пес поплелся за ними на кухню, и, свернувшись в уютной матерчатой корзине, блаженно вздохнул.

Пот-о-фе был пальчики оближешь. Негромко тикали настенные часы с маятником. В окно виднелись заснеженные луга, вдалеке рощица черных деревьев заслоняла горизонт.

– Вы предпочли спокойную жизнь, – сказал Джед.

– Конец уже близок; можно стариться себе потихоньку.

– Вы больше не пишете?

– В начале декабря я попробовал написать стихотворение о птицах; приблизительно в то время, когда вы пригласили меня на свою выставку. Я купил им кормушку, насыпал туда кусочки сала; холода уже наступили, зима была ранней. Они налетели целой толпой: зяблики, снегири, малиновки… Сало им пришлось весьма по вкусу, но на стихи это никак не повлияло… В итоге я написал про своего пса. В тот год клички давали на букву П, я назвал его Платоном, и стихотворение получилось; это одно из лучших стихотворений, когда-либо написанных о философии Платона, а может, и о собаках тоже. Возможно, оно станет одним из последних моих произведений, а то и самым последним.

Платон заворочался в своей люльке, засучил лапами по воздуху и, глухо заворчав во сне, снова затих.

– Птицы – это ерунда, – продолжал Уэльбек, – живые цветные пятнышки, знай себе высиживают яйца да пожирают насекомых тысячами, пафосно летая туда-сюда, какая все-таки глупая суетная жизнь, целиком отданная пожиранию насекомых – иногда приправленных личинками – и воспроизведению себе подобных. Собака же несет в себе личную судьбу и образ мира, хотя в ее драме есть что-то недифференцированное, она не исторична, даже не повествовательна, и мне кажется, мир как повествование – мир романов и фильмов, для меня более или менее исчерпан, мир музыки тоже. Теперь мне интересен лишь мир как соположение – мир поэзии и живописи. Хотите еще пот-о-фе?

Джед отказался. Уэльбек вынул из холодильника сыры – сан-нектер и эпуас, – нарезал хлеб и открыл еще одну бутылку шабли. – Спасибо, что привезли мне картину, – сказал он. – Глядя на нее, я буду вспоминать, что жил когда-то полной жизнью.

Они вернулись в гостиную выпить кофе. Уэльбек подкинул два поленца в огонь и ушел хлопотать на кухню. Джед принялся изучать его библиотеку и удивился, как мало в ней романов, – в основном, одни классики. Зато, к его изумлению, на полках изобиловали труды самых известных реформаторов XIX века, вроде Маркса, Прудона и Конта, не обошлось и без Фурье, Кабе, Сен-Симона, Пьера Леру, Оуэна, Карлейля и прочих, чьи имена почти ничего ему не говорили. Писатель вернулся, неся на подносе кофейник, печенье «макарон» и бутылку сливовой настойки.

– Знаете, Конт утверждает, – сказал он, – что большую часть человечества составляют не живые, а мертвые. Так же и я теперь, общаюсь скорее с мертвыми, чем с живыми.

Джед и тут не нашелся что ответить. На столике лежало старое издание «Воспоминаний» Токвиля.

– Удивительный случай этот Токвиль, – заметил писатель. – Его «Демократия в Америке» – шедевр неслыханной провидческой силы, абсолютно инновационный, во всех областях; я полагаю, что это самая умная политическая книга, которая когда-либо была написана. И, произведя на свет этот сногсшибательный труд, автор, вместо того чтобы продолжать в том же духе, всю свою энергию посвящает борьбе за депутатство от занюханного департамента Ла-Манш, чтобы занимать высокие посты при разных правительствах, превратившись в заурядного политического деятеля. Хотя он вовсе не утратил своей проницательности и дальновидности… – Уэльбек перелистал «Воспоминания», поглаживая по спине Платона,

растянувшегося у его ног. – Вот послушайте, как он пишет о Ламартине! Ну он так его отдрючил, Ламартина этого, мало не покажется! – воскликнул он и прочел приятным, хорошо поставленным голосом: «Между теми честолюбивыми эгоистами, в среде которых я постоянно вращался, едва ли нашелся бы человек, более Ламартина равнодушный к общественной пользе. Я встречал в этой сфере немало людей, возбуждавших внутренние смуты с целью достигнуть более высокого общественного положения, но только Ламартин, как мне кажется, всегда был готов перевернуть вверх дном весь мир для своего развлечения». Токвиль в себя не может прийти от удивления, что ему попался подобный экземпляр. Он сам, будучи человеком предельно честным, пытался принести пользу стране. Честолюбие и зависть он еще как-то может понять, но от такого комедиантства и смеси безответственности с дилетантизмом его буквально оторопь берет. Послушайте, что он пишет дальше. «Я также не знал другого человека, менее искреннего и относившегося с более глубоким презрением к истине. Впрочем, я употребил здесь слово „презрение“ не совсем уместно: следовало бы сказать, что Ламартин имел так мало уважения к истине, что вовсе не интересовался ею. И в своих публичных речах, и в своих сочинениях он бессознательно уклонялся от нее и снова к ней возвращался, заботясь только о том, чтоб произвести такое впечатление, какое было ему желательно в данную минуту»*.

* Воспоминания Алексиса Токвиля, изданные графом Токвилем / Перевод с французского В. Неведомского. Москва: Издание К.Т. Солдатенкова., 1893.

Забыв о госте, Уэльбек продолжал читать самому себе, переворачивая страницы с возрастающим упоением.

* Воспоминания Алексиса Токвиля, изданные графом Токвилем / Перевод с французского В. Неведомского. Москва: Издание К.Т. Солдатенкова., 1893.

Забыв о госте, Уэльбек продолжал читать самому себе, переворачивая страницы с возрастающим упоением.

Джед подождал, подумал, потом залпом допил сливовую настойку и откашлялся. Уэльбек поднял на него глаза.

– Я приехал… – начал Джед, – чтобы подарить вам этот портрет, разумеется, но еще и потому, что жду от вас напутствия.

– Напутствия? – Улыбка писателя, постепенно угаснув, уступила место какой-то землистой, восковой тоске. – У вас создалось ощущение, – произнес он тягучим голосом, – что жизнь моя подошла к концу и я разочарован. Это так?

– В общих чертах.

– Ну что ж, вы правы: жизнь моя подошла к концу и я разочарован. Ничего из того, на что я надеялся в юности, не сбылось. Случались, конечно, занятные моменты, но неизменно сопряженные с дикими трудностями, вырванные у жизни на пределе сил, ни разу ничто не досталось мне даром, теперь мне все это обрыдло и хочется лишь одного – закончить свои дни без чрезмерных страданий, тяжелой болезни или инвалидности.

– Вы говорите в точности как мой отец, – тихо

сказал Джед.

При слове «отец» Уэльбек подскочил, словно он произнес что-то непристойное, потом его лицо осветила скептическая улыбка, любезная, но лишенная теплоты. Джед проглотил три «макарона» подряд, опрокинул стакан настойки и продолжал.

– Отец… – повторил он, – рассказывал мне об Уильяме Моррисе. Мне интересно, знаете ли вы его работы и что о нем думаете.

– Уильям Моррис… – В голосе Уэльбека снова появились непринужденные рассудительные интонации. – Любопытно, что вам о нем рассказывал отец, почти все уже давно забыли, кто такой Уильям Моррис…

– В кругах художников и архитекторов, где он вращался в молодости, Морриса, видимо, знали, и неплохо.

Уэльбек встал, порылся на полках и минут через пять, не меньше, вытащил тоненькую книжку с пожелтевшей, видавшей виды обложкой, украшенной завитками ар-нуво. Он сел, осторожно переворачивая затвердевшие, покрытые пятнышками страницы, – похоже, ее не открывали годами. – Ну, – сказал он, – здесь в общих чертах выражена его точка зрения. Это его речь на конференции в Эдинбурге в 1889 году: «Вот вкратце наша позиция в искусстве: мы последние представители кустарного ремесла, по которому массовое производство нанесло смертельный удар». В конце жизни он заделался марксистом, но вначале у него были совсем другие, весьма оригинальные взгляды. Встав на точку зрения художника, создающего некое произведение, он пытается приложить ее к миру промышленного и сельскохозяйственного производства. Сегодня нам трудно даже вообразить все богатство политической мысли того времени. Честертон отдал должное Уильяму Моррису в «Возвращении Дон Кихота». Занятный роман, в нем описывается вымышленная революция, произошедшая в результате возвращения к ремеслам и средневековому христианству, – она постепенно охватывает все Британские острова, замещая остальные рабочие движения, социалистическое и марксистское, и приводит к отказу от промышленного производства в пользу ремесленных и сельскохозяйственных общин. Эта невероятная, феерическая книга чем-то напоминает «Отца Брауна». Я думаю, Честертон вложил в нее много личных убеждений. Правда, и Уильям Моррис, судя по тому, что мы о нем знаем, был личностью неординарной.

В камине рухнуло полено, взметнув сноп угольков.

– Надо бы купить противопожарную перегородку… – проворчал Уэльбек и поднес к губам стакан с настойкой.

Джед, не шелохнувшись, все так же пристально смотрел на писателя, в состоянии крайнего нервного напряжения, которое сам не смог бы объяснить. Уэльбек удивленно взглянул на него, и Джед, смутившись, понял, что у него дергается левая рука.

– Простите, – он внезапно расслабился, – у меня сейчас… особый период.

– Жизнь у Уильяма Морриса была не слишком веселая, если исходить из привычных критериев, – продолжал Уэльбек. – Вместе с тем очевидцы в один голос описывают его радостным, оптимистичным и энергичным человеком. Когда ему было двадцать три года, он познакомился с восемнадцатилетней натурщицей Джейн Верден. Два года спустя он на ней женился, сам решил заняться живописью, но позже отказался от этой затеи, не чувствуя в себе достаточных способностей, – живопись он ценил превыше всего. Моррис построил себе дом по собственным чертежам в Аптоне, на берегу Темзы, и сам его декорировал, собираясь жить там с женой и двумя дочками. Его супруга, по отзывам всех, кто с ней был знаком, была настоящей

красавицей, но она ему изменяла. У нее был роман с Данте Габриэлем Россетти, главой братства прерафаэлитов. Уильям Моррис восхищался им как художником. В итоге Россетти переехал жить к ним и практически вытеснил его из супружеской постели. Тогда Моррис отправился путешествовать по Исландии, выучил язык и взялся за перевод саг. Вернувшись, он потребовал объяснений; Россетти согласился уехать, но осколки семьи уже было не склеить, и у супругов так больше и не возникло настоящей плотской близости. Будучи к тому времени членом нескольких партий, Моррис ушел из Социал-демократической федерации, слишком умеренной на его вкус, чтобы создать Социалистическую лигу, которая стояла на откровенно прокоммунистических позициях, и до самой смерти своей не щадил себя ради дела коммунизма, безостановочно писал статьи в газеты, выступал на конференциях, митингах…

Уэльбек смолк и печально покачал головой, ласково потрепав по загривку Платона, который заворчал от удовольствия.

– Всю жизнь, – медленно проговорил он, – Моррис боролся с викторианской показной добродетелью, выступал за свободную любовь… Знаете, я терпеть не могу мерзкое утверждение, звучащее, кстати, весьма убедительно, что активная и самоотверженная общественная деятельность, к тому же бескорыстная, – всего лишь сублимация проблем личного характера…

Джед выждал молча целую минуту.

– Думаете, Моррис был утопистом? – спросил он. – Законченным фантазером?

– В каком-то смысле – конечно. Он хотел упразднить школы, считая, что детям лучше обучаться в обстановке полнейшей свободы; он хотел упразднить тюрьмы, считая, что угрызения совести будут вполне достаточным наказанием для преступника. Трудно читать всю эту нелепицу, не испытывая смешанного чувства сострадания и гадливости. И все же, и все же… – Уэльбек запнулся, подыскивая слова. – И все же, как это ни парадоксально, он добился известного успеха и в практическом плане. Чтобы претворить в жизнь свои идеи о возврате к кустарному производству, Моррис почти сразу создал предприятие по изготовлению предметов декоративно-прикладного искусства; рабочие трудились там гораздо меньше, чем на фабриках тех времен, – мало чем, надо признать, отличавшихся от каторги, – а главное – они работали свободно, каждый отвечал за свое дело от начала до конца. Главный принцип Уильяма Морриса состоял в том, что замысел должен быть неотделим от исполнения, как это было в Средние века. Все свидетельства говорят о том, что условия работы у него были просто идиллическими: светлые просторные мастерские на берегу реки. Прибыль перераспределялась между рабочими, и лишь незначительная ее часть шла на финансирование социалистической пропаганды. Так вот, против ожидания, успех пришел к ним немедленно, в том числе и коммерческий. От столярного ремесла они перешли к ювелирному, производили изделия из кожи, потом витражи, ткани, драпировку для мебели, и успех сопутствовал им во всем. Фирма Morris Co была прибыльным предприятием, с самого начала до самого конца своего существования. Ни одному рабочему кооперативу, которые возникали тут и там на всем протяжении девятнадцатого века, будь то фаланги Фурье или икарийская колония Кабе, не удалось наладить эффективное производство материальных благ и продуктов питания – за исключением фирмы Уильяма Морриса, все остальные терпели одну неудачу за другой. Не говоря уже о коммунистических обществах, возникших позже…

Уэльбек снова замолчал. Свет в комнате начинал меркнуть. Он встал, зажег лампу под абажуром, подкинул дров в огонь и снова сел. Джед все так же внимательно смотрел на него, положив руки на колени, и не произносил ни слова.

– Не знаю, – сказал Уэльбек, – я слишком стар, у меня не осталось ни желания, ни умения подводить итоги, разве что когда речь идет об элементарных вещах. Сохранились, знаете ли, его портреты, нарисованные Берн-Джонсом, на них он то пробует новую смесь растительных красителей, то читает книгу дочкам. Создается впечатление, что этот приземистый мужичок в маленьких очочках, с всклокоченной шевелюрой, красным подвижным лицом и лохматой бородой постоянно крутился как белка в колесе, не теряя при этом благожелательности и душевной простоты. Можно с уверенностью сказать, что в модели общества, предложенной Уильямом Моррисом, не было бы ничего утопического, если бы все люди в мире походили на Уильяма Морриса.

Уэльбек снова замолчал. Свет в комнате начинал меркнуть. Он встал, зажег лампу под абажуром, подкинул дров в огонь и снова сел. Джед все так же внимательно смотрел на него, положив руки на колени, и не произносил ни слова.

– Не знаю, – сказал Уэльбек, – я слишком стар, у меня не осталось ни желания, ни умения подводить итоги, разве что когда речь идет об элементарных вещах. Сохранились, знаете ли, его портреты, нарисованные Берн-Джонсом, на них он то пробует новую смесь растительных красителей, то читает книгу дочкам. Создается впечатление, что этот приземистый мужичок в маленьких очочках, с всклокоченной шевелюрой, красным подвижным лицом и лохматой бородой постоянно крутился как белка в колесе, не теряя при этом благожелательности и душевной простоты. Можно с уверенностью сказать, что в модели общества, предложенной Уильямом Моррисом, не было бы ничего утопического, если бы все люди в мире походили на Уильяма Морриса.

Джед подождал еще немного, хотя ночной мрак уже окутал поля вокруг дома.

– Благодарю вас. – Он наконец поднялся. – Извините, что нарушил ваше уединение, но мне было важно услышать вашу точку зрения. Вы мне очень помогли.

На пороге их до костей пробрал мороз. Слабо поблескивал снег. Черные ветви голых деревьев выделялись на фоне темно-серого неба.

– Гололед, – сказал Уэльбек, – будьте осторожны за рулем. – Он повернулся, чтобы войти в дом, и, неторопливо подняв руку, помахал на прощание.

Джед собирался еще когда-нибудь повидаться с ним, но интуитивно понял, что этого не произойдет, что-то им помешает, возникнут разного рода препоны. Да уж, его социальная жизнь упрощалась на глазах.

По извилистым пустынным департаментальным дорогам Джед медленно, но верно, не превышая скорости 30 км в час, добрался до автострады Аю. Въезжая на развязку, он заметил внизу длиннющую светящуюся вереницу фар и понял, что попадет в бесконечные пробки. Температура воздуха снаружи упала до минус двенадцати, но внутри по-прежнему было плюс девятнадцать, печка работала исправно; к тому же он никуда не спешил.

Включив «Франс-Интер», он напал на передачу, разбирающую по косточкам новости культуры этой недели; ведущие громко прыскали со смеху, их дежурные повизгивания и хохот отличались редкой вульгарностью. По «Франс-Мюзик» давали итальянскую оперу, но напыщенная и вымученная виртуозность быстро утомила его; он выключил радио. Джед, никогда не любивший музыку, любил ее сейчас еще меньше, чем раньше; любопытно, мельком подумал он, что же все-таки побудило его заняться художественным изображением мира или даже просто решить, что художественное изображение мира вообще возможно, мир – это все

что угодно, только не повод для творческого импульса, мир представлялся ему абсолютно рациональным устройством, лишенным магии да, впрочем, и особого интереса. Он переключился на «Автостраду FM», они хотя бы сообщали конкретные сведения: у Фонтенбло и Немура произошли дорожные аварии, движение останется замедленным скорее всего до самого Парижа.

Сегодня воскресенье, 1 января, подумал Джед, конец не только выходных, но и рождественских каникул, а также начало нового года для всех тех, кто сейчас еле-еле ползет домой, на чем свет ругая пробки; уже через несколько часов они доедут до парижских пригородов и после недолгой ночи займут свое место – подчиненного или начальника – в западной системе производства. Возле поворота на Мелен-Юг он въехал в белесую дымку, тут поток машин совсем застопорился, они тащились черепашьим шагом почти пять километров, пока у съезда в Мелен-Центр дорога наконец не разгрузилась. За окном было минус семнадцать. Джеда самого, всего месяц назад, выделил из общей массы закон спроса и предложения, богатство осыпало его внезапно дождем искр, избавив от финансового ига, и вдруг он понял, что уйдет из этого мира, к которому, по сути, никогда и не принадлежал, а его человеческие связи, и без того скудные, постепенно засохнут, иссякнут и жизнь его будет напоминать элегантный салон кроссовера «ауди-олроуд», такого мирного, унылого и совершенно безразличного ко всему.

Часть 3 – 1

Едва открыв дверцу своего «рено-сафрана», Жаслен понял, что настали худшие мгновения его профессиональной жизни. В нескольких метрах от изгороди сидел в траве лейтенант Фербер, погруженный в полную прострацию. Впервые он видел коллегу в таком состоянии – все сотрудники уголовной полиции рано или поздно наращивают панцирь, позволяющий контролировать эмоциональные всплески, в противном случае они подают в отставку, а у Фербера за плечами как-никак десять лет службы. Неподалеку от него в немом ужасе застыли трое жандармов из Монтаржи: двое с бессмысленным взглядом стояли на коленях в траве, а третий – видимо, их шеф, Жаслену показалось, что он распознал значок бригадира, – на грани обморока раскачивался взад-вперед на одном месте. Легкий ветерок, мягко шевеливший золотые лютики на ярко-зеленом лугу, разносил по округе жуткий смрад, идущий из дома. Никто из присутствующих никак не отреагировал на его появление.

Он подошел к Ферберу, который, судя по всему, не собирался выходить из ступора. Кристиану Ферберу было тридцать два года. Таких меланхоличных сентиментальных красавцев с романтически бледным лицом, светло-голубыми глазами и длинными черными волосами нечасто встретишь в полиции; и тем не менее он был компетентным и настойчивым полицейским, одним из тех, с кем Жаслен любил работать.

– Кристиан… – окликнул его Жаслен, сначала тихо, потом повысив голос. Медленно, словно наказанный ребенок, Фербер поднял на него глаза, полные жалобной обиды.

– До такой степени? – мягко спросил Жаслен.

– И даже хуже. Хуже, чем ты думаешь. Тот, кто это совершил… не имеет права на существование. Его надо стереть с лица земли.

– Мы поймаем его, Кристиан. Мы всегда их ловим. Фербер кивнул и заплакал. Все это не лезло ни в какие ворота.

Через некоторое время, показавшееся Жаслену слишком долгим, Фербер встал и, еще нетвердо держась на ногах, подвел его к группке жандармов.

– Мой шеф, комиссар Жаслен, – сказал он, понизив голос.

При этих словах одного из юных жандармов вырвало, и не успел он перевести дух, как его вырвало снова, прямо на землю, но он в упор не видел окружающих, что тоже было странно для жандарма.

– Бригадир Бегодо, – машинально представился его шеф, все так же по-дурацки раскачиваясь. В общем, рассчитывать на помощь жандармерии Монтаржи пока не приходилось.

– У них отберут дело, – заметил Фербер. – Мы сами решили начать поиски, нам позвонили, когда он не приехал на встречу в Париж. Поскольку он жил здесь постоянно, я попросил их проверить, не случилось ли чего; и они его нашли.

– Раз они нашли труп, то могут попросить, чтобы и дело отдали им.

– Вряд ли.

– С чего ты взял?

– Ты наверняка согласишься со мной, когда увидишь… состояние жертвы. – Фербер замолчал, вздрогнул, его снова затошнило, но ему уже нечем было рвать, разве что остатками желчи.

Жаслен взглянул на широко распахнутые двери дома. Неподалеку роилось облако мух, с жужжанием круживших на одном месте, словно в ожидании своей очереди. С точки зрения мухи, труп человека – это мясо, просто-напросто кусок мяса; из дома снова потянуло зловонием, и вынести его было невозможно. Раз уж ему суждено выдержать кровавое зрелище, придется – Жаслен прекрасно это понимал – встать ненадолго на точку зрения мухи, достичь потрясающей беспристрастности мухи – Musca domestica. Всего за свою жизнь самка Musca Domestica откладывает от 500 до 1000 белых яиц, длиной около 1,2 мм. Через день из яиц вылупляются личинки (червячки); они живут и питаются в разлагающихся органических веществах (как то: в трупах, бытовых отбросах, испражнениях). Личинки комнатных мух, червеобразные, без ног, имеют длину от 3 до 9 мм и отличаются характерным белесым цветом, со стороны ротового отверстия они заостренные, сзади усеченной формы. После трех линек личинка отползает в сухое прохладное место и превращается в куколку, образуя красноватый пупарий.

Взрослые насекомые живут от двух недель до месяца в среде обитания, но могут прожить дольше в лабораторных условиях. Из кокона выходит взрослая особь. Маленькие мухи – это не молодые мухи, а взрослые особи, которым не хватило пищи на личиночной стадии.

Приблизительно через 36 часов после выхода из куколки они уже способны к размножению. Самец комнатной мухи забирается самке на спину и вводит сперму. Обычно самки копулируют один раз, но хранят сперматозоиды в семяприемнике, чтобы использовать их на несколько яйцекладок. Для самцов характерно территориальное поведение – защищая свою территорию от самцов-соперников, они стараются оплодотворить каждую самку, появившуюся на их участке.

– Кроме того, пострадавший – человек известный… – добавил Фербер.

– Кто?

– Мишель Уэльбек.

Поскольку шеф никак не отреагировал на это имя, он добавил:

Поскольку шеф никак не отреагировал на это имя, он добавил:

– Писатель. Вернее, был писателем. Весьма популярным.

Ну что ж, популярный писатель служит теперь пищей для полчищ червей, подумал Жаслен, мужественно пытаясь сохранить свой mind control.

– Мне туда зайти? – спросил он у своего подчиненного. – Зайти посмотреть?

Фербер долго колебался, прежде чем ответить. Следователь, ведущий дело, обязан лично осмотреть место преступления, Жаслен неизменно подчеркивал это на своих лекциях в Национальной школе полиции в Сен-Сир-о-Мон-д'Ор. Преступление, особенно если оно совершено не спонтанно и не с целью наживы, – вещь очень интимная, убийца, несомненно, выражает своим актом нечто личное, какое-то свое отношение к жертве. На месте преступления почти всегда можно обнаружить что-то неповторимое, индивидуальное, так сказать, роспись преступника; это прежде всего касается, добавлял он, особо жестоких и ритуальных убийств, и в таких случаях есть все основания направить следствие на поиски психопата.

– На твоем месте я подождал бы экспертов, – сказал наконец Фербер. – У них будут стерильные маски, ты хотя бы от вони не задохнешься.

Жаслен задумался; такой компромисс заслуживал внимания.

– Когда они приедут?

– Часа через два.

Бригадир Бегодо все еще раскачивался, выйдя уже на крейсерскую скорость, и в таком состоянии опасности не представлял, его следовало бы уложить на больничную койку, а то и дома, напичкав сильными транквилизаторами, и все тут. Его подчиненные, по-прежнему стоя возле него на коленях, начали вдруг трясти головами, вяло болтаясь из стороны в сторону по примеру шефа. Сельские жандармы, беззлобно подумал Жаслен. Полномочны вынести постановление о превышении скорости или мелком мошенничестве с банковской картой.

– С твоего позволения, – сказал он Ферберу, – я

пока что обойду деревню. Посмотрю, как тут обстановочка.

– Давай, давай… Ты тут начальник. – Фербер устало улыбнулся. – Я все беру на себя и приму гостей в твое отсутствие.

Он снова уселся в траву и, пару раз шмыгнув носом, вытащил из кармана пиджака книжку, «Аурелию» Жерара де Нерваля, – успел рассмотреть Жаслен. Он повернулся и пошел в сторону деревни, практически деревеньки, небольшой кучки домов, дремлющих под сенью леса.

2

Комиссары полиции образуют руководящее звено, определяющее основные направления деятельности Национальной полиции как наиболее высоко квалифицированного контингента межведомственного назначения, находящегося в подчинении министра внутренних дел. В их обязанности входит разработка и доведение до личного состава должностных инструкций и уставов, регламентирующих повседневное несение службы. Они отвечают за повышение дисциплины и боеспособности вверенных им частей и подразделений. Принимают участие в подготовке, реализации и совершенствовании мероприятий, направленных на профилактику правонарушений и развитие правоохранительной деятельности. В рамках действующего законодательства претворяют в жизнь постановления судебных инстанций. Обеспечиваются, форменной одеждой установленного образца.

В начале карьеры получают зарплату примерно 2898 евро.

Жаслен медленно шел по дороге, ведущей от деревни к роще неестественного густо-зеленого цвета, в которой, разумеется, полно змей и мух, а то и, чего доброго, скорпионов и слепней, частых гостей департамента Ионна, добиравшихся порой аж до Луаре, если верить «Курьеру жандармерии», с которым он ознакомился перед отъездом, – на этом замечательном сайте выкладывается лишь тщательно проверенная информация. Короче, в сельской местности – внешность обманчива – можно ожидать всего, чего угодно, и, как правило, ничего хорошего, печально заключил комиссар. Сама деревня произвела на него весьма прискорбное впечатление: идеально чистые, белые фахверковые дома, безжалостно отреставрированная церковь, доски объявлений, извещающие о якобы развлекательных мероприятиях, – все наводило на мысль о декорации, бутафорских фасадах, выстроенных для съемок очередного телесериала. Он, кстати, не встретил по пути ни единого жителя. В таком месте, само собой, никто ничего не видел и не слышал, так что опрос свидетелей был заранее обречен на неудачу.

Тем не менее он повернул назад, скорее от нечего делать. Если я встречу хоть одного человека, вдруг по-детски загадал он, мне удастся раскрыть преступление. На мгновение он поверил в удачу, завидев ресторанчик «У Люси» – его двери, выходившие на главную улицу, были открыты. Жаслен поспешил туда, но когда он собрался перейти улицу, чья-то рука (женская рука, может, самой Люси?) высунулась наружу и с силой захлопнула дверь. Он услышал, как запирают замок на два оборота. Будучи облеченным необходимой полицейской властью, он мог бы заставить ее открыть заведение и потребовать свидетельских показаний; но такие меры показались ему преждевременными. В любом случае кто-нибудь из группы Фербера этим займется. Фербер сам отлично умел снимать свидетельские показания: глядя на него, никто не мог заподозрить в нем полицейского, и даже увидев его удостоверение, свидетели тут же об этом забывали (он производил скорее впечатление психолога или ассистента кафедры этнологии) и все ему доверчиво выкладывали с прямо-таки обескураживающим рвением.

Сразу за «Люси» Жаслен свернул на улицу Мартина Хайдеггера, ведущую в еще не исследованную им часть деревни. Он шел, размышляя о произволе мэров, которые так обращаются с названиями улиц вверенного им населенного пункта. На углу тупика Лейбница он остановился перед уродской картиной, намалеванной яркими акриловыми красками на белом жестяном щите, – на ней был изображен человек с утиной головой и несоразмерным детородным членом; его грудь и ноги покрывала густая бурая шерсть. Информационный стенд сообщил ему, что он стоит перед «Музеретиком» – собранием произведений спонтанного искусства и живописных работ душевнобольных из психиатрической клиники Монтаржи. Его восхищение местной мэрией только возросло, когда, выйдя на площадь Парменида, он увидел новехонькую автостоянку – парковочная разметка была явно начерчена на земле не больше недели назад – с электронной системой оплаты, принимающей европейские и японские кредитные карты. Пока что там стояла всего одна машина, «мазерати-гран-туризмо» цвета морской волны; Жаслен на всякий случай записал номер. В рамках розыскных мероприятий,

неустанно повторял он своим ученикам в Сен-Сир-о-Мон-д'Ор, очень важно все записывать, и для наглядности вынимал из кармана собственный блокнотик Rhodia стандартного формата 105 на 148 миллиметров. Нельзя пропустить ни дня следствия без строчки, настаивал он, даже если ваша запись покажется вам лишенной какого бы то ни было смысла. Дальнейшее дознание, во многом подтверждает эту бесполезность, но суть не в том, а суть в том, что надо занимать активную жизненную позицию, поддерживая минимальную мозговую деятельность, ибо совершенно бездеятельный полицейский быстро падает духом, в результате чего у него притупляется реакция на появление по-настоящему важных фактов.

Любопытно, что Жаслен, сам того не подозревая, почти слово в слово повторил рекомендации Уэльбека по поводу профессии писателя, в тот единственный раз, когда он согласился вести мастерскую creative writing* в университете Лувен-ла-Нев в апреле 2011 года.

* Писательского мастерства (англ.).

На юге деревня заканчивалась кольцевой развязкой имени Иммануила Канта – это чисто урбанистическое творение, весьма строгое в эстетическом плане, представляло собой просто круглую площадку, покрытую щебенкой безупречно серого цвета, ведущую в никуда и не предполагающую никакого выезда на автостраду, кроме того, поблизости не было видно ни единого строения. Чуть поодаль неторопливо текла река. Солнце вонзало жаркие лучи в окрестные луга. Лишь осины, росшие по берегам, отбрасывали спасительную тень. Пройдя вниз по течению метров двести, Жаслен наткнулся на неожиданное препятствие: широкая бетонная плита наклонно перегораживала русло так, что от реки отделялся узкий боковой рукав, точнее – тоненький ручеек, который несколькими метрами ниже образовывал продолговатый пруд.

Он опустился в густую траву на берегу. Ему, разумеется, было невдомек, что этот уголок вселенной, где он случайно присел, утомившись и страдая от болей в пояснице и затрудненного пищеварения, старость не радость, был именно тем местом, где ребенком играл Уэльбек, как правило, в гордом одиночестве. В его понимании Уэльбек был всего-навсего очередным делом, и, судя по всему, делом довольно муторным. Когда происходит убийство известных людей, общество с особым нетерпением ожидает раскрытия преступления и по прошествии нескольких дней принимается возводить поклеп на полицию и высмеивать ее неэффективность. Хуже этого только следствие по делу об убийстве ребенка или, не приведи Господь, убийстве младенца, младенцы – это вообще завал, считается, что убийцу младенца надо схватить немедленно, еще до того, как он свернет за угол, и тут уж в глазах общественности двое суток – абсолютно неприемлемый срок. Жаслен взглянул на часы: что-то он загулялся, ему на мгновение даже стало неловко, что он бросил Фербера одного. Пруд мутного, нездорового цвета был затянут ряской.

3

Когда он вернулся на место преступления, на улице стало прохладнее; у него даже создалось впечатление, что и рой мух поредел. Фербер, положив под голову свернутую куртку вместо подушки, лежал на траве и увлеченно читал «Аурелию», словно его пригласили на пикник. «Этого парня не прошибешь…» – подумал Жаслен, наверное, в двадцатый раз с тех пор, как они познакомились.

– Жандармы уехали? – удивился он.

– Их увезли люди из службы психологической помощи госпиталя Монтаржи.

– Все настолько серьезно?

– Я тоже удивился. В последние годы работа жандарма стала тяжелее, у них теперь не меньше самоубийств, чем у нас; впрочем, надо признать, что и организация психологической помощи шагнула далеко вперед.

– Ты откуда знаешь? Из статистики по самоубийствам?

– Ты никогда не заглядываешь в «Вестник сил правопорядка»?

– Нет. – Он тяжело опустился в траву рядом с коллегой. – Я вообще мало читаю.

Тени начали вытягиваться между липами. К Жаслену вернулась надежда, он почти забыл о физическом присутствии трупа всего в нескольких метрах, но тут у изгороди резко затормозил «пежо-партнер» экспертов-криминалистов. Из него с потрясающей синхронностью движений мгновенно вышли двое мужчин в нелепых белых комбинезонах – ни дать ни взять ликвидаторы в зоне радиоактивного заражения.

Жаслен терпеть не мог выездных специалистов из Службы криминалистической экспертизы за их парные выступления в специально оборудованных тачках, напичканных неведомыми дорогостоящими аппаратами, а также за нескрываемое презрение к иерархии в уголовке. Правда, они вовсе не старались понравиться, напротив, из кожи вон лезли, чтобы как можно больше отличаться от обычных полицейских, на каждом шагу демонстрируя оскорбительную спесь экспертов, столкнувшихся с профаном, еще бы, надо же им как-то оправдывать раздувающиеся из года в год бюджеты. Конечно, их методы невероятно усовершенствовались, теперь они умеют снимать отпечатки пальцев и получать образцы ДНК в самых немыслимых условиях, еще пару лет назад об этом и мечтать не стоило, только они-то тут при чем? Им самим ведь не под силу изобрести или хотя бы улучшить аппаратуру, благодаря которой они добиваются таких результатов, а пользоваться ею может любой дурак, получивший соответствующее техническое образование, лучше уж обучить всем этим премудростям оперативников из уголовки, Жаслен, по крайней мере, придерживался именно такого мнения, постоянно, но пока безуспешно отстаивая его в годовых отчетах начальству. По правде говоря, он и не надеялся, что его услышат, распределение функций в полиции было давно установлено, и он упорствовал скорее для очистки совести.

Фербер, как всегда элегантный и приветливый, встал, чтобы ввести прибывших в курс дела. Те нарочито скупо кивали ему, изображая нетерпение и профессионализм. Фербер вдруг указал им на Жаслена, видимо представляя его как следователя, ведущего дело. Те, молча напялив маски, ничего на это не ответили, даже шага не сделали в его сторону. Жаслен никогда особо не заморачивался с иерархией, не требовал обращения по уставу и знаков почтения, полагавшихся ему по статусу, в этом его нельзя было упрекнуть, но выпендрежная парочка начинала нешуточно действовать ему на нервы. Подчеркнуто тяжелой поступью старого павиана и альфа-самца он, шумно дыша, направился к ним в надежде, что они хотя бы поздороваются, и, не дождавшись, объявил тоном, не терпящим возражений: – Я пойду с вами.

Один из них аж подскочил: ну ясно, они привыкли сами обделывать свои делишки, надолго занимали место происшествия, никому не давая приблизиться к полицейскому ограждению и делая дурацкие записи на мобильных терминалах сбора данных. А что, собственно, они могли ему возразить? Да ничего, ровным счетом. Один из них протянул ему маску. Надев ее, Жаслен внезапно осознал реальность преступления, проникаясь им все больше по мере приближения к дому. Он отстал от них на несколько шагов и со смутным удовлетворением отметил, что оба зомби в ужасе замерли, едва переступив порог. Он нагнал их и непринужденно прошел вперед,

испытав все же некоторую неуверенность в дверях гостиной. «Я – живое воплощение закона», – подумал он. Свет начинал меркнуть. Хирургические маски пришлись, как ни странно, очень кстати, запах почти не проникал сквозь них. Жаслен скорее почувствовал, чем услышал, как эксперты позади, набравшись смелости, двинулись вслед за ним к гостиной, но практически сразу застыли как вкопанные. «Я – живое воплощение закона, несовершенного морального закона», – повторял он про себя, словно мантру, пока наконец не решился прямо взглянуть на то, что уже мельком уловил краем глаза.

Полицейский делает выводы на основе тела, так его учили. Набив руку на всевозможных заметках, он описывает положение тела, раны, обнаруженные на теле, и степень поврежденности тела; но в данном случае тела как такового не наблюдалось. Обернувшись, Жаслен увидел, что эксперты-криминалисты начали топтаться на месте и раскачиваться взад-вперед, в точности как жандармы из Монтаржи. Голова жертвы в целости и сохранности – ее явно отсекли одним махом – лежала на кресле перед камином; по темно-зеленому бархату растеклась лужица крови. На диване, прямо напротив, валялась голова крупной черной собаки, тоже, судя по всему, отрубленная. Все остальное представляло собой последствия бойни, немыслимой мясорубки, по полу были разбросаны клочья искромсанных тел. Однако ни на лице человека, ни на морде собаки не застыло выражение ужаса, скорее в их глазах читались недоумение и гнев. Дорожка шириной в полметра, расчищенная среди кусков человечьего и собачьего мяса, вела к камину, заваленному костями, на которых еще болтались остатки плоти. Жаслен осторожно вступил на нее, сказав себе, что эту тропку наверняка проторил убийца, и обернулся. Стоя спиной к камину, он обвел взглядом гостиную площадью, вероятно, шестьдесят квадратных метров. Вся поверхность ковролина была покрыта завитками кровоподтеков, образующими тут и там затейливые узоры. Сами клочки плоти, красного цвета, переходившего местами в черный, казалось, были раскиданы не как придется, а выложены сложносочиненным орнаментом – трудновато будет собрать этот пазл, подумал Жаслен. Увы, явных следов убийца не оставил, орудуя весьма методично: разрезав тела на лоскуты, он сначала распределил их по углам комнаты, потом начал постепенно продвигаться к центру, не занимая при этом ведущую к выходу дорожку. Надо попытаться при помощи фотографий воссоздать общий рисунок. Жаслен взглянул на сотрудников криминалистической экспертизы, – один из них все так же, не сходя с места, раскачивался из стороны в сторону, как безумный, другой же, пытаясь совладать с собой, вынул из футляра фотоаппарат с цифровым задником, но пока что просто размахивал им, не в силах, судя по всему, нажать на спуск. Жаслен включил мобильник.

– Кристиан? Это Жан-Пьер. Хочу попросить тебя об услуге.

– Слушаю.

– Будь добр, забери отсюда парней из экспертизы, во-первых, они совсем вышли из строя, и потом, тут нужны особые фотки. Они обычно ограничиваются крупными планами, а мне пригодились бы общие виды разных участков комнаты и, если удастся, комнаты целиком. Все равно сейчас до них не достучаться, пусть для начала слегка придут в себя.

– Ладно, сделаем… Кстати, наша бригада скоро приедет. Они звонили от съезда на Монтаржи, будут тут минут через десять.

Жаслен в задумчивости нажал на отбой: этот мальчишка не уставал удивлять его. Его бригада явится в полном составе всего через несколько часов после происшествия, и возможно, даже на личных автомобилях; неприметная внешность и уязвимость Фербера были явно обманчивыми, он железной рукой управлял своей командой и, пожалуй, являлся лучшим руководителем оперативной группы, которого Жаслен когда бы то ни было имел под своим

началом. Через две минуты он его увидел, Фербер бесшумно появился в гостиной и, легонько похлопав по плечу горе-экспертов, галантно увлек их к выходу. Жаслен подошел уже к концу своей карьеры, ему осталось служить год с чем-то, возможно, удастся растянуть этот срок до двух-трех лет, ну максимум до четырех. В глубине души он знал – тем более что во время их бесед, дважды в месяц, дивизионный комиссар порой даже высказывал это вслух, – что теперь от него ждали не столько раскрытия преступлений, сколько указания преемников, которые будут их раскрывать, придя ему на смену.

Фербер вышел, уводя экспертов; Жаслен остался один. Уже почти совсем стемнело, но ему не хотелось зажигать свет, он чувствовал, сам не зная, как это объяснить, что преступление было совершено среди бела дня. Тишина стояла нереальная. Откуда же у него взялось ощущение, что в этом деле было нечто, имеющее к нему прямое отношение, касающееся лично его? Жаслен снова посмотрел на сложный орнамент, выведенный на полу гостиной фрагментами плоти. Он испытывал даже не отвращение, а скорее какую-то всеобъемлющую жалость ко всему свету и к человечеству, которое может порождать в лоне своем таких монстров. Вообще-то он удивился, что может вынести это зрелище, вогнавшее в дрожь видавших виды спецов из Службы криминалистической экспертизы. Год назад, понимая, что ему становится порой не по себе на месте преступления, он отправился в буддистский центр в Венсене, спросить, нельзя ли заняться у них асубхой, медитацией на трупах. Дежурный лама сначала попытался разубедить его: эта медитация, уверял он, слишком трудна и не подходит для западной ментальности. Но стоило Жаслену сообщить, кем он работает, как тот замолк, попросив время на размышление. Через несколько дней он сказал Жаслену по телефону, что в его конкретной ситуации асубха, пожалуй, целесообразна. В Европе этой медитацией не занимаются, считая, что она противоречит местным санитарным нормативам; но лама готов был дать ему адрес монастыря на Шри-Ланке, где иногда принимают европейцев. Жаслен посвятил этому занятию две недели своего отпуска, найдя в конце концов (это оказалось сложнее всего) авиакомпанию, которая согласилась взять на борт собаку. Каждое утро жена отправлялась на пляж, а он шел туда, где складывали свежие трупы, не принимая никаких мер против хищных животных и насекомых. Таким образом ему удалось, максимально напрягая свои ментальные возможности, последовать заповедям Будды, изложенным в его проповеди о сосредоточении: сосредоточенно созерцать посиневший труп, сосредоточенно созерцать гноящийся труп, сосредоточенно созерцать изуродованный труп, сосредоточенно созерцать труп, изъеденный червями. На каждом этапе следовало повторять по сорок восемь раз: «Это мой удел, удел всего человечества, мне его не избежать».

Фербер вышел, уводя экспертов; Жаслен остался один. Уже почти совсем стемнело, но ему не хотелось зажигать свет, он чувствовал, сам не зная, как это объяснить, что преступление было совершено среди бела дня. Тишина стояла нереальная. Откуда же у него взялось ощущение, что в этом деле было нечто, имеющее к нему прямое отношение, касающееся лично его? Жаслен снова посмотрел на сложный орнамент, выведенный на полу гостиной фрагментами плоти. Он испытывал даже не отвращение, а скорее какую-то всеобъемлющую жалость ко всему свету и к человечеству, которое может порождать в лоне своем таких монстров. Вообще-то он удивился, что может вынести это зрелище, вогнавшее в дрожь видавших виды спецов из Службы криминалистической экспертизы. Год назад, понимая, что ему становится порой не по себе на месте преступления, он отправился в буддистский центр в Венсене, спросить, нельзя ли заняться у них асубхой, медитацией на трупах. Дежурный лама сначала попытался разубедить его: эта медитация, уверял он, слишком трудна и не подходит для западной ментальности. Но стоило Жаслену сообщить, кем он работает, как тот замолк, попросив время на размышление. Через несколько дней он сказал Жаслену по телефону, что в его конкретной ситуации асубха, пожалуй, целесообразна. В Европе этой медитацией не занимаются, считая,

что она противоречит местным санитарным нормативам; но лама готов был дать ему адрес монастыря на Шри-Ланке, где иногда принимают европейцев. Жаслен посвятил этому занятию две недели своего отпуска, найдя в конце концов (это оказалось сложнее всего) авиакомпанию, которая согласилась взять на борт собаку. Каждое утро жена отправлялась на пляж, а он шел туда, где складывали свежие трупы, не принимая никаких мер против хищных животных и насекомых. Таким образом ему удалось, максимально напрягая свои ментальные возможности, последовать заповедям Будды, изложенным в его проповеди о сосредоточении: сосредоточенно созерцать посиневший труп, сосредоточенно созерцать гноящийся труп, сосредоточенно созерцать изуродованный труп, сосредоточенно созерцать труп, изъеденный червями. На каждом этапе следовало повторять по сорок восемь раз: «Это мой удел, удел всего человечества, мне его не избежать».

Теперь Жаслен понял, что асубха увенчалась оглушительным успехом, настолько, что он готов был порекомендовать ее каждому полицейскому. При этом он вовсе не заделался буддистом, и хотя инстинктивное чувство отвращения при виде трупа значительно уменьшилось, он продолжал испытывать ненависть к убийце, ненависть и страх, ему не терпелось уничтожить преступника, смести его с лица земли. Выйдя наружу и окунувшись в лучи заходящего солнца, освещавшего равнину, он обрадовался, что эта ненависть, незаменимая для успешной работы полицейского, никуда не делась. Рациональная мотивация, а именно поиск истины, как правило, не спасала, хотя в данном случае она была чрезвычайно сильной. Он ощущал присутствие сложнейшего, чудовищного, но рационального сознания, – вероятно, это дело рук шизофреника. Придется, вернувшись в Париж, просмотреть картотеку serial killers и, возможно, послать запрос в зарубежные базы данных, – насколько он помнил, похожего дела на территории Франции никогда не отмечалось.

Снаружи он увидел Фербера, раздававшего указания своим людям; задумавшись, он не услышал, как подъехали машины. Высокого типа в костюме и при галстуке он не знал, видимо, это был помощник прокурора из Монтаржи. Он подождал, пока Фербер закончит распределять задания, и повторил, что ему необходимы снимки места преступления, самые общие планы.

– Я возвращаюсь в Париж, – объявил он затем. – Поедешь со мной, Кристиан?

– Да, тут уже все пойдет своим ходом. Соберемся завтра утром?

– Только не очень рано. Давай часов в двенадцать. Он знал, что допоздна засидится за работой, до самого рассвета, никуда не деться.

4

Когда они выехали на A10, уже стемнело. Фербер выставил круиз-контроль на 130 и спросил, не против ли комиссар, если он включит музыку; Жаслен ответил, что нет, не против. Возможно, нет другой такой музыки, как последние минуты этой камерной вещи Листа, которая так хорошо бы выразила тихое похоронное чувство старика, чьи друзья давно умерли, жизнь подошла к концу, и он сам принадлежит уже скорее к прошлому, угадывая в свою очередь приближение смерти, хотя видит в ней сестру, подругу, надежду на возвращение в родной дом. В середине «Молитвы ангелам-хранителям» он вдруг снова вспомнил юность и студенческие годы.

По иронии судьбы Жаслен прервал после первого курса свое медицинское обучение как раз потому, что не выносил препарирования трупов, его воротило от одного их вида. Право сразу увлекло его, и, по примеру почти всех своих соучеников, он собирался стать адвокатом, но

после развода родителей быстро передумал. Они развелись, когда ему, их единственному ребенку, исполнилось двадцать три года. Когда расходится молодая пара с детьми, которых оба так или иначе любят, встает вопрос о совместной опеке, что смягчает агрессивность конфликта; если же расстаются люди на склоне лет и общие интересы касаются исключительно финансов и имущества, ярость схватки не знает границ. Он понял тогда, что такое адвокат, и смог оценить по достоинству смесь надувательства и нерадивости, к которой сводится поведение профессионального адвоката и особенно адвоката, специализирующегося на разводах. Сама процедура заняла более двух лет, двух лет беспрестанной борьбы, в результате чего его родители так рьяно возненавидели друг друга, что больше никогда не только не увиделись, но даже не созвонились до самой смерти, и все это ради того, чтобы получить тошнотворно банальное свидетельство о расторжении брака, которое мог написать любой дурак за пятнадцать минут после прочтения «Развода для чайников». Еще спасибо, не раз думал он, что супруги на стадии развода не убивают свою половину собственными руками или наняв профессионального киллера. Боязнь жандарма, понял он в итоге, – вот на самом деле истинная основа человеческого общества, и поэтому он, вполне естественно, записался на внешний конкурс на замещение должности комиссара полиции. Он был принят в числе первых и, будучи парижанином, прошел годичную стажировку в комиссариате XIII округа. Скучать ему не приходилось. Все дела, которые он вел в дальнейшем, не превосходили по сложности и непостижимости разборки в среде китайской мафии*, с которыми он столкнулся в самом начале своей карьеры.

* В XIII округе находится один из двух китайских кварталов Парижа.

Многие студенты Школы полиции в Сен-Сир-о-Мон-д’Ор мечтали попасть в уголовный розыск, иногда с самого детства, некоторые ради этого и пошли в полицию, но конкуренция была жесткая, поэтому Жаслен страшно удивился, что его просьба о переводе на набережную Орфевр была удовлетворена по прошествии всего пяти лет верной службы в районных комиссариатах. Незадолго до этого он начал совместную жизнь с женщиной, которая, когда они познакомились, занималась экономикой и собиралась преподавать – недавно она получила место ассистента кафедры в университете Пари-Дофин; как бы то ни было, он не собирался ни жениться, ни паксоваться*, развод родителей оставил в его душе неизгладимый след. – Тебя завезти? – тихо спросил Фербер.

* От аббревиатуры ПАКС (PACS) – «Пакт гражданской солидарности» – принятый во Франции в 1999 г. закон о возможности заключить договор между двумя совершеннолетними людьми для ведения совместной жизни без вступления в брак.

Они доехали уже до Порт-д’Орлеан. Жаслен вдруг понял, что за все время пути они не обменялись ни единым словом; уйдя в свои мысли, он даже не заметил, как они останавливались у платежных терминалов на дороге. Впрочем, еще рано пока говорить о деле; с ним надо было ночь переспать, утро вечера мудренее, шок от увиденного немного смягчится. При этом он не обольщался: учитывая зверский характер преступления и тот факт, что убитый оказался известным человеком, давить на них начнут очень быстро, знай уворачивайся. Пресса еще не прознала о случившемся, но это затишье продлится всего одну ночь; сегодня же вечером придется позвонить дивизионному комиссару на мобильник. А тот, будьте уверены, тут же наберет префекта.

Жаслен жил на улице Жоффруа Сент-Илера, почти на углу Поливо, в двух шагах от Ботанического сада. Ночью, во время поздних прогулок, до них доносился иногда трубный рев слонов и впечатляющий рык хищников – львов, пантер, пум? По голосу узнать было сложно. Слаженный вой волков, повергавший Мишу, их болонку, в непреодолимый атавистический ужас, был особенно явственно слышен в полнолуние. Детей у них не было. Поскольку они вели,

как говорится, «регулярную половую жизнь» и Элен «не принимала никаких мер предосторожности», они собрались спустя несколько лет после того, как съехались, обратиться к врачу. Довольно унизительные, но зато быстро проведенные обследования показали, что у него олигоспермия. Название заболевания в его случае звучало более чем эвфемистически: его семенная жидкость, весьма умеренного количества, надо сказать, отличалась не просто аномально низкой концентрацией сперматозоидов, в ней не было сперматозоидов вообще. Причины олигоспермии могут быть самыми разнообразными: варикоцеле, расширение вен семенного канатика, атрофия яичек, гормональный дефицит, хроническое воспаление простаты, грипп и так далее. Зато она, по идее, никак не влияет на мужскую потенцию. У некоторых мужчин, производящих очень мало или совсем не производящих сперматозоидов, стоит как у жеребцов, а у других, без пяти минут импотентов, столь обильные и фертильные эякуляты, что они играючи могут удвоить население Западной Европы; сочетание двух этих качеств – необходимое и достаточное условие для соответствия образу мужского идеала, разрекламированного порнофильмами. Жаслен не мог похвастаться столь безупречной комбинацией: ему еще удавалось, в свои пятьдесят с хвостиком, утешить супругу крепкой и долгой эрекцией, но оросить ее фонтаном спермы, если бы ей вдруг приспичило, он был уж точно не в состоянии; его эякуляция если и имела место, то легко умещалась в чайной ложечке.

Олигоспермия, основная причина мужского бесплодия, в общем, не поддается лечению. Им оставалось два варианта: позаимствовать сперматозоиды у донора или усыновить ребенка. Вернувшись несколько раз к этому вопросу, они решили ничего не предпринимать. Элен, по правде говоря, не так уж и хотела детей и в итоге сама предложила ему завести собаку. Жалуясь на декадентство и падение рождаемости у французов (уже имевшее место в тридцатых годах), писатель-фашист Дрие ла Рошель передразнивает декадентскую чету своего времени приблизительно в таком духе: «И потом, Кики, нашей собачки, нам вполне хватает для развлечения…» Элен в итоге призналась мужу, что придерживается именно такой точки зрения: с собакой так же забавно, как с ребенком, и даже гораздо забавнее, чем с ребенком, и если она и собиралась раньше иметь детей, то только из конформизма, ну еще в какой-то степени чтобы порадовать маму, но в сущности детей не любит, в сущности она никогда особо их не любила, да и он детей не любил, если вдуматься, не любил за их неистребимый природный эгоизм, тупое неуважение к закону и врожденную безнравственность, вынуждающую прибегать к изнурительному и почти всегда безуспешному воспитанию. Нет, детей, по крайней мере человеческих, он определенно не любил.

Он услышал какое-то поскрипывание справа и осознал внезапно, что они стоят у его дома, и, судя по всему, уже давно. Освещенная фонарями улица Полива была безлюдна.

– Извини, Кристиан, – смущенно проговорил он, – я… задумался.

– Нестрашно.

Еще совсем рано, девять часов, удивился он, поднимаясь по лестнице, возможно, Элен дождалась его с ужином. Она любила готовить, и случалось, воскресным утром он ходил с ней вместе за покупками на рынок Муфтар, неизменно поддаваясь очарованию этого чисто парижского уголка с маленьким скверико м у церкви Сен-Медар с петушком на колокольне, как у деревенской церквушки.

И точно, когда он добрался до четвертого этажа, его встретил завлекательный аромат кролика в горчичном соусе и радостный лай Мишу, узнавшего его шаги. Он повернул ключ в замке; старая супружеская пара, подумал он, традиционная пара, непривычная модель для их

поколения в десятых годах этого века, говорят, правда, она снова становится идеалом молодежи, хоть и недостижимым. Он сознавал, что живет на уникальном островке чистого блаженства и покоя, сознавал, что они свили себе уютное гнездышко, по-детски дружелюбное, надежно защищенное от шума внешнего мира, а также от варварства и насилия, с которыми он ежедневно сталкивался на работе. Они были счастливы вместе; они были все еще счастливы вместе и, видимо, еще будут счастливы, пока смерть не разлучит их.

Он взял на руки Мишу, который прыгал и тявкал от радости, и поднял его к самому лицу; маленькое тельце замерло в полном экстазе. Болонки известны с древних времен (статуэтки болонок были обнаружены в гробнице фараона Рамзеса и), но своим появлением при дворе Франциска I болонка обязана герцогу Феррарскому; его подарок, с нагрузкой в виде двух миниатюр Корреджо, пришелся очень по душе французскому суверену, который заявил, что собачка «милее сотни девственниц», и оказал герцогу военную помощь, решившую исход завоевания Мантуанского герцогства. В дальнейшем болонка стала любимицей нескольких королей Франции, в том числе Генриха II, а потом ее свергли мопсы и пудели. В отличие от других собак, таких как шелти и тибетский терьер, слишком поздно получивших титул друга человека и имевших за плечами тяжкое прошлое работяг, у болонок, судя по всему, никогда не было иного смысла в жизни, кроме как приносить людям счастье и радость. Болонки и по сей день исправно выполняют свою миссию, они терпеливы с детьми, ласковы со стариками, и так из поколения в поколение. Они ужасно страдают от одиночества, и, покупая болонку, это надо обязательно принимать во внимание: даже при непродолжительном отсутствии хозяев песик решит, что его бросили, и весь его мир, структура и суть его мира рухнут в одночасье, его замучают приступы жестокой депрессии, он начнет отказываться от еды, одним словом, крайне нежелательно оставлять его одного, даже на несколько часов. С этим наконец смирился парижский университет, и Элен позволили брать с собой Мишу на лекции, точнее говоря, это вошло у нее в привычку, хотя формального разрешения она так и не получила. Мишу тихонько сидел в своей сумке, иногда деликатно ерзая, чтобы попроситься наружу. Тогда Элен вынимала его, к неизменной радости студентов. Мишу прохаживался по столу, бросая порой взгляды на хозяйку и отзываясь зевотой или легким тявканьем на ту или иную цитату из Шумпетера и Кейнса, и возвращался обратно в сумку с эластичными стенками. Зато авиакомпании, организации по сути своей фашистские, наотрез отказывались проявлять подобную толерантность, так что им пришлось с сожалением отказаться от дальних странствий. Каждое лето, в августе, они отправлялись путешествовать на машине по Франции и сопредельным странам, не дальше. Поскольку пространство внутри автомобиля традиционно приравнивается законодательством к домовладению, оно стало для хозяев домашних животных, да и для курильщиков, одним из последних прибежищ свободы, последних зон временной автономии, дарованных людям в начале третьего тысячелетия.

Мишу был не первой их болонкой – Мишеля, его предшественника и отца, они купили вскоре после того, как врачи сообщили Жаслену, что его бесплодие, возможно, неизлечимо. Они были очень счастливы вместе, так счастливы, что чуть не сошли с ума, когда у Мишеля, в возрасте восьми лет, обнаружили дирофиляриоз. Дирофиляриоз – паразитарное заболевание, вызываемое круглыми червями нематодами, которые локализуются в правом желудочке сердца и легочных артериях. Среди симптомов отмечены повышенная утомляемость, кашель и сердечная недостаточность, приводящая иногда к потере сознания. Лечение сопряжено с известным риском: порой в сердце собаки сосуществуют десятки паразитов, некоторые из них достигают тридцати сантиметров. В течение нескольких дней они всерьез опасались за него. Собака – это что-то вроде вечного ребенка, только более послушного и ласкового, который перестает развиваться по достижении сознательного возраста, но главное, такого ребенка родители наверняка переживут: отважиться на любовь к собаке – это значит полюбить существо, зная, что вы его неминуемо лишитесь, но, как ни странно, до того, как Мишель

заболел, они об этом не задумывались. Когда он выздоровел, они решили заняться его потомством. Собаководы отнеслись к их идее весьма сдержанно: хозяева слишком поздно хватились, собака состарилась, и, возможно, качество ее сперматозоидов ухудшилось. В конце концов один из собаководов, в районе Фонтенбло, согласился им помочь, и от союза Мишеля с юной сучкой по имени Лиззи Леди де Ортебиз родились два щенка, девочка и мальчик. Будучи владельцами, так сказать, племенного кобеля, они имели право первыми выбрать щенка. Они взяли мальчика и назвали его Мишу. У него не было явных изъянов, и, к их удивлению, отец очень ласково принял его, не выразив никакой особой ревности.

Через несколько недель они отметили тем не менее, что яички Мишу все еще не опустились, и это было уже ненормально. Они обратились к одному ветеринару, потом к другому: оба сошлись на том, что виной всему пожилой возраст производителя. Второй врач рискнул предложить хирургическое вмешательство, но потом спохватился, объяснив, что это опасно и почти невыполнимо. Для них это известие было страшным ударом, пострашнее даже, чем бесплодие самого Жаслена. У бедного песика никогда не будет потомства, более того, он не познает сексуального влечения и удовлетворения. Он станет неполноценным псом, не способным подарить жизнь, глухим к зову природы и не имеющим продолжения в истории.

Мало-помалу они смирились с этой мыслью, отдавая при этом себе отчет, что Мишу отнюдь не страдает от вынужденного отсутствия половой жизни. Впрочем, среди собак ведь нет гедонистов и распутников, любой вид эротических изысков им чужд, и удовлетворение, которое они испытывают в момент коитуса, не более чем краткое и механическое утоление инстинкта продолжения рода. Стремление к доминированию у болонки и без того незначительно, а уж Мишу, свободный от необходимости передачи генома, стал еще покорнее и ласковее, веселее и невиннее, чем его отец. Он превратился в их талисман, безобидный и безгрешный, а его жизнь в свою очередь зависела от жизни обожаемых хозяев, источника его постоянной чистой радости. Тогда Жаслену было около пятидесяти. Глядя порой, как это миниатюрное существо забавляется с плюшевыми игрушками на ковре в гостиной, он незаметно для себя погружался в мрачные раздумья. Впитав идеи, модные среди людей его поколения, он до сих пор полагал, что сексуальность – позитивная сила, первопричина человеческих связей, повышающих взаимопонимание бесхитростным путем обоюдного удовольствия. Теперь он все чаще и чаще рассматривал ее как борьбу, жестокую схватку за доминирование с целью устранения соперника, сведенную к приумножению спорадических соитий, лишенных всякого иного смысла, кроме обеспечения максимального распространения генов. Он видел в ней корень всех конфликтов, массовых убийств и страданий. Сексуальность теперь представлялась ему непосредственным и очевидным проявлением зла. Служба в полиции лишь укрепила его в этом мнении: мотивом всех преступлений были если не деньги, то секс, третьего не дано, словно человечеству не хватило воображения изобрести что-то новенькое, хотя бы в области криминала. Дело, доставшееся им сейчас, показалось ему на первый взгляд оригинальным, впервые за последние три года, по меньшей мере. Тошнотворное однообразие побудительных причин, толкающих человека на правонарушение, было невыносимо. Как и многие его коллеги, Жаслен редко читал детективы; но в прошлом году ему попалась одна книга, даже не роман, а просто воспоминания бывшего частного сыщика, описавшего свои будни и работу в Бангкоке в форме трех десятков коротких новелл. Почти в каждом случае его клиентами оказывались приезжие с Запада, потерявшие голову из-за юной тайки и желавшие знать, была ли она, как уверяла, верна им в их отсутствие. И почти в каждом случае у тайки обнаруживался целый набор любовников, с которыми она с легким сердцем проматывала их деньги, а частенько и ребенок, оставшийся от прошлых связей. В каком-то смысле это было весьма посредственное сочинение, уж как минимум никудышный детектив: фантазия у автора отсутствовала полностью, он не пытался даже разнообразить мотивы преступлений и интриги; с другой стороны, именно эта изнуряющая монотонность придавала

тексту уникальный аромат подлинности и реализма.

Мало-помалу они смирились с этой мыслью, отдавая при этом себе отчет, что Мишу отнюдь не страдает от вынужденного отсутствия половой жизни. Впрочем, среди собак ведь нет гедонистов и распутников, любой вид эротических изысков им чужд, и удовлетворение, которое они испытывают в момент коитуса, не более чем краткое и механическое утоление инстинкта продолжения рода. Стремление к доминированию у болонки и без того незначительно, а уж Мишу, свободный от необходимости передачи генома, стал еще покорнее и ласковее, веселее и невиннее, чем его отец. Он превратился в их талисман, безобидный и безгрешный, а его жизнь в свою очередь зависела от жизни обожаемых хозяев, источника его постоянной чистой радости. Тогда Жаслену было около пятидесяти. Глядя порой, как это миниатюрное существо забавляется с плюшевыми игрушками на ковре в гостиной, он незаметно для себя погружался в мрачные раздумья. Впитав идеи, модные среди людей его поколения, он до сих пор полагал, что сексуальность – позитивная сила, первопричина человеческих связей, повышающих взаимопонимание бесхитростным путем обоюдного удовольствия. Теперь он все чаще и чаще рассматривал ее как борьбу, жестокую схватку за доминирование с целью устранения соперника, сведенную к приумножению спорадических соитий, лишенных всякого иного смысла, кроме обеспечения максимального распространения генов. Он видел в ней корень всех конфликтов, массовых убийств и страданий. Сексуальность теперь представлялась ему непосредственным и очевидным проявлением зла. Служба в полиции лишь укрепила его в этом мнении: мотивом всех преступлений были если не деньги, то секс, третьего не дано, словно человечеству не хватило воображения изобрести что-то новенькое, хотя бы в области криминала. Дело, доставшееся им сейчас, показалось ему на первый взгляд оригинальным, впервые за последние три года, по меньшей мере. Тошнотворное однообразие побудительных причин, толкающих человека на правонарушение, было невыносимо. Как и многие его коллеги, Жаслен редко читал детективы; но в прошлом году ему попалась одна книга, даже не роман, а просто воспоминания бывшего частного сыщика, описавшего свои будни и работу в Бангкоке в форме трех десятков коротких новелл. Почти в каждом случае его клиентами оказывались приезжие с Запада, потерявшие голову из-за юной тайки и желавшие знать, была ли она, как уверяла, верна им в их отсутствие. И почти в каждом случае у тайки обнаруживался целый набор любовников, с которыми она с легким сердцем проматывала их деньги, а частенько и ребенок, оставшийся от прошлых связей. В каком-то смысле это было весьма посредственное сочинение, уж как минимум никудышный детектив: фантазия у автора отсутствовала полностью, он не пытался даже разнообразить мотивы преступлений и интриги; с другой стороны, именно эта изнуряющая монотонность придавала тексту уникальный аромат подлинности и реализма.

– Жан-Пьер! – Голос Элен донесся до него как сквозь пелену, и, встрепенувшись, он вдруг увидел, что жена стоит в метре от него с распущенными волосами и в домашнем платье. Он по-прежнему сжимал Мишу в руках, подняв его до середины груди, трудно сказать, сколько он так просидел; песик смотрел на него с изумлением, но бесстрашно. – Ты в порядке? У тебя странный вид.

– На меня тут свалилось одно диковинное дело. Элен замолчала, ожидая продолжения. За двадцать пять лет их совместной жизни муж почти никогда не делился с ней своими служебными заботами. Сталкиваясь ежедневно с ужасами, зашкаливающими за обычный порог восприятия, подавляющее большинство полицейских, возвращаясь домой, предпочитают молчать о них. Возможность проветрить голову или хотя бы попытаться проветрить голову, дав себе передышку на несколько часов, – лучшая индивидуальная профилактика. Некоторые сразу начинают выпивать, заканчивая ужин в состоянии полного алкогольного отупения, и потом способны разве что дотащиться до койки. Остальные, в основном молодежь, не

отказывают себе в постельных утехах, и обезображенные трупы со следами пыток в конце концов исчезают из их сознания в пылу объятий. Но и те и другие очень редко что-то рассказывают, вот и Жаслен, спустив с колен Мишу, направился к столу и, сев на свое место, стал ждать, когда жена принесет тертый сельдерей под соусом ремулад – он обожал тертый сельдерей под соусом ремулад.

5

На следующий день он отправился на работу пешком, свернув на улицу Фоссе-Сен-Бернар и неторопливо пройдясь по набережным. Долго простоял у моста Архиепископства: отсюда, по его мнению, открывался самый красивый вид на Нотр-Дам. Стояло погожее октябрьское утро, воздух был прозрачен и свеж. Он задержался еще на несколько мгновений у сквера Иоанна XXIII, разглядывая гуляющих, как правило, парами, туристов и гомосексуалистов, которые целовались или прохаживались рука об руку.

Фербер, прибыв в офис почти одновременно с комиссаром, поравнялся с ним на лестнице возле пропускного пункта на четвертом этаже. Никогда на набережной Орфевр не установят лифт, обреченно подумал Жаслен; он заметил, что Фербер нарочно замедляет шаг, пытаясь не слишком обгонять его на последнем участке подъема.

В рабочей комнате к ним раньше всех присоединился Лартиг. Он очень плохо выглядел, смуглое гладкое лицо южанина было напряженным и озабоченным, хотя в принципе он не мог пожаловаться на отсутствие оптимизма; Фербер возложил на него сбор свидетельских показаний. – Полный облом, – сразу же объявил он. – Дырка от бублика. Никто ничего не слышал и не видел. В деревне даже не засекли чужой машины за последние несколько недель…

Через пару минут вошел Мессие и, поздоровавшись со всеми, скинул с правого плеча рюкзак прямо на стол. Ему было всего двадцать три; он поступил в бригаду полгода назад и стал младшим в команде. Ферберу он нравился, поэтому он закрывал глаза на некоторую небрежность в одежде – Мессие не вылезал из спортивных штанов, трикотажного свитера и холщовой куртки, что, правда, плохо вязалось с его угловатым строгим лицом, которое крайне редко освещала улыбка; и если Фербер иногда и советовал ему пересмотреть концепцию своего гардероба, то чисто по-дружески. Мессие отправился к автомату за колой-лайт и только потом доложил о результатах своего расследования. Он как-то осунулся, создавалось впечатление, что он провел бессонную ночь.

– С мобильником никаких проблем, – заявил он, – там даже пин-кода нет. Но и интереса он особого не представляет. Разговоры с издательницей и еще с двумя типами – один привозил ему мазут, другой собирался ставить стеклопакеты… сплошь деловые и профессиональные контакты. Такое впечатление, что у мужика не было личной жизни.

В каком-то смысле удивление Мессие было неуместным: распечатка его собственных телефонных разговоров дала бы сходные результаты. Правда, в его в планы не входило пасть жертвой убийцы; почему-то принято считать, что нечто в биографии жертвы мотивирует и объясняет убийство; что в ней происходит или произошло, пусть в самом отдаленном ее закоулке, что-то интересное.

– А вот компьютер – другое дело, – продолжал он. – Во-первых, в нем два последовательных пароля, довольно заковыристых, со строчными буквами и навороченными знаками препинания… Кроме того, все файлы зашифрованы недетским таким протоколом SSL Double

Layer*, длиной 128 бит. Короче, я запутался, и отослал все в BEFTI**. Он что, шизик был, наш клиент?

* SSL (от англ. Secure Sockets Layer, протокол защищенных сокетов) – криптографический протокол, обеспечивающий безопасную передачу данных.

** BEFTI – Бригада расследования компьютерного мошенничества.

– Он был писатель, – заметил Фербер. – Хотел, видимо, защитить свои тексты от пиратов.

– Ага, как же! – Мессие этот довод явно не убедил. – Судя по уровню защиты, он скорее обменивался педофильскими видео.

– Одно другому не мешает, – здраво рассудил Жаслен.

От этого немудреного замечания, сделанного без всякой задней мысли, присутствующие окончательно приуныли, осознав внезапно всю прискорбную запутанность этого дела. Что и говорить, они остались у разбитого корыта: ни мотива, ни свидетеля, ни малейшего следа. Судя по всему, эта история станет очередным висяком без единой зацепки, который если и дождется разгадки через много лет, то только по чистой случайности, – например, рецидивист, арестованный за другое преступление, неожиданно признается по ходу допроса еще в одном убийстве.

Появление Орели вывело их из оцепенения. Это была красивая девушка с кудрявыми волосами и веснушчатым лицом. Жаслен считал, что она слишком безалаберна, необязательна и на нее нельзя положиться на все сто, если работа требует особой точности исполнения; зато она оказалась девушкой активной, в неизменно веселом расположении духа, что высоко ценилось в мужском коллективе. Орели получила из Криминалистической экспертизы первые заключения. Прежде всего она протянула Жаслену объемистую папку: «Вот фотки, которые ты просил». Там было штук пятьдесят оттисков на глянцевой бумаге формата А4. Каждый из них соответствовал определенному участку пола в гостиной, где произошло убийство, площадью чуть более квадратного метра. Фотографии, предельно отчетливые, хорошо экспонированные, без тени, снятые практически по вертикали, лишь слегка наползали друг на друга и очень точно воспроизводили всю поверхность пола. Орели принесла также предварительные экспертные заключения об орудии усекновения голов как человека, так и собаки, произведенного, по всеобщему мнению, с невероятной тщательностью и аккуратностью: кровь почти не брызнула в стороны, хотя диван, по идее, должен был пропитаться ею полностью. Убийца использовал лазерный скальпель, довольно затейливый инструмент вроде маслорезки, где роль струны играет аргоновый лазер, который разрезает плоть, прижигая раны по мере поступления. Такое оборудование стоимостью несколько десятков тысяч евро можно обнаружить исключительно в хирургических отделениях больниц, где его используют для ампутации конечностей. Да и при расчленении тела, судя по безупречной четкости разрезов, преступник прибег к профессиональному хирургическому инструментарию.

Одобрительный шепот заполнил помещение.

– То есть мы ищем убийцу в медицинской среде? – уточнил Лартиг.

– Ну допустим, – сказал Фербер. – Так или иначе, надо проверить больницы, вдруг где-то недосчитались такого аппарата; убийца мог, конечно, позаимствовать лазер на несколько дней.

– Какие больницы? – спросила Орели.

– Для начала все больницы Франции. Ну и клиники, само собой. Кроме того, надо опросить производителей, не зарегистрировали ли они за последние годы подозрительные продажи в частные руки. Полагаю, производителей такого рода медтехники не так уж много?

– Один-единственный. Единственный во всем мире. Это датское предприятие.

Появился Мишель Хури, и его быстро ввели в курс дела. Ливанец по происхождению, фривольный толстячок, он был ровесником Фербера, но внешне полной его противоположностью; правда, им обоим было свойственно редкое для полицейских качество – они внушали доверие и, следовательно, без особых усилий добивались самых интимных признаний. В это утро Хури занимался оповещением и допросом близких покойного.

– Ну что касается близких, если их можно так назвать… – начал он, – писатель был явно очень одиноким человеком. Дважды разведен, один ребенок, с которым он совсем не виделся. Собственно, последние десять лет он не общался ни с кем из родственников. В любовных связях не замечен. Надеюсь, мы что-то поймем, проверив распечатку его телефонных разговоров, но пока что я обнаружил всего два имени: Тереза Кремизи, его издательница, и Фредерик Бегбедер, коллега-писатель. И вот еще что: я утром звонил Бегбедеру, он был ужасно подавлен, и, как мне показалось, вполне искренне, но уверял, что последние два года они не виделись. Как ни удивительно, они оба утверждают, что у покойного была куча врагов. Я должен с ними увидеться сегодня во второй половине дня, может, выясню что-нибудь еще.

– Куча врагов… – задумчиво вмешался Жаслен. – Странно, обычно у жертв не бывает никаких врагов, наоборот, создается впечатление, что их все обожали… Надо будет пойти на похороны. Я догадываюсь, что теперь это не очень принято, но там можно узнать много полезного. На похороны иногда являются не только друзья, но и враги, словно им это доставляет удовольствие.

– Кстати, – заметил Фербер, – нам известно, от чего он умер? Что конкретно послужило причиной смерти?

– Нет, – ответила Орели, – надо подождать… пока они вскроют куски тела.

– Ну не расчленяли же его живьем?

– Нет, что вы. Это долгий процесс, за час не управиться. – Она вздрогнула и поежилась.

После чего они расстались и каждый занялся своим делом. Фербер и Жаслен остались в офисе одни. Совещание закончилось лучше, чем началось: теперь у всех была своя задача; на след они пока не напали, но обозначилось хотя бы направление поисков.

– В прессу пока ничего не просочилось, – сказал Фербер. – Никто не в курсе.

– Надо же, – отозвался Жаслен, глядя на баржу, медленно плывущую по Сене. – Я лично был уверен, что это произойдет сразу.

6

Это произошло на следующий день. «Зверски убит писатель Мишель Уэльбек» – под таким заголовком «Ле Паризьен», не вдаваясь в детали, посвятила происшествию полколонки. Другие газеты отдали под эту новость приблизительно столько же места, но информации в них

содержалось не больше, как правило, они пересказывали своими словами коммюнике прокурора Республики из Монтаржи. Никто, судя по всему, не послал корреспондента на место событий. Позже появились высказывания по этому поводу разных знаменитостей, в том числе министра культуры: все как один уверяли, что «убиты горем» или, как минимум, «глубоко опечалены», и отдавали дань памяти «художнику огромного таланта, чье имя навсегда останется в наших сердцах», – короче, все происходило по традиционной схеме кончины известного человека, с приличествующим делу согласным причмокиванием и привычной ахинеей, и толку от всего этого было крайне мало.

Встречи с Терезой Кремизи и Фредериком Бегбедером скорее разочаровали Мишеля Хури. Однако, по его мнению, подлинность их скорби не вызывала сомнения. Жаслен вечно поражался, с какой невозмутимостью Хури делился подобными умозаключениями о том, что он лично склонен был отнести к такой чрезвычайно сложной и изменчивой области, как человеческая психология. «Она по-настоящему его любила», – заверял он либо изрекал что-то типа «подлинность их скорби не вызывает сомнения» с таким видом, будто речь шла о проверенных и общедоступных фактах; самое странное, что в ходе расследования его выводы чаще всего подтверждались. «Я разбираюсь в людях», – как-то заявил ему Хури, но в его исполнении это прозвучало как «я разбираюсь в кошках» или «я разбираюсь в компьютерах».

В общем, свидетели ничего полезного не сообщили. У Уэльбека была куча врагов, повторили они, хотя он не заслуживал такого агрессивного и жестокого к себе отношения; когда Хури попросил уточнить список врагов, Тереза Кремизи, раздраженно поведя плечами, предложила послать ему пресс-релиз. На вопрос, мог ли кто-то из врагов его убить, оба ответили резко отрицательно. Медленно, с расстановкой выговаривая каждое слово, будто обращаясь к умственно отсталому, Тереза Кремизи растолковала ему, что речь идет о литературных врагах, которые выплескивают свою ненависть на интернет-сайтах или в журнальных и газетных статьях, в худшем случае – на страницах книг, но никто из них никогда бы не пошел на физическое устранение писателя. Не столько даже из соображений морали, добавила она с явной горечью, сколько потому, что кишка тонка. Нет, заключила она, виновного (ему показалось, что у нее едва не вырвалось «к сожалению») следует искать не в литературной среде.

Бегбедер сказал приблизительно то же самое. «Я полностью полагаюсь на полицию моей страны…» – провозгласил он для начала и шумно расхохотался, будто очень удачно пошутил, но Хури на него не обиделся, писатель явно был на нервах, растерян и совершенно выбит из колеи внезапной смертью собрата по перу. Потом он заметил, что врагами Уэльбека были все козлы города Парижа. По настоянию Хури он перечислил журналистов сайта nouvelobs.com, подчеркнув, что если они сейчас и радуются, что тот перешел в мир иной, никто из них, на его взгляд, никогда не решился бы рисковать собственной шкурой. «Можете себе вообразить, чтобы Дидье Жакоб* поехал, например, на красный свет? Он на это не отважится даже на велосипеде», – заключил с видимым отвращением автор «Французского романа».

* Дидье Жакоб – журналист, литературный критик «Нувель обсерватер».

Итак, подвел итоги Жаслен, убирая оба протокола в желтую бумажную папку, заурядная профессиональная среда с заурядной завистью и мелкими дрязгами. Он засунул папку на дно архивного короба, озаглавленного «Показания», понимая, что тем самым ставит точку в графе литературная среда своего расследования и что ему вряд ли еще представится возможность пообщаться с литературной средой. Он также с болью сознавал, что следствие и не думает продвигаться. Ему наконец принесли рапорт Службы криминалистической экспертизы: и человек и пес были убиты из Sigsauer M-45, и тому и другому хватило одной пули, выпущенной в область сердца, в упор, при наличии глушителя. Но сначала их огрели тупым продолговатым

предметом, вроде бейсбольной биты. Тщательно просчитанное убийство, совершенное без избыточной жестокости. Расчленение и кромсанье тела имели место постфактум. По предварительной оценке – они провели все-таки следственный эксперимент – эта процедура длилась больше семи часов. Смерть наступила за три дня до обнаружения тела; следовательно, убийство произошло в субботу, наверное – в середине дня.

Распечатка телефонных разговоров жертвы за год, согласно закону хранящаяся у оператора, ничего не дала. В этот период времени Уэльбек почти никому не звонил; на все про все девяносто три звонка; и ни один из них, судя по всему, не носил личного характера.

7

Похороны назначили на следующий понедельник. На этот счет писатель оставил самые точные распоряжения, заверив их у нотариуса и приложив сумму, необходимую на их исполнение. Он просил, чтобы его не кремировали, а предали тело земле по классическому образцу. «Мне хочется, чтобы черви очистили мой скелет, – уточнял он, позволив себе личное замечание на более чем официальном бланке. – У нас с моим скелетом всегда были прекрасные отношения, и я счастлив, что он сможет наконец освободиться от уз плоти». Он желал быть похороненным только на монпарнасском кладбище и заблаговременно приобрел там место на тридцать лет, ничем не примечательное, оказавшееся по чистой случайности вблизи от могилы Эмманюэля Бова*.

* Эмманюэль Бов (настоящая фамилия – Бобовников; 1898-1945) – французский писатель.

Жаслен и Фербер отлично смотрелись на похоронах. От природы бледнолицему тощему Ферберу, носившему, как правило, одежду темных тонов, ничего не стоило изобразить подобающие в данных обстоятельствах скорбь и чинность; что касается Жаслена, то его измученный и смиренный вид человека, знающего жизнь и не строящего иллюзий по ее поводу, тоже пришелся весьма кстати. Они, впрочем, уже присутствовали вместе на многих похоронах, иногда жертв преступления, но в основном коллег. Некоторые из них кончали с собой, другие погибали при исполнении, и тогда церемония была чрезвычайно зрелищной: обычно их представляли к награде, которую с важным видом прицепляли к гробу в присутствии официального лица высокого ранга, чаще всего министра, и погибшим воздавались государственные почести.

Распечатка телефонных разговоров жертвы за год, согласно закону хранящаяся у оператора, ничего не дала. В этот период времени Уэльбек почти никому не звонил; на все про все девяносто три звонка; и ни один из них, судя по всему, не носил личного характера.

7

Похороны назначили на следующий понедельник. На этот счет писатель оставил самые точные распоряжения, заверив их у нотариуса и приложив сумму, необходимую на их исполнение. Он просил, чтобы его не кремировали, а предали тело земле по классическому образцу. «Мне хочется, чтобы черви очистили мой скелет, – уточнял он, позволив себе личное замечание на более чем официальном бланке. – У нас с моим скелетом всегда были прекрасные отношения, и я счастлив, что он сможет наконец освободиться от уз плоти». Он желал быть похороненным только на монпарнасском кладбище и заблаговременно приобрел там место на тридцать лет,

ничем не примечательное, оказавшееся по чистой случайности вблизи от могилы Эмманюэля Бова*.

* Эмманюэль Бов (настоящая фамилия – Бобовников; 1898-1945) – французский писатель.

Жаслен и Фербер отлично смотрелись на похоронах. От природы бледнолицему тощему Ферберу, носившему, как правило, одежду темных тонов, ничего не стоило изобразить подобающие в данных обстоятельствах скорбь и чинность; что касается Жаслена, то его измученный и смиренный вид человека, знающего жизнь и не строящего иллюзий по ее поводу, тоже пришелся весьма кстати. Они, впрочем, уже присутствовали вместе на многих похоронах, иногда жертв преступления, но в основном коллег. Некоторые из них кончали с собой, другие погибали при исполнении, и тогда церемония была чрезвычайно зрелищной: обычно их представляли к награде, которую с важным видом прицепляли к гробу в присутствии официального лица высокого ранга, чаще всего министра, и погибшим воздавались государственные почести.

Они встретились в десять утра в комиссариате VI округа; в приемных залах мэрии* по такому случаю распахнули окна, отсюда открывался замечательный вид на площадь Сен-Сюльпис. Оказывается, автор «Элементарных частиц», всю жизнь щеголявший своим непримиримым атеизмом, потихоньку крестился в церкви Куртене за полгода до смерти. Эта новость, встреченная всеобщим удивлением, вывела церковные власти из затруднительного положения: по вполне очевидным соображениям медиатического характера, им не хочется оставаться в стороне от похорон знаменитостей, но ввиду победного наступления атеизма, устойчивой тенденции к снижению показателя крестин – в том числе просто для порядка, – а также их собственной пресловутой консервативности, к их глубокому сожалению, все чаще и чаще именно так и происходит.

* В этом округе Парижа мэрия и комиссариат находятся в одном здании.

Кардинал и архиепископ Парижский, введенный в курс дела по электронной почте, с радостью дал свое согласие на мессу, которая должна была состояться в 11 часов. Он лично принял участие в составлении проповеди, особенно подчеркнув в ней утверждение писателем общечеловеческих ценностей, и лишь вскользь упомянул, выйдя на коду, о его тайном крещении в церкви Куртене. Все вместе, с причастием и прочими каноническими ритуалами, займет максимум час; так что ближе к полудню Уэльбека проводят в последний путь.

По этому поводу, как сообщил ему Фербер, писатель тоже оставил точные распоряжения, вплоть до того, что нарисовал свое надгробие: обыкновенную черную базальтовую плиту, лежащую на земле; он настаивал на том, что ее ни при каких условиях нельзя приподнимать даже на несколько сантиметров. На плите была написана его фамилия, без дат и каких-либо иных указаний, и выбита лента Мебиуса. Уэльбек заказал плиту при жизни у парижского мраморщика и лично следил за ее изготовлением.

– Ну ясно,- заметил Жаслен, – он себя, любимого, за говно не держал…

– И правильно, – мягко ответил Фербер. – Знаешь, он ведь был совсем неплохим писателем…

Жаслену тут же стало стыдно за свое замечание, не имевшее под собой никаких оснований. Уэльбек просил для себя ничуть не больше, а то и меньше, чем имел обыкновение требовать любой именитый горожанин XIX века или дворянчик прошлых столетий. Вообще-то, если задуматься, он и сам не был поклонником современных упрощенных традиций, следуя которым люди завещали кремировать себя, а пепел развеять на лоне природы, словно для того, чтобы

подчеркнуть возврат к ее истокам и воссоединение со стихией. Даже тело своего песика, умершего пять лет назад, Жаслен предал земле (положив рядом с ним в момент погребения его любимую игрушку) и воздвиг ему скромный памятник в саду родительского дома в Бретани, где в прошлом году умер и его отец, дом же он решил не продавать в надежде, что, выйдя на пенсию, они с Элен там поселятся. Человек не является составной частью природы, он поднялся выше природы, и собака с тех пор, как ее одомашнили, тоже стала выше ее – вот что думал он в глубине души. И чем серьезнее он размышлял над этим, тем более безбожным – пусть даже в Бога он не верил, – тем более в каком-то смысле антропологически безбожным представлялся ему обычай развеивать человеческий прах над лугами, реками и морями либо, по примеру этого фигляра Алена Гийо-Петре*, который, по мнению современников, якобы омолодил телевизионный прогноз погоды, аж в глазу циклона. Человеческое существо – это сознание, уникальное, индивидуальное и незаменимое, и по этой причине оно заслуживает памятника, стелы, на худой конец – поминальной надписи, ну хоть чего-нибудь, что увековечило бы факт его существования, – вот что считал он в глубине души.

* Ален Гийо-Петре (1950-1999) – французский журналист, ведущий прогноз погоды на телевидении, охотник за циклонами и ураганами.

– Идут, – тихо сказал Фербер, выведя его из задумчивости. И правда, хотя было всего пол-одиннадцатого, человек тридцать уже собрались у входа в церковь. Кто такие, интересно? Неизвестные, возможно – читатели Уэльбека. Бывает, что убийца, особенно если преступление совершено из мести, появляется на похоронах своей жертвы. В сложившейся ситуации Жаслен в это не очень верил, но все-таки вызвал двух фотографов из криминалистической экспертизы, которые, вооружившись фотоаппаратами и телеобъективами, устроились в квартире на улице Фруадево, откуда открывался замечательный вид на монпарнасское кладбище.

Через десять минут он увидел идущих пешком Терезу Кремизи и Фредерика Бегбедера. Они заметили друг друга, расцеловались. Вид у обоих, отметил он, вполне соответствует ситуации. Издательнице с восточной внешностью отлично подошла бы роль плакальщицы, их еще совсем недавно нанимали на похороны в странах средиземноморского бассейна; а Бегбедера, казалось, обуревали самые мрачные мысли. Дело в том, что автору «Французского романа» шел тогда всего пятьдесят второй год, и он, может быть, впервые присутствовал на похоронах человека своего поколения; должно быть, говорил себе, что лиха беда начало и что телефонные беседы с друзьями нередко начинаются теперь не с привычного «Что ты делаешь вечером?», а скорее с «Угадай, кто сегодня умер»…

Жаслен и Фербер вышли из мэрии и незаметно смешались с толпой. Собралось уже человек пятьдесят. Без пяти одиннадцать перед церковью притормозил катафалк – обычный черный фургончик муниципальной ритуальной службы. В тот момент, когда ее работники вынимали гроб, ропот ужаса и потрясения пробежал по толпе. Эксперты-криминалисты, взяв на себя леденящую душу задачу по сбору разбросанных на месте преступления ошметков плоти, сложили их в пластиковые мешки, герметично запечатали и отправили в Париж вместе с уцелевшей головой. К концу исследований от всего этого осталась компактная кучка плоти, гораздо меньшего объема, чем рядовой труп, так что сотрудники ритуальной службы сочли целесообразным использовать детский гробик длиной метр двадцать. В принципе, такой рациональный подход заслуживал всяческих похвал, но зрелище гробика, вынесенного на паперть, произвело на собравшихся жуткое впечатление. Жаслен услышал, как Фербер подавляет болезненную икоту; даже у него, при всей его зачерствелости, сжалось сердце; тут и там слышались всхлипы.

Во время самой службы он, как всегда, затосковал. Жаслен окончательно утратил связь с католической верой в возрасте десяти лет и, несмотря на то что ему пришлось бывать на

многочисленных похоронах, так никогда к ней и не вернулся. Он просто-напросто ничего в этом не понимал и сейчас не мог вникнуть даже в проповедь; священник поминал Иерусалим, что показалось ему некоторым отступлением от темы, но скорее всего, подумал он, в этом есть какой-то символический смысл. Впрочем, он поймал себя на мысли, что сам ритуал представляется ему вполне уместным, а обещание жизни за гробом можно, само собой, только приветствовать. Присутствие Церкви на похоронах гораздо закономернее, чем на рождениях или свадьбах. Тут она в своей стихии, ей есть что сказать о смерти, а вот о любви – это еще вопрос.

Обычно на похоронах родные и близкие стоят у гроба, принимая соболезнования; но тут родных не наблюдалось. Когда проповедь закончилась, служащие похоронного бюро схватили гробик – Жаслен снова содрогнулся от ужаса – и засунули его обратно в фургон. К его величайшему изумлению, человек пятьдесят ожидали выноса гроба, стоя снаружи, – возможно, читатели Уэльбека, страдающие аллергией на религиозные обряды.

Никаких чрезвычайных мер предусмотрено не было, улицы не перекрывались, движение транспорта не ограничивали, так что катафалк отправился прямиком на кладбище Монпарнас, и человек сто последовали за ним по тротуару вдоль Люксембургского сада, по улицам Гюинмер, Вавен и Бреа и, пройдя по бульвару Распай, срезали по улице Гюйгенса. Жаслен и Фербер присоединились к ним. Тут были люди всех возрастов и слоев общества, как правило, в одиночестве, иногда вдвоем; на первый взгляд их ничто не объединяло, никаких общих черт Жаслен у них не отметил, и у него вдруг возникла уверенность, что они зря теряют время, это просто читатели Уэльбека, и все тут, вряд ли кто-нибудь из них причастен к убийству. Ну ладно, решил он, хотя бы прогулялись; в Париже по-прежнему стояла хорошая погода, небо было глубокого синего цвета, как зимой.

Могильщики, явно получив инструкции от священника, дожидались их, не засыпая могилу. Стоя перед ней, Жаслен снова восхитился обрядом погребения до такой степени, что тут же принял твердое и окончательное решение потребовать, чтобы его тело тоже предали земле, завтра же надо позвонить нотариусу и недвусмысленно указать это в завещании. На гроб упали первые комья земли. Одиноко стоявшая женщина лет тридцати бросила на него белую розу, – какие все-таки женщины молодцы, они думают о вещах, которые не придут в голову ни одному мужику. Во время кремации слышно, как работает механизм и страшно гудят газовые горелки, а тут стояла мертвая тишина, которую нарушал лишь умиротворяющий шорох комьев земли, разбивающихся о деревянную крышку гроба и рассыпающихся по ней. В центре кладбища почти не мешал уличный шум. По мере того как могила заполнялась землей, шорох становился все глуше, тише; потом сверху положили надгробную плиту.

8

На следующее утро он получил фотографии. Люди из криминалистической экспертизы, хоть и раздражали Жаслена своим самодовольством, поработали на славу, он не мог этого не признать. Отпечатки получились четкие, яркие, с прекрасной проработкой деталей, и лица тех, кто дал себе труд прийти на похороны писателя, были прекрасно видны, несмотря на то, что снимали с большого расстояния. К отпечаткам была приложена флешка с оригиналами. Он тут же переслал ее в BEFTI по внутренней почте, приложив записку с просьбой пробить снимки по электронной базе данных; теперь у них была специальная программа распознавания лиц, позволяющая производить эту операцию за считанные минуты. Он не очень надеялся на удачу, но попытка не пытка.

В конце дня, когда он уже собирался уходить домой, ему прислали результаты; как он и ожидал, они ничего не дали. Сотрудники Бригады расследования компьютерного мошенничества составили протокол выемки информации с жесткого диска в компьютере Уэльбека, защитные коды которого им наконец удалось взломать. Жаслен забрал его с собой, чтобы спокойно изучить дома.

Его встретил лай Мишу, прыгавшего во все стороны по крайней мере минут пятнадцать, и аппетитный запах трески по-галисийски: Элен пыталась не повторяться, плавно переходя от бургундской кухни к эльзасской, от Прованса – к Юго-западу; она отлично умела готовить итальянские блюда, равно как турецкие и марокканские, а недавно записалась на краткие курсы дальневосточной кухни, организованные мэрией V округа. Он поцеловал ее; на ней было красивое шелковое платье. – Подожди, минут через десять все будет готово… – Она выглядела расслабленной, счастливой, как и всякий раз, когда ей не надо было днем идти в университет, – только что начались ноябрьские каникулы. С годами интерес Элен к экономике начал угасать. Бесконечные теории, тщившиеся объяснить экономические феномены и предугадать их развитие, все чаще казались ей случайными и бессодержательными, и все чаще она склонялась к мысли, что все это чистое шарлатанство; даже удивительно, думала она порой, что существует Нобелевская премия по экономике, как будто эта область знаний может претендовать на такую же серьезную методологию, что и химия с физикой. Ее страсть к преподаванию тоже иссякла. Молодежь как таковая привлекала ее уже меньше, чем прежде, студенты отличались поразительно низким интеллектуальным уровнем, иногда она недоуменно спрашивала себя, с чего это им вдруг взбрело в голову пойти учиться. В глубине души Элен знала правильный ответ на этот вопрос: они просто хотели зарабатывать деньги, как можно больше денег; не считая кратковременных увлечений гуманитарной деятельностью, лишь это их и занимало. Короче, ее профессиональная жизнь сводилась к преподаванию противоречивой нелепицы сборищу придурков и карьеристов, хотя она и пыталась избегать столь определенных формулировок. Она решила выйти на пенсию раньше срока, как только муж уйдет из уголовки, – он же совсем иначе относился к своей работе, по-прежнему любил ее, а возмездие за зло и преступление казалось ему столь же неотложным и важным делом, как и в самом начале его карьеры, двадцать восемь лет тому назад.

Он включил телевизор, пора было смотреть новости. Мишу запрыгнул на диван рядом с ним. После сообщения о теракте, совершенном палестинскими смертниками в Хевроне и повлекшем за собой рекордное число жертв, ведущий перешел к рассказу о кризисе, вот уже несколько дней сотрясавшем мировые биржи, который, если верить специалистам, грозил оказаться опаснее обвала 2008 года; в общем, все как всегда. Он готов был уже переключиться на другой канал, но тут Элен, оставив готовку, присела на подлокотник. Он отложил пульт; в конце концов, это сфера ее интересов, может, ей хочется послушать.

После краткого обзора основных биржевых площадок на экране появился эксперт. Элен внимала ему, загадочно усмехаясь. Жаслен смотрел на ее груди в разрезе платья – ну конечно силиконовые: она лет десять назад поставила себе импланты, и вполне успешно, хирург превзошел самого себя. Жаслен вообще был поборником силиконовых грудей, видя в них доказательство наличия у женщины доброй эротической воли, важнейшего в мире эротического параметра, который способен отдалить на десять, если не на двадцать лет прекращение сексуальных отношений между супругами. Кроме того, это источник разных приятных неожиданностей: в бассейне клуб-отеля, во время их единственного отпуска в Доминиканской Республике (Мишель, их первая болонка, с трудом простил им эту поездку, и они поклялись, что такого больше не повторится, разве что они откопают клуб-отель, разрешающий присутствие собак, но, увы, такого не нашлось), одним словом, во время отпуска он с восхищением смотрел, как победно, презрев все законы тяготения, торчали вверх груди

его жены, лежащей на воде.

Силиконовый бюст смешон, если лицо женщины похоже на печеное яблоко, а тело увяло, став жирным или дряблым; но к Элен все это не имело ни малейшего отношения. Ее тело осталось худым, попка – упругой, почти не опавшей; вьющиеся каштановые волосы изящно струились по округлым плечам. В целом она была красивой женщиной, в целом ему повезло, очень даже повезло.

В долгосрочной перспективе, кто бы спорил, все без исключения силиконовые груди становятся нелепыми; но в долгосрочной перспективе думаешь уже не об этом, а о раке шейки матки, аневризме аорты и тому подобных вещах. Еще думаешь о передаче имущества, разделе недвижимости между заранее назначенными наследниками, в общем, есть о чем поволноваться, кроме силиконовых грудей, но пока они еще не дошли до жизни такой, пока еще нет, – они, пожалуй, займутся любовью сегодня вечером (лучше завтра утром, он вообще-то предпочитал по утрам, у него потом весь день было хорошее настроение), что и говорить, у них впереди было еще несколько прекрасных лет.

Экономические новости закончились, теперь ведущий аннонсировал сентиментальную комедию, которая выйдет завтра на экраны страны.

– Слышал, что нес этот эксперт? – спросила Элен. – Видел его прогнозы? – Да нет, ничего он не слышал и не видел, ему с лихвой хватило зрелища ее грудей, но он предпочел не перебивать ее. – Через неделю окажется, что все его прогнозы гроша ломаного не стоят. Тогда они пригласят другого эксперта, тот сделает свой прогноз, с таким же уверенным видом… – Она огорченно, чуть ли не рассерженно, покачала головой. – Почему, собственно, дисциплина, которая не в состоянии даже составить прогноз, поддающийся проверке, называется наукой}

Жаслен не читал Поппера и ничего толкового ответить ей не мог; поэтому он ограничился тем, что положил ей руку на бедро. Она улыбнулась:

Жаслен не читал Поппера и ничего толкового ответить ей не мог; поэтому он ограничился тем, что положил ей руку на бедро. Она улыбнулась:

– Сейчас все будет готово, – и вернулась к плите, но за ужином снова затронула эту тему.

Преступление, призналась она мужу, представляется ей глубоко человеческим поступком, связанным, конечно, с самыми темными закоулками личности, но все же человеческим. Искусство, возьмем иной пример, связано со всеми зонами: темными, светлыми и промежуточными. А вот экономика ни с чем не связана, разве что со всем самым предсказуемым и автоматическим в человеке. Это не просто не наука, но даже и не искусство, в общем, это практически пустое место.

Он был не согласен, о чем и сказал ей. Давно общаясь с преступниками, он мог утверждать, что они были самыми предсказуемыми и одноклеточными особями на свете. В большинстве своем они убивали ради денег, и только ради денег; поэтому, кстати, их так просто поймать. Зато никто никогда, наверное, не работал исключительно ради зарплаты. Почти у всех находились иные мотивации: интерес к своему делу, надежда, что сможешь им увлечься, приятные отношения с коллегами… Точно так же мало кто вел себя рационально, делая покупки. В конечном счете, именно эта глубинная неопределенность, характерная для мотиваций производителей, равно как и потребителей, лежит в основе случайных и в итоге ошибочных экономических теорий. Тогда как поиск преступника можно считать наукой или, если уж на то пошло, рациональной дисциплиной. Элен не нашла, что ему возразить. Наличие

иррациональных хозяйствующих субъектов всегда было темной стороной, тайной прорехой всякой экономической теории. Даже если Элен остыла к своей работе, теория экономики пока еще обеспечивала ее вклад в семейный бюджет и определяла ее положение в университете: не бог весть что, на самом деле. Жан-Пьер прав: она тоже ведет себя далеко не как рациональный хозяйствующий субъект. Она растянулась на диване и посмотрела на свою собачку, лежавшую животом вверх в экстатическом состоянии в дальнем левом углу ковра, устилавшего гостиную.

Позже вечером Жаслен взялся за обзорный отчет BEFTI о компьютере жертвы. Он начинался с того, что Уэльбек вопреки своим заявлениям в многочисленных интервью, продолжал писать, и писал постоянно. А вот то, что он писал, оказалось весьма странным: это напоминало скорее поэзию или политические воззвания, и Жаслен мало что понял в отрывках, приведенных в отчете. Надо будет отослать это его издательнице, подумал он.

Помимо этого компьютер не содержал ничего, заслуживающего внимания. Уэльбек пользовался офисным приложением «Контакты» на своем макинтоше. Содержание его адресной книги было воспроизведено полностью, и тут было от чего сойти с ума: в ней было всего-навсего двадцать три фамилии, двенадцать из которых принадлежали мастерам, врачам и прочим поставщикам услуг. Он также пользовался приложением «Календарь», но и тут дело обстояло не лучше: все записи были типа «мусорные мешки» или «привезут мазут». Жаслену редко попадались люди, живущие такой занудной жизнью. Даже его браузер не содержал ничего любопытного. Покойный не посещал ни педофильские, ни порнографические сайты; самые дерзкие его запросы касались сайтов женского белья и эротических нарядов, вроде Belle et Sexy и Liberette.com. В общем, несчастный папик просто глазел на девиц в обтягивающих мини-юбках или прозрачных топиках, не более того, и Жаслену вдруг стало стыдно, что он прочел эту страницу. Да уж, распутать это преступление будет трудновато. В лапы преступника человека влекут его пороки, пороки или деньги. Деньги у Уэльбека водились, хотя меньше, чем можно было ожидать, но, судя по всему, у него ничего не украли, при обыске дома нашли даже чековую книжку, кредитную карту и бумажник с несколькими сотнями евро. Он заснул в тот момент, когда пытался перечитать политические выкладки, словно надеялся найти в них какой-то смысл или объяснение происшедшему.

9

На следующий день они начали разрабатывать одиннадцать фамилий из личного списка в адресной книжке. Поскольку Терезу Кремизи и Фредерика Бегбедера уже допросили, осталось девять человек, и все – женщины.

Операторы хранят эсэмэски всего год, что же касается мейлов, то тут никакого ограничения нет, особенно если пользователь решает держать их не только на личном компьютере, но и на сервере почты, что и сделал Уэльбек; таким образом, даже при смене компьютера письма никуда не денутся. На сервере me.com писатель располагал персональным дисковым пространством объемом 40 гигабайт; если бы его корреспонденция всегда оставалась столь же интенсивной, ему бы понадобилось семь тысяч лет, чтобы его заполнить.

Существует некоторая правовая неопределенность в вопросе о статусе электронных сообщений и о том, могут ли они быть приравнены к частной переписке или нет. Жаслен без промедления усадил всю свою команду за чтение мейлов Уэльбека, так как в ближайшее время можно было ожидать выдачи следственного поручения и неизбежного назначения судебного следователя, и если прокуроры и их помощники отличались, как правило, сговорчивостью, судебный следователь мог оказаться страшным занудой, даже в деле об убийстве.

Работая почти по двадцать часов в сутки – незадолго до смерти электронная переписка Уэльбека стала и правда незначительной, зато раньше была весьма обильной в определенные периоды, сразу после выхода книги, например, он получал в среднем по тридцать мейлов в день, – сотрудники Жаслена уже к ближайшему четвергу идентифицировали девятерых женщин. Географический разброс этой компании впечатлял: среди них оказалась испанка, русская, китаянка, чешка, – всех по одной, а также две немки и все-таки три француженки. Жаслен вспомнил, что вышеупомянутого автора переводили во всем мире.

– В этом есть своя прелесть, – заметил он Лартигу, который заканчивал составление списка. Он сказал это скорее для очистки совести, словно ожидаемую всеми шутку; на самом же деле ему никак не удавалось позавидовать писателю. Все дамы были его бывшие любовницы, характер переписки не оставлял на этот счет никаких сомнений – иногда совсем бывшие, тридцатилетней давности.

Связаться с ними не составило труда: они по-прежнему обменивались с Уэльбеком ни к чему не обязывающими трогательными мейлами, поверяя друг другу мелкие и крупные неприятности, а бывало, делились и радостями.

Все три француженки немедленно согласились приехать на набережную Орфевр, хотя одна из них жила в Перпиньяне, вторая в Бордо, а третья в Орлеане. Что касается иностранок, то они тоже не отказывались, но попросили дать им время организоваться.

Жаслен и Фербер принимали их каждый в своем углу, чтобы сравнить потом впечатления; и впечатления эти оказались на удивление схожими. Все женщины до сих пор питали к Уэльбеку очень нежные чувства. «Мы часто переписывались по электронной почте», – говорили они, но Жаслен не признавался, что читал их мейлы. Они не питали надежд на новую встречу, но он догадывался, что в случае чего были бы не против. Ужас какой, усмехнулся он, просто ужас: женщины не забывают бывших любовников, это очевидно. У Элен тоже водились бывшие любовники, да, хоть она и познакомилась с ним в молодости, у нее уже тогда были бывшие любовники; а что произошло бы, если бы они вдруг снова попались ей на глаза? У всякого дознания есть отрицательные стороны, так, иногда начинаешь против воли задаваться болезненными личными вопросами. Но к поискам преступника это не имело никакого отношения. Да, женщины знали Уэльбека, и знали близко, но Жаслен не сомневался, что большего от них не добьется, и был к этому готов, женщины, надо сказать, весьма сдержанны в подобных вопросах, воспоминание о любви бесконечно им дорого, даже если они разлюбили, – ведь, как ни крути, прошли годы, а то и десятилетия с тех пор, как они видели его в последний раз, так что сама мысль о том, что они могли задумать его убийство или, на худой конец, иметь сведения о человеке, который мог задумать его убийство, была бредовой.

Какой-нибудь муж или ревнивый любовник, по прошествии стольких лет? Размечтался! Даже зная, что у жены есть бывшие любовники, и, на свое несчастье, ревнуя к ним, все равно понимаешь, что убивать их нет резона, более того, их смерть может лишь разбередить старые раны. Надо, пожалуй, пустить по этому следу одного из сотрудников, но без напряга и без отрыва от производства. В успех своего предприятия он, само собой, не верил, но понимал, что людям свойственно ошибаться. И все-таки, когда Фербер спросил его: «Переходим к иностранкам? Это, конечно, дорого встанет, придется кого-нибудь туда послать, но у нас есть средства, речь идет об убийстве, как-никак», он уверенно ответил, что нет, не имеет смысла. В ту минуту он сидел у себя в кабинете и, наверное, уже в сотый раз за последние две недели вытаскивал наугад снимки пола в гостиной Уэльбека, всматриваясь в разветвленные, переплетающиеся красно-черные кровоподтеки или в фотографии людей, присутствовавших на похоронах писателя, – безупречно выполненные крупные планы печальных лиц.

– У тебя озабоченный вид, Жан-Пьер, – заметил Фербер.

– Да, я чувствую, что мы в тупике, и не знаю, что делать. Садись, Кристиан.

Фербер взглянул на своего шефа – тот продолжал машинально перебирать фотографии, не вглядываясь в детали и тасуя их, словно колоду карт.

– Что ты, собственно, хочешь обнаружить на этих снимках?

– Не знаю. Я чую, что тут что-то есть, но не могу сказать, что именно.

– Попробуем спросить у Лоррена.

– Он разве не на пенсии?

– Ну в принципе да, но я не понимаю, на каком он свете; он заходит сюда на несколько часов в неделю. Впрочем, на его место пока никого не назначили.

Гийом Лоррен, простой полицейский бригадир, обладал весьма странным свойством – поистине фотографической зрительной памятью: ему достаточно было хоть раз взглянуть на чью-то фотографию, пусть даже в газете, чтобы узнать человека десять, а то и двадцать лет спустя. До появления программы Visio, позволяющей осуществлять мгновенную проверку заданной фотографии на соответствие файлу, содержащемуся в базе данных правонарушителей, все обращались к нему; разумеется, его редкий дар проявлялся в опознании и правонарушителей, и буквально всех, кого он при тех или иных обстоятельствах видел на снимке.

В пятницу они явились к нему в кабинет. Этот приземистый человек с седыми волосами, уравновешенный и степенный, казалось, просидел в своем кабинете всю жизнь, что было недалеко от истины: как только его таланты стали общественным достоянием, Лоррена срочно перевели в Уголовный розыск, освободив от всех прочих обязанностей.

Жаслен объяснил, чего они от него хотят. Он тут же засел за работу, изучая по очереди фотографии, сделанные в день похорон. В какие-то снимки он всматривался долго и внимательно, почти минуту, другие мгновенно откладывал в сторону и переходил к следующему. Степень его сосредоточенности была поразительной; интересно, как функционировал его мозг? Странное было зрелище.

Минут через двадцать он схватил какой-то снимок и принялся раскачиваться взад-вперед на стуле.

– Видел я его… где-то я видел этого типа… – произнес он почти неслышно.

Жаслен нервно вздрогнул, но удержался и не стал прерывать его. Лоррен раскачивался, как ему показалось, целую вечность, беспрестанно повторяя шепотом: «Видел я его… видел я его…», будто некую сугубо личную мантру. Внезапно он замер, протянув Жаслену снимок очень бледного мужчины лет сорока, с тонкими чертами лица и длинными темными волосами.

– Кто это? – спросил Жаслен.

– Джед Мартен. В этом я уверен. А вот где я видел его фотографию, на сто процентов не поручусь, но мне кажется, в «Ле Паризьен», в статье о каком-то вернисаже. Он, мне кажется, так или иначе связан с искусством.

10

Сообщение о смерти Уэльбека застало Джеда в тот момент, когда изо дня в день он ожидал печального известия об отце. Изменяя своим привычкам, он позвонил ему в конце сентября и попросил заехать. Отец теперь жил в Везине, в резиденции с медицинским обслуживанием, располагавшейся в богатой усадьбе времен Наполеона III, гораздо более шикарной и дорогостоящей, чем предыдущая, одним словом – в элегантной хай-тековой богадельне. Просторные квартиры состояли из спальни и гостиной, каждому полагались большой LCD-телевизор с кабельными и спутниковыми каналами, DVD-проигрыватель

и высокоскоростное интернет-подключение. В парке было озерцо с утками, на аккуратных аллеях резвились лани. Пансионеры даже могли по желанию ухаживать за выделенным им участком сада, выращивать овощи и цветы, но с такими заявками обращались немногие. Джеду пришлось повоевать с отцом, чтобы он согласился на переезд, он не раз настаивал на этом, убеждая его, что хватит жмотничать, ведь теперь он богат. Само собой, заведение принимало в свои стены только тех, кто в пору своей активной жизни принадлежал к высшим слоям французской буржуазии – «снобам и выпендрежникам», как обозвал их отец, который втайне все еще гордился своим крестьянским происхождением.

Сначала Джед не понял, зачем отец вызвал его. После недолгой прогулки по парку – он передвигался уже с трудом – они устроились в комнате с деревянными панелями и кожаными креслами, с потугой на английский клуб, и заказали кофе. Им подали его в кофейнике из серебристого металла, со сливками и тарелочкой разных сладостей. В зале было пусто, лишь одинокий старичок сидел, мелко тряся головой, над чашкой горячего шоколада, и казалось, вот-вот уснет. У него были длинные вьющиеся седые волосы, и в светлом костюме, с шелковым платком на шее, он напоминал певца не первой молодости, например артиста оперетты, чей звездный час имел место на фестивале в Ламалу-ле-Бэн, – то есть его скорее можно было представить себе под крылом «Колеса фортуны»*, чем в подобном заведении, равного которому во Франции не найти, даже на Лазурном берегу, – что-то столь же шикарное попадается разве что в Швейцарии или в Монако.

* «Колесо фортуны» – фонд помощи неимущим актерам во Франции.

Отец Джеда молча посмотрел на старого сердцееда и после паузы сказал сыну:

– Везет некоторым… У него редчайшее орфанное заболевание, демелемейоз, что-то в этом роде. Это совсем не больно. Он постоянно утомлен и все время засыпает, иногда прямо за столом; на прогулке, пройдя несколько десятков метров, садится на скамейку и вырубается. С каждым днем он спит все больше и больше и в один прекрасный день возьмет и не проснется. Некоторым везет до самой смерти…

Он повернулся к сыну и посмотрел ему прямо в глаза:

– Я подумал, что лучше тебя предупредить, но не знал, как это объяснить по телефону. Я обратился в одну швейцарскую организацию. Я решился на эвтаназию.

Джед не сразу отреагировал, и отец успел привести ряд доводов, которые, если не вдаваться в детали, сводились к тому, что ему надоело жить.

– Тебе тут плохо? – спросил наконец сын дрожащим голосом.

Нет, ему тут очень хорошо, лучше не бывает, но Джед должен понять, черт возьми, что ему

уже нигде не может быть хорошо, что ему не может быть хорошо по определению (разнервничавшись, отец заговорил громко и вспыльчиво, но престарелый певец все равно уже забылся сном, и в комнате было тихо). Если он будет жить, ему придется менять искусственный анус, короче, он сыт по горло этими играми. И потом, у него боли, он не в состоянии их терпеть, сколько же можно мучиться.

– Тебе не дают морфий? – удивился Джед.

Да нет, дают ему морфий, бери не хочу, для них главное, чтобы пациенты вели себя смирно, только что это за жизнь под морфием?

По правде говоря, Джед считал, что вот это как раз и есть жизнь, завидная, без забот, без обязанностей, желаний и опасений, прекрасная растительная жизнь, когда можно радоваться нежной ласке солнца и легкого ветерка. При этом он подозревал, что отец вряд ли согласится с его точкой зрения. В прошлом он был человеком активным, главой фирмы, а у таких людей часто возникают проблемы с наркотиками, подумал он.

– А тебе-то, собственно, какое дело? – накинулся на него отец (тут Джед понял, что уже некоторое время пропускает мимо ушей его старческие сетования). Он замешкался, помедлил и ответил, что, наоборот, в каком-то смысле он склонен все-таки считать, что где-то как-то ему есть до этого дело.

– И вообще, быть сыном самоубийцы – то еще удовольствие, – добавил он. Отец выдержал удар, как-то весь съежился, но ответил агрессивно:

– При чем тут это!

– Если оба родителя кончают с собой, – Джед не обратил внимания на его выпад, – ребенок попадает в неловкое, шаткое положение, его жизненным связям, образно говоря, не хватает прочности.

Он вещал долго и непринужденно, сам удивляясь позже, как ему это удалось, поскольку, по сути дела, он сам питал к жизни весьма зыбкую любовь и считался обычно замкнутым и грустным человеком. Но он тут же сообразил, что единственный способ повлиять на отца – воззвать к его чувству долга, отец всегда был человеком долга, в сущности, только долг и работу он ценил в этой жизни. «Уничтожать в своем лице субъект нравственности – это то же, что искоренять, в меру своих возможностей, в этом мире нравственность»*, – машинально повторял про себя Джед, не очень понимая смысл этой фразы, но любуясь элегантностью и плавностью ее звучания, и продолжал излагать отцу традиционные доводы: регресс цивилизации, выразившийся в массовом обращении к эвтаназии, лицемерие и, по сути, глубинная злонамеренность самых знаменитых ее поборников, моральное превосходство паллиативного лечения и т. д.

* В русском издании И. Канта эта фраза звучит иначе: «Уничтожать в своем лице субъект нравственности – это то же, что искоренять в этом мире нравственность в самом ее существовании». (Метафизика нравов. – Кант И. Соч. в 6-ти томах. Т.4, Ч. 2. – М.: Мысль, 1965. С.360. Перевод с немецкого С. Шейнман-Топштейн и Ц. Арзаканьяна.)

Когда часов в пять он уехал из резиденции, солнце уже садилось и его последние лучи озаряли все вокруг восхитительным золотистым светом. В сверкающей инеем траве прыгали воробьи. Облака переливались всеми оттенками пурпурного и алого цвета и, принимая странные рваные формы, уплывали в сторону заката. В такой вечер грех было отрицать определенную красоту мира. Восприимчив ли отец к таким вещам? Он никогда не проявлял ни малейшего интереса к

природе, но в старости – кто знает… Он сам, когда приехал к Уэльбеку, отметил, что начинает ценить сельскую местность, к которой до сих пор был совершенно равнодушен. Джед неловко сжал плечо отца и расцеловал его в шершавые щеки, и тут на мгновение ему показалось, что он выиграл эту партию, но в тот же вечер его охватило сомнение, которое лишь усилилось в последующие дни. Звонить отцу не имело смысла, тем более снова навещать его, он только разозлится. Джед вообразил его замершим в нерешительности на гребне горного хребта – куда качнуться? Ему предстояло сделать последний жизненно важный выбор, и Джед опасался, что и на этот раз, как и раньше, когда у него возникали проблемы на стройке, отец предпочтет резать по живому.

* В русском издании И. Канта эта фраза звучит иначе: «Уничтожать в своем лице субъект нравственности – это то же, что искоренять в этом мире нравственность в самом ее существовании». (Метафизика нравов. – Кант И. Соч. в 6-ти томах. Т.4, Ч. 2. – М.: Мысль, 1965. С.360. Перевод с немецкого С. Шейнман-Топштейн и Ц. Арзаканьяна.)

Когда часов в пять он уехал из резиденции, солнце уже садилось и его последние лучи озаряли все вокруг восхитительным золотистым светом. В сверкающей инеем траве прыгали воробьи. Облака переливались всеми оттенками пурпурного и алого цвета и, принимая странные рваные формы, уплывали в сторону заката. В такой вечер грех было отрицать определенную красоту мира. Восприимчив ли отец к таким вещам? Он никогда не проявлял ни малейшего интереса к природе, но в старости – кто знает… Он сам, когда приехал к Уэльбеку, отметил, что начинает ценить сельскую местность, к которой до сих пор был совершенно равнодушен. Джед неловко сжал плечо отца и расцеловал его в шершавые щеки, и тут на мгновение ему показалось, что он выиграл эту партию, но в тот же вечер его охватило сомнение, которое лишь усилилось в последующие дни. Звонить отцу не имело смысла, тем более снова навещать его, он только разозлится. Джед вообразил его замершим в нерешительности на гребне горного хребта – куда качнуться? Ему предстояло сделать последний жизненно важный выбор, и Джед опасался, что и на этот раз, как и раньше, когда у него возникали проблемы на стройке, отец предпочтет резать по живому.

С течением времени его беспокойство возрастало; теперь он в любую минуту ждал звонка от директрисы заведения: «Сегодня в девять часов утра ваш отец отбыл в Цюрих. Он оставил вам письмо». Поэтому, когда женский голос сообщил ему по телефону о смерти Уэльбека, он сразу даже не понял, о чем речь, не сомневаясь, что произошла ошибка. (Мэрилин не представилась, и он не узнал ее. Она могла пересказать ему лишь то, о чем писали газеты, но все же подумала, что надо бы ему позвонить, полагая – совершенно справедливо, – что газет он не читает.) И, уже повесив трубку, он еще какое-то время надеялся, что произошла ошибка, ведь ему казалось, что их отношения с Уэльбеком только начинаются, он не расстался с идеей, что они еще встретятся, и не раз, пожалуй, даже станут друзьями, в той степени, в которой это слово вообще применимо к таким людям, как они. Правда, они не виделись с тех пор, как он в начале января привез ему портрет, а сейчас уже подходил к концу ноябрь. Правда и то, что он сам так и не позвонил ему, не попытался договориться о встрече, но все же Уэльбек был на двадцать лет его старше, а для Джеда единственной привилегией возраста, единственной и безрадостной привилегией, было заслуженное право рассчитывать, что от вас наконец отстанут; во время их предыдущих встреч он пришел к выводу, что писатель и на самом деле мечтает, чтобы от него отстали, однако Джед не терял надежды, что он ему все-таки позвонит, потому что он чувствовал, что ему еще есть что сказать Уэльбеку и есть что услышать в ответ. В любом случае он почти не работал в этом году: снова достал фотоаппарат, не убрав, правда, кисти и холсты, короче, метался и не знал, куда себя деть. Он даже не переехал, а уж чего, казалось бы, проще.

В день похорон он умаялся и мало что понял из проповеди. Речь шла о страдании, но также о надежде и воскресении, в общем, звучала она весьма запутанно. На кладбище Монпарнас с прямоугольной сеткой ровных аллей, усыпанных толстым слоем гравия, ситуация, напротив, представлялась ему предельно ясной: их отношениям с Уэльбеком пришел конец ввиду обстоятельств непреодолимой силы. Джед не знал никого из собравшихся, но у него создалось ощущение, что они разделяют его чувства. Вспомнив сейчас эти мгновения, он вдруг отчетливо понял, что отец ни за что не откажется от задуманного, что рано или поздно раздастся звонок директрисы, и тогда все разом закончится, без заключений и объяснений, последнее слово так никогда и не будет произнесено, и останутся лишь сожаление и усталость.

Но все же его ждало еще одно испытание – несколько дней спустя ему позвонил некий Фербер. У него был мягкий приятный голос, который никак не вязался с образом полицейского. Фербер предупредил, что на набережной Орфевр Джеда примет не он сам, а его шеф, комиссар Жаслен.

11

Комиссар Жаслен «на совещании» – так сказали ему, когда он пришел. Джед сидел в небольшом зале ожидания с зелеными пластиковыми стульями, листая старый номер «Сил правопорядка», пока наконец не догадался взглянуть в окно: из него открывался панорамный вид на Новый мост, набережную Конти и чуть дальше – на мост Искусств. Сена будто застыла в зимнем свете, а ее воды приобрели матовый серый оттенок. Купол Французской Академии поистине великолепен, признал Джед против воли. Конечно, округлую форму здания ничем нельзя оправдать; с рациональной точки зрения это просто потеря места. Возможно, модернизм был ошибкой, подумал Джед впервые в жизни. Чисто риторический вопрос, впрочем: модернизм закончился в Западной Европе уже много лет назад.

В эту минуту появился Жаслен, выведя его из раздумий. Комиссар был раздражен и явно не в духе. Все потому, что утром его ждало еще одно разочарование: проверка образа действий преступника по базе данных серийных убийц ничего не дала. Нигде – ни в Европе, ни в Штатах, ни в Японии – никогда не слышали о преступнике, разрезавшем своих жертв на лоскуты, которые он затем раскладывал по комнате, – не было такого прецедента. «В кои-то веки Франция вырвалась вперед…» – заметил Лартиг, пытаясь разрядить обстановку.

– Извините, – сказал Жаслен, – мой кабинет пока что занят. Могу я предложить вам кофе? Он не так уж плох, нам только что досталась новая машина.

Он вернулся через две минуты с двумя маленькими стаканчиками кофе, который и впрямь оказался отменным.

– Добросовестная работа полиции немыслима, – заверил он Джеда, – без нормальной кофеварки. – Потом попросил рассказать об отношениях с жертвой. Джед изложил историю вопроса: проект выставки, текст для каталога, написанный им портрет Уэльбека… Он видел, что его собеседник смурнеет на глазах, буквально оседая на стуле.

– Понятно… В общем, вы были не так уж близки, – подытожил комиссар.

– Да, – согласился Джед, хотя у него сложилось впечатление, что у писателя в принципе не водилось так называемых близких людей, в конце жизни уж точно.

– Знаю, знаю. – У Жаслена был совсем упавший голос. – Не понимаю, на что я надеялся…

Боюсь, что зря вас побеспокоил. Ладно, давайте все же пройдем ко мне в кабинет, запротоколируем ваши показания.

Поверхность его рабочего стола почти полностью была завалена фотографиями с места преступления, которые он, уже, наверное, в пятидесятый раз безуспешно изучал всю первую половину дня. Джед, любопытствуя, подошел и взял один снимок, чтобы рассмотреть получше. Жаслен едва сдержал удивление.

– Извините, – смутился Джед. – Полагаю, я не должен это видеть.

– Да, по идее, снимки подпадают под тайну следствия. Но давайте, не стесняйтесь: может, что-то вспомните.

Джед рассмотрел несколько увеличенных фотографий, которые, по мнению Жаслена, ничем друг от друга не отличались: кровоподтеки, разодранная плоть, бесформенная головоломка.

– Странно, – произнес Джед, помолчав. – Похоже на Поллока, реши он вдруг написать почти монохромную картину, с ним это случалось, но редко.

– Кто такой Поллок? Простите мое невежество.

– Джексон Поллок – американский художник послевоенных лет. Абстрактный экспрессионист, можно сказать – лидер этого направления. На него существенное влияние оказал шаманизм. Умер в пятьдесят шестом.

Жаслен с внезапным интересом внимательно посмотрел на него.

– А что это за фотографии? – спросил Джед. – В смысле, что, собственно, на них изображено?

Реакция Джеда изумила Жаслена своей остротой. Он еле успел подставить ему кресло, в которое тот рухнул, дрожа и сотрясаясь в спазмах.

– Сидите, не двигайтесь… вам надо что-нибудь выпить. – Жаслен бросился в кабинет группы Фербера, откуда тут же вернулся с бутылкой лагавюлена и стаканом. Добросовестная работа полиции немыслима без заначки высококлассного спиртного, свято верил он, но на сей раз удержался от комментариев. Выпив залпом полный стакан виски, Джед перестал дрожать. Жаслен терпеливо ждал, еле сдерживая возбуждение.

– Да, это чудовищно, – проговорил он наконец. – Это одно из самых леденящих душу преступлений в нашей практике. Вы думаете, что… – продолжал он осторожно, – вы полагаете, что на убийцу мог оказать влияние Джексон Поллок?

Джед помолчал, недоверчиво покачивая головой, и сказал:

– Не знаю… Правда, похоже на его работы. Многие художники конца двадцатого века превращали свое тело в объект искусства, и некоторые поборники body art объявляли себя последователями Поллока. Но тело другого человека… Лишь венские акционисты в шестидесятых годах перешли границу, но их деятельность была ограничена во времени, и это движение уже давно ни на кого не влияет.

– Я понимаю, что вам это может показаться нелепым… – не отставал Жаслен, – но войдите в наше положение… Я не должен был бы говорить вам об этом, но следствие зашло в тупик, мы

обнаружили труп два месяца назад и все никак не сдвинемся с мертвой точки.

– Где это произошло?

– У него дома, в Луаре.

– Ах да, странно, что я не узнал ковролин в гостиной.

– Вы были у него? В Луаре? – На этот раз Жаслен не сумел скрыть своего возбуждения. Джед был первым человеком из всех, кого они допросили, побывавшим дома у Уэльбека. Даже издательница никогда к нему туда не ездила, они встречались только в Париже.

– Да, один раз, – спокойно ответил Джед. – Отвозил ему картину.

Жаслен вышел из кабинета, позвал Фербера. В коридоре он кратко ввел его в курс дела.

– Занятно, – задумчиво протянул Фербер. – Даже очень. Занятнее всего того, что мы до сих пор слышали, мне кажется.

– И что дальше? – спросил Жаслен.

Они провели импровизированное совещание прямо в кабинете: тут были Орели, Лартиг, Мишель Хури. Мессие задерживался, розыскные мероприятия, судя по всему, увлекли его – какой-то студент-невротик типа отаку* уверял, что нашел в интернете упоминание образа действий их убийцы (мы начинаем терять интерес к делу, печально подумал Жаслен, и готовимся к возможности поражения…). Самые разнообразные предположения сыпались со всех сторон, и длилось это бесконечно – никто из них ничего не знал о художественной среде, – но вдруг Фербера осенило:

* Отаку – человек, фанатично увлеченный чем-либо.

– Я думаю, нам надо поехать с ним в Луаре. На место преступления. Может, он увидит то, что от нас ускользнуло.

Жаслен взглянул на часы: полтретьего, обеденное время давно прошло, а главное, свидетель уже почти три часа торчит один в его кабинете.

Когда он вошел, Джед рассеянно посмотрел на него. Он, судя по всему, совсем не скучал. Устроившись за столом комиссара, он внимательно изучал фотографии.

– Знаете, – заметил он- это довольно убогое подражание Поллоку. Формы и подтеки на месте, но расположены они как попало, без какой бы то ни было силы и жизненной энергии.

Жаслен замешкался, он не хотел действовать нахрапом.

– Это мой стол, – произнес он, не придумав ничего лучше.

– Ох, извините. – Джед вскочил, уступая ему место, но вид у него был не слишком смущенный.

Жаслен изложил свою просьбу.

– Никаких проблем! – тут же откликнулся Джед. Они договорились поехать в Луаре на следующий день на машине Жаслена. Условившись о встрече, они поняли, что живут в нескольких сотнях метров друг от друга.

Забавный тип, подумал Жаслен, когда Джед ушел, и, как часто бывало раньше, поразился, сколько же разных людей сосуществуют в сердце одного города, без всякой на то причины, без всяких общих интересов и забот, следуя по бесконечным непересекающимся маршрутам и лишь иногда объединяясь в сексе (все реже и реже) или (все чаще и чаще) в преступлении. Но впервые эта мысль, которая так занимала его, когда он начинал работать в полиции пробуждая желание рыть глубже и набираться знаний, чтобы дойти до самой сути человеческих отношений, не вызвала в нем ничего, кроме тупой усталости.

12

Хоть Джед и не знал ничего о жизни Жаслена, он не удивился, увидев его за рулем «мерседеса» А-класса. «Мерседес» А-класса – идеальная машина для пожилой бездетной пары, живущей в городской или пригородной зоне и не отказывающей себе порой в удовольствии сбежать в очередной шарм-отель; он может также подойти молодоженам с консервативным темпераментом, в таком случае это, скорее всего, их первый «мерседес». Младшие модели автомобилей, увенчанных трехлучевой звездой, особенно в базовых комплектациях, – это слегка из другой оперы; а вот седаны класса С и седаны класса Е более парадигматичны. В сущности, «мерседес» – это машина для тех, кто не так уж сильно интересуется автомобилями, а комфорт и безопасность предпочитает удовольствию от вождения и, понятное дело, располагает значительным бюджетом. На протяжении вот уже пятидесяти лет, несмотря на впечатляющий коммерческий напор «тойоты» и боевитость «ауди», представители состоятельного класса во всем мире сохраняют верность «мерседесу».

На южном направлении машин было мало, они ехали молча. Надо бы сломать лед, решил Жаслен по истечении получаса, свидетель должен чувствовать себя непринужденно, он часто повторял это на своих лекциях в Сен-Сир-о-Мон-д’Ор. Джед, глубоко задумавшись, сидел с отсутствующим видом, а может, просто клевал носом. Он заинтриговал Жаслена, более того, поразил. Честно говоря, на протяжении всей своей службы в полиции он сталкивался в лице преступника исключительно с примитивными и дурными субъектами, не способными ни на какую свежую мысль, да и вообще на какую-либо мысль, этих дегенератов и скотов следовало бы – в их собственных интересах, равно как и в интересах всех прочих и любого человеческого сообщества, – пристрелить в момент поимки, так, по крайней мере, все чаще и чаще думал он. Впрочем, не его это было дело, а судей. Его же работа заключалась в том, чтобы выследить дичь и принести ее к ногам судей и, бери выше, всего французского народа (раз уж они вершат суд, как принято считать, именем народа). В процессе охоты дичь, положенная к ногам охотника, как правило, уже мертва, погибла во время погони, поскольку разрыв пули, выпущенной в надлежащее место, сводит на нет ее жизненные функции; иногда работу довершают собачьи клыки. В рамках же полицейского расследования виновный, положенный к ногам судьи, скорее жив, чем мертв, благодаря чему Франция остается на хорошем счету в ежегодных докладах Amnesty International о соблюдении прав человека. Судья, выражающий волю народа Франции, от имени которого он отправляет правосудие и перед волей которого склоняется при рассмотрении тяжких преступлений, находящихся в юрисдикции суда присяжных, – а как раз такими делами и доводилось в основном заниматься Жаслену, – должен, следовательно, выносить решение о его участи.

Различные международные соглашения запрещают (даже если французский народ высказывается в большинстве своем «за») предать его смерти.

Проехав через платежный терминал у Сент-Арну-ан-Ивлин, он предложил Джеду остановиться и выпить кофе. Магазинчик при бензоколонке произвел на Жаслена двойственное

впечатление. С одной стороны, все тут явно указывало на то, что они недалеко от Парижа: выбор журналов и национальных газет был чрезвычайно широк – он неминуемо сократится по мере их продвижения в глубинку, – а среди сувениров для автомобилистов преобладали Эйфелева башня и собор Сакре-Кер во всевозможных видах и формах. С другой стороны, пригородом это место можно было назвать с большой натяжкой: проехав через шлагбаум пункта оплаты, они покинули последнюю зону действия оранжевой карточки*, что означало конец пригородов и начало регионов; кстати, региональные продукты были тут как тут (мед из провинции Гатине, паштеты из кролика). В общем, данная автозаправка отказалась выбирать свой лагерь, и Жаслену это было не по душе. Тем не менее он взял к кофе шоколадный кекс брауни, и они сели за один из сотни свободных столиков.

* Оранжевая карточка – до недавнего времени проездной билет, действующий в Париже и пригородах.

Без вступления было не обойтись; Жаслен несколько раз кашлянул.

– Знаете… – решился он наконец, – я очень благодарен вам за то, что вы согласились со мной поехать. Вы вовсе не обязаны это делать.

– По-моему, полиции надо помогать, – серьезно ответил Джед.

– Ну вот… – Жаслен улыбнулся, но ему не удалось вызвать у собеседника ответную улыбку. – Я, разумеется, счастлив это слышать, но наши сограждане редко придерживаются такой точки зрения…

– Я верю в зло, – продолжал Джед тем же тоном. – Я верю в виновность и в возмездие.

Жаслен застыл с открытым ртом, он совсем не ожидал, что разговор примет такой оборот.

– Вы верите в превентивный эффект уголовного наказания? – спросил он поощрительным тоном.

Пожилая официантка, вытиравшая пол между столиками, приближалась к ним, бросая в их сторону нехорошие взгляды. Она выглядела не просто уставшей и отчаявшейся, но явно была настроена враждебно к миру в целом и ворочала тряпкой в ведре с таким видом, будто в ее глазах мир сводился именно к этой, не вызывающей доверия поверхности, усыпанной разного рода нечистотами.

– Понятия не имею, – ответил Джед после паузы. – По правде говоря, я никогда не задавался этим вопросом. Наказание кажется мне справедливым, потому что оно разумно и необходимо, то есть я считаю разумным наказывать преступника, чтобы восстановить равновесие, поскольку зло необходимо покарать. А что? Вы в это не верите? – добавил он уже более запальчиво, заметив, что собеседник молчит. – А ведь это ваша работа…

Жаслен собрался с духом, чтобы ответить отрицательно, – нет, это работа судьи при содействии коллегии присяжных. Этот тип был бы безжалостным присяжным, подумал он.

Жаслен собрался с духом, чтобы ответить отрицательно, – нет, это работа судьи при содействии коллегии присяжных. Этот тип был бы безжалостным присяжным, подумал он.

– Не забывайте о разделении властей, – возразил он, – это один из основных принципов нашей Конституции.

Джед быстро кивнул, показывая, что понял, но считает это частностью. Жаслен собрался было пуститься в дискуссию о смертной казни, без всяких на то причин, а так, поболтать, но потом отказался от своей затеи; нет, ему решительно не удавалось разобраться в этом человеке. И снова воцарилось молчание.

– Я поехал с вами, – заговорил Джед, – еще и по иным, более личным соображениям. Я хочу, чтобы убийца Уэльбека был найден и понес наказание. Для меня это очень важно.

– Но вы же не были так уж близки…

Джед что-то буркнул с горечью, и Жаслен понял, что, сам того не желая, задел его за живое. В нескольких метрах от них с тарелкой жареной картошки продефилировал полный мужчина в скучном сером костюме. У него был вид дошедшего до ручки торгового агента. Прежде чем сесть, он приложил руку к груди и так постоял несколько секунд, видимо боясь, что его вот-вот сразит сердечный приступ.

– Мир ничтожен, – сказал наконец Джед. – И тот, кто совершил это убийство, усугубил ничтожность мира.

13

Приехав в Супп (так называлась деревня, где писатель прожил свои последние часы), они оба одновременно подумали, что здесь все осталось по-прежнему. А чему тут, собственно, меняться: деревня, словно застыв в удобном положении бесспорной туристической достопримечательности, могла бы столетиями пребывать в этом качестве, приобретая разве что некоторые элементы современных бытовых удобств в виде интернет-терминалов и оборудованных автостоянок, – если, конечно, некая разумная сущность будет все это поддерживать, защищая от враждебной стихии и губительной ненасытности растений.

Деревня была по-прежнему пустынна, безмятежно и, можно сказать, структурно пустынна. Точно так выглядел бы мир, подумал Джед, после взрыва межгалактической нейтронной бомбы. Пришельцы, высадившись на тихих отреставрированных улочках поселка, любовались бы его немудрящей красотой. Если бы оным пришельцам оказалось не чуждо эстетическое чувство, пусть самое примитивное, они быстро сообразили бы, что за всем этим следует ухаживать, и приступили бы к необходимым работам; это допущение успокаивало и звучало вполне правдоподобно.

Жаслен аккуратно припарковал свой «мерседес» перед длинным домом. Джед вышел и, поежившись от холода, вспомнил свое первое посещение и пса, который радостно скакал вокруг него, но, вообразив отрубленную голову пса и отрубленную голову его хозяина, тут же осознал всю чудовищность преступления и мимолетно пожалел, что приехал, но взял себя в руки, потому что хотел быть полезным, всю свою жизнь он хотел быть полезным, и, с тех пор как он разбогател, это желание только усилилось. И вот сейчас ему подвернулась возможность быть полезным, ну да, он мог помочь поймать и устранить убийцу, он мог, кроме всего прочего, помочь мрачному и отчаявшемуся пожилому полицейскому, который с обеспокоенным видом стоял рядом с ним, пока он сам, замерев в зимнем свете, пытался совладать с дыханием.

Отлично они тут все отдраили, не мог не признать Жаслен, входя в гостиную, и представил себе, как его коллеги собирают, по одному, фрагменты тела, разбросанные по месту преступления. На ковролине не осталось даже следов крови, лишь в нескольких местах белели протертые пятна. А так дом тоже совсем не изменился, он сразу заметил, что вся мебель стоит

на своих местах. Жаслен сел на диван, стараясь не смотреть на Джеда. Свидетеля надо оставить в покое, не тормозить его спонтанные реакции, не сдерживать его эмоции и интуитивные догадки, если таковые возникнут, и быть полностью в его распоряжении, чтобы и он, в свою очередь, смог ответить тем же.

И точно, Джед направился в одну из комнат, судя по всему, намереваясь обойти весь дом. Жаслен пожалел, что не взял с собой Фербера: тот был чутким человеком, чутким полицейским, он бы уж сообразил, как подступиться к художнику, тогда как он сам – всего-навсего обычный служака не первой молодости, страстно любящий свою стареющую жену и песика-импотента.

Джед продолжал бродить из комнаты в комнату, неизменно возвращаясь в гостиную и уходя с головой в изучение книг на полках, подбор которых удивил и впечатлил его даже больше, чем в первый раз. Потом он остановился перед Жасленом, тот почему-то вздрогнул и тут же вскочил.

При этом в позе Джеда не было ровным счетом ничего тревожного; он стоял сцепив руки за спиной, как школьник, вызванный к доске.

– Исчезла моя картина, – сказал он наконец.

– Ваша картина? Какая картина? – лихорадочно спросил Жаслен, отдавая себе отчет, что ему следовало бы знать какая, ему следовало бы по идее это знать, нет, он явно уже мышей не ловит. Его трясло, как в ознобе, возможно, у него начинался грипп или еще что похлеще.

– Я написал его портрет. И подарил ему. Его нет. Жаслен не сразу осознал эту информацию, шарики и ролики в его мозгу крутились на малых оборотах, ему становилось все хуже и хуже, он смертельно устал, это дело выпило из него все соки, и ему понадобилось невероятное количество времени, чтобы задать самый важный и единственно верный вопрос:

– Он дорого стоил?

– Да, немало, – ответил Джед.

– Сколько?

Джед задумался, прежде чем ответить:

– В настоящий момент цены на меня растут, хотя и не очень быстро. Полагаю, девятьсот тысяч евро.

– Что? Что вы сказали? – Жаслен почти кричал.

– Девятьсот тысяч евро.

Жаслен рухнул обратно на диван и застыл в полной прострации, время от времени бормоча что-то неразборчивое.

– Я вам помог? – нерешительно спросил Джед.

– Дело раскрыто. – В его голосе слышалось страшное уныние и печаль. – Убивают и за пятьдесят, и за десять тысяч евро, иногда за тысячу. А уж за девятьсот…

Вскоре они отправились назад в Париж. Жаслен попросил Джеда сесть за руль, он неважно

себя чувствовал. Они припарковались в той же зоне отдыха, что и по пути сюда. Без каких-либо явных причин бело-красная лента огораживала несколько столиков – возможно, давешний тучный торговый агент все же пал жертвой сердечного приступа. Джед снова взял кофе; Жаслен хотел выпить, но алкоголь тут не продавали. В итоге он отрыл бутылку красного в магазине на заправке, в отделе региональных продуктов; но вот штопора у них не оказалось. Тогда он пошел в туалет, заперся в кабинке, одним ударом отбил горлышко бутылки о край унитаза и вернулся в кафетерий с разбитой бутылкой в руке; вино забрызгало рубашку. Все это заняло немало времени, Джед уже встал и мечтательно изучал прилавок с салатами; наконец он остановился на смеси чеддера с индейкой и купил спрайт. Жаслен пока что налил себе стакан вина и залпом осушил его; слегка взбодрившись, он уже медленнее допивал второй.

– Глядя на вас, я проголодался, – сообщил он. Купив врап из тонкой лепешки по-провансальски, он налил себе третий стакан. В эту минуту из автобуса высыпали гурьбой испанские подростки и, громко болтая, ввалились в кафе; девочки были перевозбуждены и почему-то беспрестанно визжали, видно, гормоны разыгрались. Судя по всему, это была школьная экскурсия и они, естественно, посетили Лувр, Бобур и тому подобное. Жаслен вздрогнул при мысли, что он тоже мог бы быть в настоящее время отцом такого вот подростка.

– Вы сказали, что дело раскрыто, – заметил Джед. – Но вы же не нашли убийцу.

Тогда Жаслен объяснил ему, что кража произведений искусства весьма специфическая область, которой занимается специальное учреждение, Управление по борьбе с незаконным оборотом предметов искусства и культурных ценностей. Само собой, дело у них не заберут, прежде всего, речь идет все-таки об убийстве, но теперь именно Управление сможет совершить прорыв в расследовании. Мало кто знает, где находятся произведения из частных коллекций, и уж совсем немногие могут позволить себе приобрести картину за миллион евро; во всем мире таких людей найдется тысяч десять, не более.

– Полагаю, вы сможете точно описать картину.

– Разумеется; у меня полно ее фотографий.

Его картину немедленно внесут в TREIMA, компьютеризованную систему учета похищенных культурных ценностей, – любая сделка, превышающая пятьдесят тысяч евро, обязательно пробивается по ее базе данных; санкции в случае несоблюдения этого правила весьма суровы, подчеркнул он, таким образом, перепродажа указанных произведений искусства становится все проблематичнее. Конечно, замаскировать кражу под ритуальное убийство – гениальная идея, и не вмешайся Джед, они так бы и не сдвинулись с места. Но теперь дело примет совсем иной оборот. Рано или поздно портрет появится на рынке, и им не составит никакого труда распутать этот клубок.

– И все же вид у вас не очень довольный, – улыбнулся Джед.

– И все же вид у вас не очень довольный, – улыбнулся Джед.

– Вы правы, – признал Жаслен, приканчивая бутылку. – Поначалу в этой истории, хоть и чудовищной, все-таки угадывалась некая оригинальность. Можно было вообразить, что мы имеем дело с убийством из ревности, с приступом религиозного безумия, ну и так далее. И слишком обидно натолкнуться в итоге на самый банальный, самый распространенный мотив преступлений: деньги.

В будущем году он отметит тридцать лет службы в полиции. Сколько раз за это время

сталкивался он с преступлениями, не имеющими отношения к деньгам? Их можно пересчитать по пальцам одной руки. Оно и лучше, наверное, ибо такая статистика доказывает, что абсолютное зло в человеке – редкость. Но сегодня вечером, сам не зная почему, он был удручен этим обстоятельством.

14

Водонагреватель в итоге пережил Уэльбека, подумал Джед, когда, вернувшись домой, он взглянул на агрегат, который встретил его угрюмым похрапыванием, словно строптивый зверь.

Он пережил и отца, заключил он несколько дней спустя. На дворе уже 17 декабря, через неделю Рождество, а новостей от старика нет как нет. Джед решился позвонить директрисе дома престарелых. Она сообщила, что отец отбыл в Цюрих на прошлой неделе, не указав даты возвращения. В ее голосе не звучало никакого особого беспокойства, и Джед внезапно понял, что в Цюрихе не только эвтаназировали стариков, там еще проживали состоятельные, очень состоятельные, самые состоятельные люди в мире. У многих ее пансионеров были, наверное, родственники и знакомые в Цюрихе, так что в поездке в Цюрих одного из них она не могла усмотреть ничего из ряда вон выходящего. Он обескураженно повесил трубку и заказал билет на завтрашний рейс Swiss Airlines.

Ожидая посадки в огромном и зловещем, каком-то даже похоронном зале вылета аэропорта Руасси-2, он вдруг спросил себя, зачем, собственно, летит в Цюрих. Отец, видимо, уже несколько дней как мертв, и его пепел скорее всего плывет по Цюрихскому озеру. Он прочел в интернете, что тамошняя ассоциация экологов подала жалобу на «Дигнитас»* (так называется центр эвтаназии). И вовсе не по поводу их деятельности, напротив, означенные экологи приветствовали существование «Дигнитас», более того, выражали чувство глубокой солидарности с их миссией; просто, по мнению экологов, количество пепла и человеческих костей, которые они сбрасывали в воды озера, превысило допустимую норму, способствуя, как это ни прискорбно, чрезмерному распространению бразильского карпа, недавно завезенного в Европу, в ущерб арктическому гольцу да и всем прочим местным рыбам.

* От лат. dignitas, достоинство.

Джед, конечно, мог остановиться в одном из элитных отелей на берегу озера, вроде Widder или Baur au Lac, но понял, что сейчас ему трудно будет вынести непомерную роскошь. Поэтому он выбрал просторную и функциональную гостиницу возле аэропорта, находящуюся на территории городка Глаттбруг. Она, впрочем, тоже оказалась довольно дорогой, и на первый взгляд вполне комфортабельной; интересно, в Швейцарии вообще существуют дешевые отели? И некомфортабельные?

Он появился там около десяти вчера, мороз крепчал, но комната ему досталась уютная и симпатичная, несмотря на мрачный фасад заведения; он посвятил некоторое время изучению меню room service, пока не понял, что не голоден; более того, ему просто не лез кусок в горло. Он решил было посмотреть порнофильм, но заснул прежде, чем ему удалось разобраться в системе pay per view*.

* Плата за просмотр (англ.).

Когда Джед проснулся на следующее утро, все окрестности отеля были затянуты белесой дымкой. Вылеты отменены, сообщил ему дежурный администратор, аэропорт парализован. Он отправился на завтрак, но его хватило разве что на кофе и половинку молочной булочки.

Потом он проштудировал план города – путь был неблизким, центр эвтаназии тоже находился в пригороде Цюриха, но совсем в другом,- потом плюнул и взял такси. Шофер отлично знал Ифангштрассе; Джед забыл записать номер дома, но тот успокоил его, сказав, что улица короткая. Она рядом со станцией Шверценбах, добавил он, и идет параллельно железнодорожным путям. Джед смутился, предположив, что таксист счел его кандидатом в самоубийцы. Однако этот плотный мужчина лет пятидесяти, говоривший по-английски с чудовищным швейцарским акцентом, то и дело бросал на него в зеркало заднего вида игривые заговорщические взгляды, плохо вязавшиеся с идеей достойной смерти. Их смысл он понял, когда они остановились в начале Ифангштрассе перед огромным зданием в неовавилонском стиле, – судя по протертому красному коврику, китчевым эротическим фрескам и пальмам в кадках у входа, его привезли в бордель. Джед с облечением вздохнул при мысли, что он все-таки больше похож пока еще на клиента борделя, чем центра эвтаназии; он расплатился, оставив щедрые чаевые, и, подождав, пока таксист развернется, пошел вперед по улице. Ассоциация «Дигнитас» хвастливо гарантировала, в период пиковых нагрузок, обслуживание по сотне клиентов в день. И еще неизвестно, мог ли бордель Babylon FKK Relax-Oase похвастаться такой же пропускной способностью, хотя открывался раньше, закрывался позже (в «Дигнитас» же можно было попасть только в рабочие часы и до девяти вечера по средам, когда он переходил на особый режим,) и вложил немалые средства в богатое – весьма сомнительного вкуса, но богатое – оформление. Офис «Дигнитас», напротив, – Джед понял это, подойдя к их зданию, в пятидесяти метрах дальше по улице, – располагался в восхитительно заурядном белом бетонном сооружении с милыми сердцу Ле Корбюзье стоечно-балочными конструкциями, свободным фасадом и полным отсутствием архитектурных излишеств, что делало его похожим, по сути, на тысячи белых бетонных зданий, из которых состоят «полуспальные» пригороды во всех уголках земного шара. С одной лишь разницей – качество бетона было совсем иным, будьте уверены, швейцарский бетон даст сто очков вперед польскому, индонезийскому и мадагаскарскому. Ни единой шероховатости, ни единой трещинки – фасад был девственно чист, хотя прошло уже лет двадцать с тех пор, как его возвели. Отец наверняка не преминул отметить это даже накануне смерти.

В тот момент, когда он собирался позвонить, двое мужчин в холщовых брюках и куртках вынесли из дверей гроб светлого дерева, правда, низкопробный, может быть даже из ДСП, и засунули его в пикап «пежо-партнер», припаркованный у входа. Не обращая на Джеда никакого внимания, они тут же вернулись обратно и ровно через минуту вышли со следующим гробом, точно таким же, как первый, и тоже засунули его в микроавтобус. Чтобы легче было работать, они заблокировали дверцы. Итак, его предположение подтвердилось: Babylon FKK Relax-Oase было далеко до активной жизнедеятельности «Дигнитас». Рыночная стоимость страданий и смерти превысила цену наслаждений и секса, заключил Джед, благодаря чему, возможно, Дэмиену Херсту удалось несколько лет назад отбить у Джеффа Кунса мировое первенство на арт-рынке. Да, он запорол картину, посвященную этому событию, он просто не смог ее закончить, но она все еще имела право на существование, кому-нибудь другому удалось бы ее написать – для этого, конечно, понадобился бы художник получше. Зато ни одно полотно, на его взгляд, не передало бы достаточно верно различие между хозяйственным динамизмом двух предприятий, расположенных в нескольких десятках метров друг от друга, на одном тротуаре ничем не примечательной, унылой улицы, идущей вдоль железнодорожных путей в восточном предместье Цюриха.

Тем временем в пикап запихнули третий гроб. Не дожидаясь четвертого, Джед вошел внутрь и поднялся по ступенькам на площадку, куда выходили три двери. Он толкнул правую, с табличкой Wartesaal, и попал в зал ожидания с кремовыми стенами и тусклой мебелью из пластика, который, надо сказать, чем-то напоминал комнату, в которой он сидел на набережной Орфевр, разве что отсюда не открывался панорамный вид на мост Искусств, в

окнах маячил безымянный спальный пригород. Из репродукторов, закрепленных под потолком, лилась фоновая музыка, печальная, разумеется, но достойная – к ней очень подошел бы этот эпитет, – вероятно, что-то из сочинений Барбера.

Сидевшие тут пять человек являлись скорее всего кандидатами в самоубийцы, но сказать о них что-то еще было сложно. Их возраст не поддавался определению, он дал бы им всем от пятидесяти до семидесяти лет, не такие уж они были дряхлые, так что отец по прибытии, надо думать, оказался старшим в группе. Один из них, мужчина с белоснежными усами и пунцовым лицом, выглядел как типичный англичанин; остальных трудно было позиционировать даже с точки зрения национальности. Изможденный человек с внешностью южанина, смугло-желтой кожей и ужасно впалыми щеками – он единственный тут, кстати, производил впечатление тяжело больного – увлеченно читал (он на мгновение поднял голову, когда Джед вошел, потом снова погрузился в чтение) испаноязычное издание «Приключений Спиру»; он явно прибыл из какой-то латиноамериканской страны.

Джед нерешительно потоптался на месте и обратился к женщине лет шестидесяти, по виду обычной альгойской домохозяйке, обладавшей, судя по всему, недюжинным талантом в деле вязания на спицах. Она объяснила ему, что тут, а как же иначе, есть рецепция, выйдете из зала – сразу налево.

Выйдя из зала, Джед толкнул левую дверь, несмотря на отсутствие таблички. Вполне декоративная, но не более того, девица за стойкой (в Babylon FKK Relax-Oase уж точно найдутся экземпляры получше, подумал он) усердно решала сканворд. Джед изложил свою просьбу, которая, судя по всему, шокировала ее: после кончины родственники не приходят, объяснила она. Иногда до, никогда после. Sometimes before… Never after… – талдычила она сквозь зубы. Эта идиотка начинала не на шутку бесить его, и он повысил тон, повторив, что раньше приехать не мог, но сейчас ему совершенно необходимо увидеть представителя дирекции, поскольку он имеет право посмотреть досье своего отца. Слово право, кажется, возымело действие, и она с явной неохотой сняла телефонную трубку. Через несколько минут в комнате появилась женщина лет сорока в светлом костюме. Она заглянула в досье: так оно и есть, его отец поступил к ним утром 10 декабря. Операция прошла «совершенно нормально», – добавила она.

Отец, наверное, приехал 9-го вечером, подумал Джед. Где он провел свою последнюю ночь? Раскошелился ли на роскошный Baur au lac} Хорошо бы, но вряд ли. Зато Джед не сомневался, что, уходя, он оплатил счет и долгов после себя не оставил.

Он стал настаивать, умолять даже. Он был в командировке, когда это случилось, приврал он, ну совсем никак не мог приехать, и теперь хотел, бы узнать поподробнее о последних минутах отца. Женщина, явно раздражившись, в конце концов сдалась и предложила ему проследовать за ней. Проведя его по длинному темному коридору, заставленному металлическими шкафами для картотек, она свернула в свой кабинет, удобный и светлый, выходивший окнами на нечто вроде сквера.

– Вот досье вашего отца, – сказала она, протягивая ему тонюсенькую папочку. Слово досье применительно к ней было, мягко говоря, преувеличением: в папке оказался один-единственный лист, исписанный с двух сторон на швейцарском диалекте немецкого.

– Я тут ничего не понимаю… мне надо отдать текст на перевод.

– Да что именно вы хотите узнать? – Ее спокойствие таяло с каждой минутой. – Я же вам

говорю, все в порядке!

– Я полагаю, его обследовали врачи?

– Естественно.

Судя по тому, что Джед успел прочесть в репортажах, медицинское обследование сводилось к измерению давления и нескольким чисто условным вопросам, напоминавшим мотивационное интервью, с той только разницей, что тут все проходили его успешно и окончательное решение принималось меньше чем за десять минут.

– Мы действуем в полном соответствии со швейцарским законом, – заявила она, на сей раз ледяным тоном.

– Что стало с телом?

– Ну что ж, как и подавляющее большинство наших клиентов, ваш отец выбрал опцию «кремация». Мы во всем следовали его пожеланиям; затем прах был развеян на природе.

Вот оно, подумал Джед; теперь его отец служил кормом бразильским карпам в Ziiricbsee*.

* Цюрихское озеро (нем.).

Она забрала у него папку, полагая, видимо, что разговор окончен, и встала, чтобы убрать ее в шкаф. Джед тоже встал, подошел к ней и со всего маха влепил ей пощечину. Она приглушенно заскулила, но план сопротивления выработать не успела. Он мгновенно нанес ей свирепый апперкот в подбородок и тут же перешел к серии быстрых ударов по рукам. Она зашаталась, пытаясь прийти в себя, но он, отступив на шаг, изо всей силы заехал ей ногой в солнечное сплетение. На сей раз она все же рухнула, здорово ударившись о металлический угол стола; что-то громко хрустнуло. Наверное, пришлось по позвоночнику, догадался Джед. Он склонился к ней: она была оглушена и дышала с трудом, но дышала.

Он быстро зашагал к выходу, опасаясь, как бы кто-нибудь не поднял тревогу, но девица в приемной едва подняла глаза от своего сканворда; надо сказать, их борьба проходила в абсолютной тишине. Станция была всего в двухстах метрах. Когда он вошел туда, на одном из перронов остановился поезд. Джед вскочил в него, не взяв билета, но контролер так и не появился, и он спокойно доехал до Центрального вокзала Цюриха.

Добравшись до отеля, он понял, что драка пошла ему на пользу. Впервые в жизни он прибег к физическому насилию и от этого страшно проголодался. Он с аппетитом поужинал, заказав раклет с вяленой говядиной и «горной ветчиной» и замечательное красное вино из кантона Вале.

На следующее утро в Цюрихе установилась хорошая погода, и земля покрылась тонким слоем снега. Джед отправился в аэропорт, полагая, что его арестуют на паспортном контроле, но все прошло нормально. И в последующие дни тоже ничего не случилось. Он удивился, что они решили не предъявлять иск; возможно, им не хотелось никоим образом заострять внимание общественности на своей деятельности. Не исключено, что в обвинениях, выложенных в интернете, относительно личного обогащения членов ассоциации, была доля истины. За эвтаназию брали в среднем пять тысяч, тогда как летальная доза пентобарбитала стоила всего двадцать евро, да и кремация по низшему разряду, скорее всего, не сильно дороже. Учитывая, что Швейцария удерживается в позиции квазимонополиста на этом бурно развивающемся рынке, у них в самом деле бабок хоть жопой ешь.

Его возбуждение быстро улеглось, уступив место внезапно накатившей глубокой печали, и он понял, что это уже навсегда. Через три дня он впервые провел рождественский вечер в одиночестве. И новогоднюю ночь. И все последующие дни он тоже был один.

Эпилог

Через несколько месяцев Жаслен вышел на пенсию. То есть ему и полагалось уйти в это время, но до сих пор он собирался просить продления, на год или два по меньшей мере. Однако дело Уэльбека так потрясло комиссара, что его привычная вера в себя и свои профессиональные качества рассыпалась в прах. Никто ни в чем его не упрекал, напротив, его in extremis* возвели в ранг дивизионного комиссара; на новом посту он, конечно, мало что успеет, зато пенсия слегка увеличится. На отвальную, можно сказать отвальную «с размахом», пригласили всю Бригаду уголовного розыска, а префект полиции обещал даже произнести речь. Короче, его провожали с почестями, давая понять, что он был, в общем и целом, хорошим полицейским. Действительно, он тоже считал, что был достойным почестей полицейским, упорным полицейским во всяком случае, а упорство, между прочим, возможно, единственное качество человека, которое ценится не только в профессии полицейского, но и во многих других профессиях, во всех тех, по крайней мере, которые имеют отношению к понятию истины.

* В последний момент (лат.).

За пару дней до того, как он физически покинул офис, Жаслен пригласил Фербера на обед в маленький ресторанчик на площади Дофин. Был понедельник, 30 апреля, многие уехали на длинный уикенд, и Париж затих, а в ресторане сидели одни туристы, всего несколько пар. Весна была в самом разгаре, почки распустились, в солнечных лучах плясали пылинки и частички пыльцы. Они сели за столик на террасе и заказали по пастису на аперитив.

– Знаешь, – сказал он в тот момент, когда официант ставил перед ними стаканы, – это дело я провалил, от начала до конца. Если бы он не заметил отсутствия своей картины, мы бы так и не вышли из тупика.

– Не будь так строг к себе. Все же идея свозить его туда возникла у тебя.

– Нет, Кристиан, – мягко ответил Жаслен. – Ты забыл, идея принадлежала тебе. Я слишком стар, – продолжал он после паузы. – Я просто слишком стар для этой работы. Мозги с годами начинают буксовать, как и все остальное; даже быстрее, чем все остальное, мне кажется. Изначально человек не был запрограммирован, чтобы жить восемьдесят или сто лет; ну максимум тридцать пять – сорок, как в доисторические времена. Некоторые органы еще держатся на плаву – и даже молодцом, – а остальные потихоньку идут насмарку, кто медленно, кто быстро.

– И что ты собираешься делать? – спросил Фербер, пытаясь сменить тему. – Останешься в Париже?

– Нет, переберусь в Бретань. В дом, где жили родители до переезда в Париж.

Вообще-то там для начала требовался основательный ремонт. Удивительно, подумал Жаслен, что эти люди, принадлежавшие его прошлому, недавнему прошлому и даже совсем недавнему прошлому – его собственные родители, – прожили практически всю жизнь в условиях, которые сегодня кажутся неприемлемыми: без ванной, душа и хоть сколько-нибудь приличной системы отопления. Элен все равно должна была доработать ученый год, так что до конца лета они

переселиться не смогут. Мастерить он не любит, признался он Ферберу, а вот садовые работы – это да, он с радостью предвкушал, как они будут возделывать огород.

– И потом, – улыбнулся он, – я собираюсь читать детективы. Пока я работал, у меня до них руки не доходили, постараюсь начать теперь. Но американцев я читать не хочу, а такое впечатление, что, кроме них, никого нет. Ты никакого француза не можешь мне посоветовать?

– И потом, – улыбнулся он, – я собираюсь читать детективы. Пока я работал, у меня до них руки не доходили, постараюсь начать теперь. Но американцев я читать не хочу, а такое впечатление, что, кроме них, никого нет. Ты никакого француза не можешь мне посоветовать?

– Жонке, – не задумываясь, ответил Фербер. – Тьерри Жонке. Во Франции он, мне кажется, лучше всех.

Жаслен записал фамилию в блокнот, как раз когда официант принес ему жареного морского языка. Кормили тут вкусно, говорили они мало, но ему приятно было посидеть с Фербером напоследок, и он был благодарен ему за то, что тот не произносил банальностей вроде того, что они обязательно увидятся и будут на связи. Он уедет жить в провинцию, а Фербер останется в Париже, станет хорошим полицейским, очень хорошим полицейским, и наверняка получит звание капитана до конца года, чуть позже – майора, а там, глядишь, и комиссара; но скорее всего они больше никогда не встретятся.

Они засиделись в ресторане, все туристы уже ушли. Жаслен доел десерт – шарлотку с засахаренными каштанами. Солнечный луч пробрался между платанами и осветил площадь, какая красота.

– Кристиан, – нерешительно сказал Жаслен и, к своему изумлению, заметил, что голос у него слегка дрожит, – обещай мне одну вещь: не забрасывай дело Уэльбека. Я знаю, что теперь это уже не очень-то от нас зависит, но я бы просил тебя периодически дергать парней из Управления по искусству и сообщить мне, когда они до чего-то докопаются.

Фербер кивнул, обещая.

***

Шли месяцы, по обычным каналам никаких следов картины не обнаружилось, и вскоре стало очевидно, что убийца был не профессиональным вором, а коллекционером, который действовал в собственных интересах, не собираясь расставаться с краденым. Это был худший вариант, но Фербер продолжал опрашивать больницы, расширив ареал поисков до частных клиник, хотя не все из них снизошли до ответа; использование специального хирургического оборудования осталось их единственной серьезной зацепкой.

Дело раскрыли только три года спустя, и то случайно. Патрулируя на автостраде A8 между Ниццей и Марселем, группа жандармов попыталась перехватить «порше-911 каррера», мчавшийся со скоростью 2ю км в час. Водитель обратился в бегство, и его задержали уже на подъезде к Фрежюсу. Выяснилось, что машина краденая, водитель пьян, а кроме того, полиции хорошо известна личность преступника. Патрика Ле Браузека* не раз осуждали за банальные и сравнительно мелкие правонарушения – сутенерство, нанесение увечий, но молва настойчиво приписывала ему загадочное пристрастие к незаконной торговле насекомыми. На свете существует более миллиона видов насекомых, и каждый год ученые открывают все новые

и новые, особенно в экваториальных регионах. Некоторые состоятельные любители готовы заплатить значительные суммы, и даже очень значительные, за хороший редкий экземпляр – в виде чучела или, что еще лучше, живьем. Отлов и тем более экспорт этих тварей подчиняется строгим правилам, которые Ле Браузеку удавалось до сих пор обходить – его ни разу не поймали с поличным, а регулярные поездки в Новую Гвинею, Гайану или на Суматру он оправдывал любовью к джунглям и дикой природе. Он и на самом деле был по натуре искателем приключений, причем довольно отчаянным: в одиночку, без проводника, забирался в самые опасные на планете джунгли и пропадал там иногда неделями, не имея при себе ничего, кроме какой-никакой провизии, боевого ножа и таблеток для очистки воды.

* Патрик Ле Браузек (род. 1950) – действующий французский политик, член компартии Франции.

На этот раз у него в багажнике обнаружили чемоданчик, обитый мягкой кожей с многочисленными отверстиями для воздуха; дырочки были еле заметны, и на первый взгляд он мог сойти за атташе-кейс руководителя среднего звена. Внутри же, разделенные перегородками из плексигласа, копошилось штук пятьдесят насекомых, среди которых жандармы тут же опознали сколопендру, паука-птицееда и гигантскую уховертку; остальных определили через несколько дней, в Музее естественной истории Ниццы. Они направили список специалисту, единственному, надо сказать, во Франции специалисту по такого рода преступлениям, который наскоро прикинул: по рыночным ценам все вместе тянуло на сотню тысяч евро.

Ле Браузек быстро во всем признался. Он поругался с одним из своих клиентов – каннским хирургом – из-за оплаты предыдущей поставки, но согласился приехать к нему с дополнительными экземплярами. Разговор не получился, он ударил хирурга, и тот упал навзничь на мраморный столик. Ле Браузек был уверен, что он скончался. «Это несчастный случай, – защищался он, – я совершенно не собирался его убивать». Он запаниковал и, вместо того чтобы вызвать такси, как он сделал на пути в Канны, угнал машину своей жертвы. Таким образом, карьера правонарушителя закончилась так же, как и протекала, – преступно и по-идиотски.

Сотрудники Регионального управления уголовной полиции Ниццы отправились на виллу Адольфа Петиссо*, практикующего хирурга. Он жил на авеню Калифорнии, на возвышенностях Канн, и ему принадлежало восемьдесят процентов акций собственной клиники, специализирующейся на реконструктивной и пластической хирургии для мужчин. Он жил один. Это был определенно человек небедный, газон и бассейн поддерживались в отличном состоянии, а в доме они насчитали с десяток комнат.

Осмотр первого и второго этажей ничего не дал. Все указывало на ничем не примечательный, классический образ жизни гедониста, не слишком рафинированного представителя крупной буржуазии, лежавшего теперь с разбитым черепом в луже крови на ковре в гостиной. Ле Браузек наверняка сказал правду: будничный деловой разговор неожиданно принял скверный оборот, так что в предумышленном убийстве обвинить его нельзя. Но лет десять ему все-таки дадут, не меньше.

* По-французски фамилия Петиссо звучит как «придурковатый» (от фр. petit sot).

А вот в подвале их ждал сюрприз. Этих бывалых стражей порядка пронять было трудно, Ницца и ее окрестности издавна славятся высокой преступностью, ставшей еще агрессивнее с появлением русской мафии, но ни майор Бардеш, возглавлявший группу, ни его люди никогда ничего подобного не видели.

Все четыре стены помещения площадью двадцать метров на десять были почти полностью заставлены застекленными этажерками двухметровой высоты. На полках, на равном расстоянии друг от друга, освещенные галогенными слотами, выстроились в ряд чудовищные люди-химеры. Половые органы были пересажены им прямо на торс, крошечные ручки эмбриона служили продолжением носа, образуя нечто вроде хобота. Прочие композиции представляли собой месиво из сросшихся, переплетенных, сшитых вместе человеческих конечностей, опутавших искаженные гримасами лица. Все это хранилось неведомым им способом, но существа получились до ужаса реалистичными: искромсанные лица, как правило лишенные глаз, застыли в леденящих душу страдальческих оскалах, в местах ампутаций засохла кровь. Петиссо оказался законченным извращенцем, дававшим выход своим извращениям весьма неординарным способом, наверняка у него были сообщники, то есть имела место незаконная торговля трупами и, возможно, эмбрионами тоже, расследование будет долгим, подумал Бардеш в ту минуту, когда один из его помощников, молодой бригадир, недавно зачисленный в команду, потерял сознание и теперь в нескольких метрах от него оседал на пол с замедленной грацией, словно срезанный цветок.

Он также подумал мимоходом, что вот отличная новость для Ле Браузека, – хороший адвокат не преминет воспользоваться ситуацией, живописуя монструозность жертвы, что, несомненно, повлияет на решение присяжных.

Центр подвальной комнаты занимал огромный стол с подсветкой, по меньшей мере пять метров на десять. В его внутреннем пространстве, разделенном на ячейки прозрачными перегородками, шебуршились сотни насекомых, сгруппированные по видам. Кто-то из полицейских, нечаянно запустив механизм управления на краю стола, привел в движение одну из перегородок: десяток пауков-птицеедов, быстро перебирая мохнатыми лапками, ринулись в соседний отсек и, не мешкая, принялись разрывать на части тамошних обитателей – толстых красноватых сороконожек. Так вот чем занимался по вечерам доктор Петиссо, вместо того чтобы, по примеру своих собратьев, предаваться безобидным оргиям с проститутками славянского происхождения. Он просто-напросто возомнил себя Богом и обращался со своей популяцией насекомых так же, как Бог с людской популяцией.

На этом все бы и закончилось, не вмешайся Ле Герн, недавно откомандированный в Ниццу молодой бригадир из Бретани, которого Бардеш счастлив был принять под свое крыло. Прежде чем вступить в ряды полиции, Ле Герн проучился два года в Школе изящных искусств в Ренне, благодаря чему узнал в незаметном рисунке углем на стене, втиснутом в один из редких проемов между этажерками, эскиз Фрэнсиса Бэкона. Присмотревшись, они обнаружили по одному произведению искусства во всех четырех углах подвала. Кроме эскиза Бэкона тут были два пластината фон Хагенса, сами по себе достаточно отвратительные. И наконец, живописное полотно, в котором Ле Герн вроде бы узнал последнюю на тот день картину Джеда Мартена «Мишель Уэльбек, писатель».

Вернувшись в комиссариат, Бреш немедленно пробил их находки по картотеке TREIMA. Ле Герн оказался прав на все сто. Пластинаты хирург приобрел, судя по всему, вполне легально, а вот эскиз Бэкона был украден лет десять назад из музея Чикаго. Самих похитителей арестовали несколько лет спустя, но они наотрез отказались сдавать покупателей, что было большой редкостью в этой среде. Рисунок среднего формата достался Петиссо в то время, когда цены на Бэкона слегка упали, и он, видимо, заплатил за него половину рыночной стоимости – обычная практика; для человека его уровня доходов это была трата значительная, но, в общем, подъемная. Зато Бардеш пришел в ужас, узнав, как взлетели сейчас цены на Джеда Мартена; даже за полцены хирург никогда бы не смог позволить себе такую покупку.

Он позвонил в Управление по борьбе с незаконным оборотом предметов искусства, где все страшно засуетились: речь шла об их самом крупном деле за последние пять лет. Цены на Мартена росли с головокружительной быстротой, и все ожидали, что картина вот-вот всплывет на рынке, но не тут-то было; они, надо сказать, пребывали в некотором недоумении.

Еще одно очко в пользу Ле Браузека, признал Бардеш: он отбыл с чемоданчиком насекомых на сто тысяч евро и «порше», наверняка не дороже, не прихватив картину стоимостью в двенадцать миллионов. Все указывало на панику, спонтанность, случайное преступление, и хорошему адвокату не составит труда обратить это в пользу обвиняемого, даже если наш искатель приключений скорее всего понятия не имел о сокровище, находившемся у него под рукой.

Через четверть часа директор управления позвонил Бардешу лично и, горячо поздравив его, дал рабочий и мобильный телефоны майора Фербера из уголовного розыска, ведущего следствие по этому делу.

Он тут же набрал своего коллегу. Было уже девять вечера, но Бардеш застал его на месте, он как раз собирался уходить. Фербер тоже вздохнул с явным облегчением, услышав новость, а то он уже склонялся к мысли, что они никогда ничего не узнают, а нераскрытое дело саднит как старая рана, полушутя добавил майор, и все время напоминает о себе, ну, Бардеш-то понимает, о чем речь.

Да, Бардеш понимал; обещав завтра же послать ему краткий отчет, он повесил трубку.

На следующий день перед обеденным перерывом Фербер получил по мейлу описание обнаруженных в Ницце предметов искусства. Клиника доктора Петиссо, отметил он мимоходом, была в числе тех, кто отозвался на их запрос; признав, что у них есть лазерный скальпель, они заверили, что аппарат находится на своем месте. Фербер даже нашел их ответ: его подписал лично Петиссо. Мог бы, попенял себе Фербер, удивиться тогда, что клиника, специализирующаяся на реконструктивной и пластической хирургии, имеет оборудование, предназначенное для ампутаций; правда, в названии клиники ничто не указывало на ее специализацию; кроме того, они получили сотни ответов. Нет, заключил он, им совершенно не в чем себя упрекнуть. Прежде чем позвонить Жаслену в Бретань, он на несколько секунд задержался взглядом на физиономиях убийц. У Ле Браузека был вид очередной бессовестной скотины, хотя и не особо жестокой. С такого рода заурядными преступниками он сталкивался ежедневно. А вот Петиссо поразил его: в объектив, демонстрируя уверенность в себе и полное отсутствие комплексов, улыбался довольно красивый мужчина с великолепным и, видимо, постоянным загаром. Одним словом, он вполне соответствовал образу каннского пластического хирурга, проживающего на авеню Калифорнии. Бардеш был прав: такого рода субъекты время от времени попадались в сети, но не уголовного розыска, а полиции нравов. Человечество производит иногда странное впечатление, думал он, набирая номер, но, как правило, странное и мерзкое, а не странное и прекрасное. И тем не менее он был умиротворен и безмятежен и знал, что и Жаслен, узнав новости, почувствует то же самое и сможет наконец по-настоящему пожить в свое удовольствие на пенсии. Пусть косвенным и нестандартным путем, но виновный понес наказание; равновесие восстановлено. Рана может теперь зарубцеваться.

Уэльбек оставил в завещании как нельзя более точные распоряжения: в случае, если он умрет раньше Джеда Мартена, картину следовало вернуть автору. Фербер сразу дозвонился до Джеда: он был дома; нет, он его не побеспокоил. Ну разве что совсем немного, поскольку он смотрел сборник «Утиных историй» по Disney Channel, но зачем вдаваться в подробности.

Портрет, замешанный уже в двух убийствах, прибыл к Джеду без всяких особых предосторожностей, в обыкновенном полицейском фургоне. Он поставил его на мольберт посреди комнаты и вернулся к своим занятиям, которые в тот момент были самыми что ни на есть прозаическими: он чистил насадочные линзы и убирал в комнате. Мозг у него функционировал в замедленном режиме, и лишь через несколько дней он осознал, что картина давит на него, в ее присутствии ему становилось ужасно не по себе. Дело не только в том, что от нее словно веяло кровью, как веет кровью от некоторых знаменитых драгоценностей и вообще от предметов, вокруг которых в прошлом кипели страсти; нет, его тревожил прежде всего экспрессивный, пронизывающий взгляд Уэльбека, который теперь, когда его нет в живых, – а Джед сам видел, как посреди кладбища Монпарнас комья земли один за другим разбивались о крышку его гроба, – казался противоестественным и неуместным. Правда, портрет как таковой, глаза б на него не смотрели, явно удался, ощущение жизненной силы, исходившей от писателя, было поразительным, чего уж тут скромничать. Что же касается его стоимости в двенадцать миллионов евро, то Джед всегда отказывался давать комментарии по этому поводу, но как-то раз сорвался – в беседе с особо приставучим журналистом: «Не надо искать смысл там, где его нет», перефразировав тем самым, не вполне отдавая себе в этом отчет, заключительные слова «Трактата» Витгенштейна: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать»*.

Он позвонил Францу в тот же вечер – рассказать о случившемся и сообщить о своем решении выставить «Мишеля Уэльбека, писателя» на продажу.

* Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Перевод с немецкого Добронравова И. и Лахути Д.; Общ. ред. и предисл. Асмуса В. Ф. – М.: Наука, 1958 (2009).

Войдя в кафе «У Клода» на улице Шато-де-Рантье, он почувствовал с бесспорной очевидностью, что переступает порог этого заведения в последний раз; он также понял, что это их последняя встреча. Франц сидел сгорбившись за их привычным столиком перед бокалом красного вина. Он постарел, словно придавленный грузом тяжких забот. Конечно, он заработал много денег, но, видимо, говорил себе, что, подожди он пару лет, заработал бы в десять раз больше; наверное, он уже разместил свой капитал, а это вечный источник головной боли. Кроме того, судя по всему, он с трудом переносил новый статус богача, как и большинство выходцев из бедных слоев: богатство делает счастливым только тех, кто всегда жил в относительном достатке и был готов к этому с детства; когда же оно сваливается на человека, которому пришлось нелегко в начале пути, то в первую очередь он испытывает – ему иногда удается подавить на время это чувство, пока в конце концов оно не возвращается с новой силой, чтобы накрыть его уже с головой, – просто-напросто страх. Джед же, родившись в состоятельной семье, очень быстро добился успеха и с легким сердцем смирился с тем, что у него на текущем счету очутилось четырнадцать миллионов евро. Его даже не особенно доставал банкир. После нынешнего финансового кризиса, который оказался еще хлеще, чем в 2008 году, и привел к разорению Credit Suisse и Royal Bank of Scotland, не говоря уже о ряде других менее крупных учреждений, банкиры сидели тихо, и это еще слабо сказано. Само собой, у них неизменно был наготове привычный набор для запудривания мозгов, вколоченный им за годы учебы; но стоило им втолковать, что никакие вклады его не интересуют, как они, покорно вздохнув, отступались, безропотно убирали на место предусмотрительно заготовленную тоненькую папочку и чуть ли прощения не просили; лишь жалкие остатки профессиональной гордости не позволяли им предложить ему открыть сберегательный счет под 0,45% годовых. Вообще, наступил довольно странный с идеологической точки зрения период: с одной стороны, все без исключения жители Западной Европы, похоже, считали, что капитализм на последнем издыхании, самом последнем, и буквально дышит на ладан, с другой – ультралевым партиям не удавалось соблазнить никого, кроме своей всегдашней клиентуры, всяких там злобных

мазохистов. Словно пелена пепла обволокла умы.

Они посвятили несколько минут обсуждению ситуации на арт-рынке, если вдуматься, довольно параноидальной. Многие эксперты полагали, что период лихорадочной активности сменится затишьем и рынок будет медленно и плавно расти в нормальном ритме; некоторые даже предсказывали, что вложения в искусство станут этакой тихой гаванью для инвесторов; они ошиблись. «Тихим гаваням пришел конец» – так недавно Financial Times озаглавила редакционную статью; сделки в области искусства стали еще более нервными, сумбурными и лихорадочными, котировки росли и падали в мгновенье ока, и ArtPrice приходилось составлять новый рейтинг каждую неделю. Они выпили еще по бокалу и еще. – Я могу найти покупателя, – наконец выдавил из себя Франц. – Не сразу, ясное дело. При твоем уровне цен не всякий готов…

Они посвятили несколько минут обсуждению ситуации на арт-рынке, если вдуматься, довольно параноидальной. Многие эксперты полагали, что период лихорадочной активности сменится затишьем и рынок будет медленно и плавно расти в нормальном ритме; некоторые даже предсказывали, что вложения в искусство станут этакой тихой гаванью для инвесторов; они ошиблись. «Тихим гаваням пришел конец» – так недавно Financial Times озаглавила редакционную статью; сделки в области искусства стали еще более нервными, сумбурными и лихорадочными, котировки росли и падали в мгновенье ока, и ArtPrice приходилось составлять новый рейтинг каждую неделю. Они выпили еще по бокалу и еще. – Я могу найти покупателя, – наконец выдавил из себя Франц. – Не сразу, ясное дело. При твоем уровне цен не всякий готов…

Джед, собственно, никуда не спешил. Разговор увял и вскоре вовсе иссяк. Они огорченно смотрели друг на друга. «Мы столько вместе пережили…» – хотел было сказать Джед, сделав последний рывок, но голос его угас до того, как он дотянул до конца фразы. Когда он встал, собираясь уйти, Франц сказал:

– Ты заметил… Я не спросил тебя, чем ты сейчас занят.

– Я заметил.

Если честно, то он, мягко говоря, бил баклуши. И так устал от безделья, что несколько недель назад начал разговаривать с нагревателем. Но ужас состоял в том – он осознал это позавчера, – что теперь он ждал, что нагреватель ему ответит. И как в воду глядел, аппарат издавал все более и более разнообразные звуки: постанывал, храпел, резко пощелкивал и шипел, варьируя тональность и уровень громкости; казалось, он вот-вот заговорит человеческим голосом. В сущности, он был самым старым его товарищем.

***

Полгода спустя Джед решил переехать в старый бабушкин дом в Крезе. При этом он мучительно сознавал, что в точности повторяет путь Уэльбека, который тот прошел несколько лет назад. Для собственного спокойствия он неустанно твердил себе, что между ними нет ничего общего. Во-первых, Уэльбек перебрался в Луаре из Ирландии, то есть настоящий переломный момент произошел у него гораздо раньше, когда, покинув Париж, средоточие его писательской деятельности и дружеских отношений – так, во всяком случае, можно предположить, – поселился в Ирландии. Разрыв, на который отважился сейчас Джед, покидая социальный центр своей художественной деятельности, был того же порядка. По правде

говоря, он уже его осуществил. В первые месяцы после того, как он проснулся знаменитым, Джед соглашался на участие в бьеннале, ходил на вернисажи и раздавал направо и налево бесчисленные интервью – один раз даже прочел лекцию, но она не оставила следа в его памяти. Потом он сбавил обороты, перестал отвечать на приглашения и электронные письма и за каких-нибудь два года погрузился в гнетущее депрессивное одиночество, впрочем, по его мнению, необходимое и очень насыщенное, сродни буддийскому небытию, «насыщенному бесчисленными возможностями». Но пока что это небытие порождало одно только небытие, поэтому Джед и сменил место жительства в надежде вновь обрести тот странный импульс, который подвиг его в прошлом на то, чтобы добавить новые, так называемые художественные, объекты в ряд несчетных природных объектов и артефактов, уже присутствующих в мире. В отличие от Уэльбека, он не отправлялся на поиски утраченного гипотетического детства. Ведь его детство прошло не в Крезе, он лишь иногда приезжал туда на летние каникулы, от которых у него не осталось никаких внятных воспоминаний, разве что ощущение смутного первобытного счастья.

Прежде чем уехать из Парижа, ему надо было выполнить последнюю тяжкую миссию, но он откладывал ее сколько мог. Некоторое время назад он заключил договор на продажу дома в Ренси с неким Аленом Семуном, собиравшимся разместить в нем офис своей фирмы. Он разбогател благодаря вебсайту, где скачивали приветствия и картинки для мобильных телефонов. Не бог весть что, если вдуматься, затея проще пареной репы, но за пару лет он вышел на первое место в мире. Семун заключил эксклюзивные контракты со многими выдающимися людьми, и теперь за вполне скромную сумму на его сайте можно было персонализировать свой мобильник, скачав фотку и голос Пэрис Хилтон, Деборы Ченнел, Дмитрия Медведева, Пафф Пафф Дэдди и так далее. Он решил перевести сюда головной офис – библиотека, сказал он, «просто суперская» – и построить в парке современные производственные мастерские. На его взгляд, в Ренси таилась «энергия безумия», которую он рассчитывал использовать в мирных целях; ну что ж, пусть так. Джед подозревал, что он слегка наигрывает, проявляя повышенный интерес к проблемным пригородам, хотя он бы наигрывал, покупая даже упаковку воды «вольвик». Как бы то ни было, заговаривать зубы он умел, и ему удалось наскрести максимум доступных субсидий, региональных и государственных; более того, он едва не обдурил Джеда с ценой на дом, но тот вовремя спохватился, и Семун предложил разумную сумму. Джед, естественно, в этих деньгах не нуждался, но считал, что оскорбит память отца, если отдаст по дешевке дом, где тот когда-то пытался жить, где он пытался, в течение нескольких лет, жить семейной жизнью.

Дул сильный восточный ветер, когда он съехал с автострады к Ренси. Он не был тут уже десять лет. Ворота слегка поскрипывали, но открылись без труда. Под свинцово-серым небом качались ветви тополей и осин. В зарослях травы, крапивы и чертополоха еще угадывались следы аллеи. Он с некоторым ужасом осознал, что тут прошли первые годы, если не первые месяцы его жизни, и вдруг створки времени словно захлопнулись над ним с глухим стуком; я еще молод, подумал он, я не дожил еще и до середины своего заката.

Белые ставни-жалюзи были закрыты, следов взлома на них не наблюдалось, и ключ легко повернулся в замке бронированной входной двери, даже странно. По соседним микрорайонам, надо полагать, пронесся слух, что красть в этом доме нечего, можно не рыпаться. Все верно, ничего тут не было, ничего годного на продажу. Никакой сравнительно новой электронной аппаратуры; массивная нестильная мебель. Немногочисленные украшения матери отец увез с собой – сначала в Булонь, потом в Везине. Шкатулку отдали Джеду вскоре после его смерти; он тут же засунул ее на верхнюю полку шкафа, прекрасно понимая, что следовало бы отдать ее в ломбард, а то рано или поздно он на нее наткнется и ему станет грустно, потому что если у отца жизнь была далеко не веселой, то что уж говорить о матери?

Он сразу узнал обстановку и расположение комнат. В данной функциональной единице жилого фонда, где можно было разместиться аж вдесятером, даже в лучшие времена жили всего три человека, потом два, потом один и, наконец, – никого. Джед на несколько секунд задумался об отоплении. Ни разу, ни в детстве, ни в отрочестве, он не слышал, чтобы заходила речь о проблеме с водонагревателем; да и когда он уже юношей приезжал ненадолго к отцу, разговоров о нем тоже не было. Вероятно, отцу удалось приобрести какой-то исключительный водонагреватель, водонагреватель кроткий и добродетельный, «чьи прекрасные ноги на медных пятах нерушимы, словно колонны храма иерусалимского», или как там священная книга рисует жену мудрую.

Утопая в одном из этих глубоких, наверняка кожаных, диванов, защищенный окнами с орнаментальным стеклом от полуденной летней жары, он читал о приключениях Спиру и Фантазио и стихи Альфреда де Мюссе. Тут Джед понял, что надо спешить, и направился в кабинет отца.

Папки с рисунками обнаружились сразу, в первом же шкафу, который он открыл. Их было штук тридцать, формата 50 сантиметров на 80, обклеенных унылой бумагой с черно-зелеными разводами, как все папки для рисунков прошлого века. Они были завязаны потертыми черными ленточками, которые, казалось, вот-вот порвутся, и до отказа набиты сотнями листков формата А2 – явно плод многолетней работы. Он взял под мышку четыре папки, спустился и открыл багажник своей «ауди».

Поднимаясь в третий раз за рисунками, он заметил высокого негра, который, говоря по мобильнику, смотрел на него с противоположной стороны улицы. Этому амбалу с бритым черепом, ростом за метр девяносто и весом килограмм сто, судя по детскому лицу, было лет шестнадцать, а то и меньше. Джед решил, что Ален Семун защищает таким образом свои инвестиции, и собрался уже идти объясняться, но потом отказался от этой мысли, надеясь, что по описанию чернокожего юноши его собеседник с легкостью опознает незнакомца. Видимо, так оно и случилось, потому что юноша не стал его беспокоить, а мирно наблюдал за его передвижениями.

Джед послонялся еще немного по второму этажу, не испытав, однако, никаких особых эмоций, даже не вспомнив ничего определенного, хотя понимал, что больше никогда не вернется в этот дом, который все равно станет теперь совсем другим, потому что придурок покупатель скорее всего сломает перегородки и выкрасит все в белый цвет, но и это не помогло, никакие образы так и не возникли у него в сознании, он бродил будто в забытьи, во власти какой-то бесконечной, вязкой тоски. Выйдя, он тщательно запер ворота. Чернокожий парень ушел. Внезапно ветер стих, ветки тополей застыли, и воцарилась полнейшая тишина. Он развернулся и, вырулив на улицу Эгалите, без проблем нашел выезд на автостраду.

Джед послонялся еще немного по второму этажу, не испытав, однако, никаких особых эмоций, даже не вспомнив ничего определенного, хотя понимал, что больше никогда не вернется в этот дом, который все равно станет теперь совсем другим, потому что придурок покупатель скорее всего сломает перегородки и выкрасит все в белый цвет, но и это не помогло, никакие образы так и не возникли у него в сознании, он бродил будто в забытьи, во власти какой-то бесконечной, вязкой тоски. Выйдя, он тщательно запер ворота. Чернокожий парень ушел. Внезапно ветер стих, ветки тополей застыли, и воцарилась полнейшая тишина. Он развернулся и, вырулив на улицу Эгалите, без проблем нашел выезд на автостраду.

Джед не привык к вертикальным проекциям, сечениям и планам, при помощи которых архитекторы уточняют назначение каждого элемента будущего здания; поэтому первое

художественное изображение, обнаруженное им на дне первой папки, повергло его в состояние шока. Нет, то, что он увидел, ничем не напоминало жилое здание, скорее нечто вроде сложного переплетения нейронов, где обитаемые ячейки соединялись длинными, изогнутыми, звездообразно разветвляющимися коридорами – с кровлей либо под открытым небом. Ячейки самых разнообразных размеров, но почти всегда круглой или овальной формы, изумили Джеда; он думал, что отцу милее были прямые линии. Его также потрясло полное отсутствие окон; зато крыши тут были прозрачные. То есть, вернувшись домой, жители теряли всякий визуальный контакт с внешним миром – не считая неба.

Во второй папке были собраны детальные чертежи интерьера. Прежде всего, удивляло практически полное отсутствие мебели, вместо нее автор предлагал использовать углубления и возвышения, образованные разноуровневым полом. Ложем служили прямоугольные впадины сорокасантиметровой глубины, то есть в кровать спускались, а не забирались. Точно так же ванные имели вид просторных круглых водоемов, чей бортик приходился вровень с полом. Джед не понимал, из каких материалов отец собирался все это строить; возможно, из полимеров, решил он, наверняка из полистирола, который, подвергаясь горячей штамповке, может принимать любую форму.

Часов в девять вечера Джед разогрел себе в микроволновке лазанью. Он ел медленно, запивая обычным недорогим красным вином. Он думал о том, действительно ли отец верил, что на его проекты можно найти финансирование и худо-бедно их реализовать. Поначалу, конечно, верил, и эта простая мысль уже сама по себе была душераздирающей: теперь, оглядываясь назад, Джед понимал, что шансов у отца не было никаких. Но он, судя по всему, так ни разу и не дошел до стадии макета.

Джед прикончил бутылку и снова углубился в изучение чертежей, понимая, что это занятие будет все более гнетущим. Видимо, по мере того как на архитектора Жан-Пьера Мартена обрушивались все новые и новые неудачи, он погружался в воображаемый мир, бросая вызов закону тяготения, бесконечно умножал этажи и разветвления коридоров и изобретал, уже совершенно не заботясь ни об их осуществимости, ни о бюджете, несбыточные хрустальные крепости.

К семи утра Джед взялся за содержимое последней папки. Над площадью Альп неуверенно занимался рассвет; день обещал быть хмурым, облачным, наверное, до самого вечера. Строения, изображенные отцом на последних рисунках, были уж совсем не предназначены для жизни, во всяком случае – людей. Винтовые лестницы, взмывая на головокружительную высоту, вели куда-то в поднебесье, к изящным полупрозрачным подвесным мостикам, соединявшим между собой ослепительно белые копьевидные здания, напоминающие своими очертаниями перистые облака. В сущности, с грустью признался себе Джед, захлопывая папку, отец так никогда и не расстался с мыслью строить ласточкины гнезда.

***

Джед не обольщался по поводу приема, который ожидал его в бабушкиной деревне. Он уже убедился, путешествуя с Ольгой по французской глубинке, много лет тому назад, что, за исключением некоторых очень продвинутых туристических мест вроде Прованса и Дордони, деревенские жители, как правило, негостеприимны, агрессивны и глупы. Чтобы избежать бессмысленных стычек и прочих неприятностей во время поездки, лучше было идти по проторенной дорожке во всех смыслах слова. Подспудная враждебность к случайным приезжим превращалась в откровенную ненависть, когда кто-то из них приобретал тут дом. На

вопрос, когда чужака наконец примут за своего в сельской Франции, ответ был очевиден: никогда. В этом, впрочем, не было ни расизма, ни ксенофобии. Для них парижанин был иностранцем, приблизительно таким же, как немец с севера Германии или сенегалец, а иностранцев они решительно не любили.

Франц оставил ему краткое сообщение: «Мишель Уэльбек, писатель» продан индийскому оператору мобильной связи. Таким образом, на его счету появилось еще шесть миллионов евро. Разумеется, богатство чужаков, плативших за покупку домов суммы, которые им самим никогда бы не собрать, являлось одним из основных мотивов неприязни туземцев. Что касается Джеда, тот факт, что он художник, только усугублял ситуацию: в глазах земледельца из Креза его состояние было нажито сомнительным, если не преступным путем. С другой стороны, он же не купил свой дом, а получил его по наследству, и тут еще остались люди, помнившие его, ведь когда-то, несколько лет подряд, Джед приезжал к бабушке на летние каникулы. Он уже тогда дичился и был необщительным ребенком; да и сейчас, по приезде, ничего не сделал, чтобы завоевать расположение соседей, скорее наоборот.

Бабушкин дом выходил задним фасадом на великолепный сад, почти в целый гектар. Бабушка с дедом в свое время полностью преобразовали его в огород, потом потихоньку, по мере того как силы овдовевшей бабушки слабели и она сначала смиренно, а потом уже нетерпеливо принялась ждать смерти, возделанные участки сократились, а овощные грядки, отданные на откуп сорнякам, пришли в запустение. Их владения, ничем не огороженные в глубине, переходили прямо в лес Грандмон, Джед помнил, что как-то раз у них в саду укрылась от охотников олениха. Через несколько недель после приезда он выяснил, что соседний участок в пятьдесят гектаров, почти полностью поросший лесом, выставлен на продажу; он без колебаний купил его.

По деревне быстро поползли слухи, что какой-то парижанин, больной на всю голову, скупает земли, не торгуясь, и к концу года Джед оказался владельцем холмистой, а местами овражистой территории площадью семьсот гектаров. Его земли заросли буками, каштанами и дубами; посередине участка находился пруд, метров пятьдесят в диаметре. Переждав морозы, он возвел ограждение из проволочной сетки по всему периметру, пустив поверх него электрические провода под напряжением от низковольтного генератора. На летальный исход этих ампер не хватило бы, но всякий, кто решился бы перелезть через ограду, точно отдернул бы руки – такие же изгороди под напряжением использовали, чтобы отбить у коров желание покидать свой луг. Джед, между прочим, ни в чем не преступил закон, что он и не преминул заметить жандармам, которые дважды навестили его, обеспокоившись возникшими переменами в облике кантона. Мэр, в свою очередь почтивший его своим визитом, предупредил, что, лишая права прохода охотников, которые из поколения в поколение гонялись по этим лесам за оленями и кабанами, он вызовет сильнейшую враждебность местного населения. Внимательно выслушав его, Джед согласился, что в каком-то смысле такое решение, конечно, достойно сожаления, но повторил, что действует в рамках закона. Вскоре после этого разговора он обратился в компанию, специализирующуюся на гражданском строительстве, попросив их проложить дорогу, которая, пересекая его владения из конца в конец, вела бы к автоматическим воротам, выходившим прямо на департаментальное шоссе D50. Отсюда ему оставалось проехать всего три километра до автострады A20. Джед привык ездить за покупками в «Каррефур» Лиможа, считая, что шансы встретить там кого-нибудь из соседей по деревне невелики. Обычно он отправлялся туда утром во вторник, прямо к открытию, заметив, что в эти часы народу меньше всего. Иногда он оказывался в гипермаркете в полном одиночестве – чистое счастье в максимальном приближении.

Строительное предприятие также соорудило вокруг дома ровную утрамбованную площадку из серой щебенки шириной в десять метров. Внутри дома Джед не изменил ничего.

Все это обустройство стоило ему немногим более восьми миллионов евро. Проведя нехитрые вычисления, Джед заключил, что ему по-прежнему есть что безбедно просуществовать до конца дней своих, даже если он вдруг окажется долгожителем. Его основными тратами, затмевающими все остальные, станут налоги на состояние. Подоходного можно не опасаться. Доходов у него никаких не было, и он совершенно не собирался создавать произведения искусства, предназначенные на продажу.

Шли, как говорится, годы.

Шли, как говорится, годы.

***

Однажды утром, случайно включив радио, – чего он не делал, по самым скромным подсчетам, последние три года, -- Джед узнал о смерти Фредерика Бегбедера, последовавшей в возрасте семидесяти одного года. Он угас в своей резиденции на баскском побережье, окруженный, сообщил ведущий, любовью родных и близких. В это нетрудно было поверить. Действительно, если ему не изменяла память, в Бегбедере чувствовалось нечто, предполагавшее любовь да и вообще наличие «родных и близких»; Уэльбеку и ему самому несвойственно было такое, что ли, панибратское отношение к жизни.

Вот таким косвенным образом, в каком-то смысле путем сопоставления фактов, Джед вдруг понял, что ему исполнилось шестьдесят. Удивительно, он даже не думал, что так постарел. Только общаясь с другими людьми, при их, так сказать, посредничестве мы осознаем собственное старение; в одиночестве мы склонны скорее видеть себя в образе бессмертных. Конечно, волосы его поседели, а лицо было испещрено морщинами, но все это произошло как-то незаметно, ничто впрямую не стравливало его с призраками юности. Такая несообразность потрясла Джеда: он сделал за свою жизнь тысячи снимков, и при этом у него не оказалось ни единой своей фотографии. Ему ни разу не пришло в голову написать автопортрет, никогда он не видел в себе самом хоть сколько-нибудь достойный внимания художественный объект.

Прошло лет десять уж точно с тех пор, как в последний раз открывались южные ворота его владений, ведущие в деревню; тем не менее они поддались без труда, и Джед в очередной раз похвалил себя за то, что обратился в лионское предприятие, рекомендованное бывшим коллегой отца.

Он весьма смутно представлял себе Шателюс-ле-Маршекс, в его воспоминаниях это была убогая деревенька, типичная для сельской Франции, не более того. Но поселок, стоило ему пройти несколько шагов, буквально ошеломил его. Во-первых, он сильно разросся, теперь тут стало в два, если не в три раза больше домов. И дома, все как на подбор, нарядные и утопающие в цветах, были построены с маниакальным соблюдением традиций местного жилстроя. Главная улица пестрела витринами с региональными продуктами и кустарными изделиями, кроме того, на ста метрах он насчитал три кафе с дешевым доступом в интернет. Можно подумать, он гулял по Пхи-Пхи-Дону или Сен-Поль-де-Вансу, а не по неприметной деревушке в департаменте Крез.

Слегка оглоушенный, Джед остановился на главной площади и сразу узнал кафе напротив церкви. Скорее он узнал местоположение кафе. Внутри светильники в стиле ар-нуво, столики темного дерева с ножками из кованого железа и кожаные банкетки, судя по всему, были призваны воссоздать атмосферу парижского кафе бель эпок. При этом каждый столик тут

оборудовали ноутбуком с 21-дюймовым экраном и розетками европейских и американских стандартов, а в приложенном буклете объяснялась процедура подключения к сети Creuse-Sat – выяснилось, что местный генеральный совет профинансировал запуск геостационарного спутника с целью оптимизации интернет-соединения в подведомственном департаменте, – это Джед тоже почерпнул из буклета. Он заказал розовое вино «Менету-Салон» и задумчиво попивал его, размышляя о произошедших переменах. В эти утренние часы в кафе было мало народу. Семья китайцев заканчивала лимузенский breakfast стоимостью 23 евро на человека, констатировал Джед, заглянув в меню. Поблизости от него коренастый бородач с «конским хвостом» на голове рассеянно просматривал свои мейлы; он бросил заинтригованный взгляд на Джеда, нахмурился, не решаясь обратиться к нему, потом снова с головой ушел в компьютер. Джед допил вино и, выйдя, несколько минут неподвижно просидел за рулем своего гибридного кроссовера «ауди» – за последние двадцать лет он три раза менял машины, но остался верен этой марке, подарившей ему когда-то первые радости вождения.

В последующие недели он поэтапно, малыми заходами, исследовал, не выезжая за пределы Лимузена – если не считать короткой вылазки в Дордонь и еще более стремительного броска на холмы Родеза, – страну Францию, которая, бесспорно, была его страной. Франция очень изменилась. Он постоянно рылся в интернете, несколько раз пообщался с владельцами отелей, рестораторами и прочими работниками сферы обслуживания (с хозяином бензоколонки в Периге и девушкой по вызову из Лиможа) и убедился, что его первое впечатление, возникшее, когда он ошарашенно брел по деревне Шателюс-ле-Маршекс, было абсолютно верным: да, страна изменилась, принципиально изменилась. Традиционное население сельской местности практически исчезло. На его место прибыли городские жители, обуреваемые жаждой предпринимательства и, порой, экологическими помыслами, вполне умеренными, правда, и годными на продажу. Они принялись заселять хинтерланд страны, и после множества проб и ошибок новая попытка, подкрепленная на сей раз точным знанием законов рынка и трезвым их приятием, более чем удалась.

Первый вопрос, который задал себе Джед – проявив типичный для художника эгоцентризм, – касался актуальности его серии основных профессий спустя двадцать лет после зарождения замысла. Как посмотреть. Например, «Майя Дюбуа, диспетчер удаленной техподдержки» уже не имела права на существование: теперь колл-центры были полностью переведены в другие страны, как правило в Индонезию и Бразилию. А вот «Эме, эскорт-герл» совсем не утратила своей злободневности. Проституция как раз цвела и пахла в экономическом плане, благодаря неискоренимости вымечтанного образа парижанки, особенно в Латинской Америке и в России, а также неугомонности иммигрантов из Западной Африки. Франция впервые с начала прошлого века снова стала излюбленным направлением секс-туристов. Возникли и новые профессии, или, вернее, прежние ремесла были подогнаны под дух времени, такие, например, как художественная ковка и декоративное литье; снова вошли в моду плавучие сады и огороды*. В деревне Жабрей-ле-Борд, в пяти километрах от той, где жил Джед, снова открылась кузница, ибо департамент Крез, славившийся ухоженными тропками, лесами и полянами, прекрасно подходил для верховых прогулок.

* Имеются в виду разбитые на месте осушенных болот сады и овощные фермы (hortillonnages).

Да и вообще в плане экономики Франция была в шоколаде. Сделав ставку на сельское хозяйство и туризм, страна продемонстрировала завидную стойкость в период разнообразных кризисов, почти беспрерывно следовавших друг за другом последние двадцать лет. Их мощность с годами возрастала, кроме того, они отличались потешной внезапностью – потешной, во всяком случае, с точки зрения Бога-шутника, который явно хохотал до слез, наблюдая за финансовыми судорогами, бросавшими из огня да в полымя таких гигантов, как Индонезия, Россия и Бразилия, а вместе с ними и сотни миллионов человек. Продавать тут

было нечего, кроме уютных отелей, духов и паштетов – иначе говоря, искусства жить по-французски, поэтому Франция легко устояла в период разброда и шатаний. Просто год от года менялась национальность клиентов, только и всего.

Зачастив в Шателюс-ле-Маршекс, Джед каждый день ближе к полудню отправлялся на прогулку по улицам деревни. Выпив аперитив в «Спорт-баре» на площади (сохранившем, как ни странно, старое название), он возвращался обедать домой. Он довольно быстро заметил, что большинство новых поселенцев, судя по всему, знали его – или, по крайней мере, слышали о нем – и смотрели на него без всякой враждебности. Проще говоря, нынешние сельские жители были совсем не похожи на своих предшественников. А все потому, что не злой рок заставил их взяться за кустарное плетение корзин, реконструкцию старой фермы под гостиницу или сыроварение, – нет, это был взвешенный, рационально просчитанный предпринимательский проект.

Эти люди, образованные, терпимые и любезные, легко уживались с иностранцами, обосновавшимися в регионе, что, собственно, было в их интересах, потому что те составляли подавляющую часть их клиентуры. Никуда не денешься, они перекупили огромное количество домов, которые стали не по карману бывшим владельцам из Северной Европы. Конечно, китайская община варилась в собственном соку, но все же в меньшей степени, чем в свое время англичане, они хотя бы никого не заставляли говорить на своем языке. Китайцы с чрезмерной почтительностью, если не с благоговением, относились к местным обычаям, – поначалу новички плохо в них разбирались, но тем не менее давали себе труд их воспроизводить путем адаптивного миметизма; таким образом, в деревню постепенно стали возвращаться местные блюда, танцы и даже наряды. Ну а лучшими клиентами считались, разумеется, русские. Они никогда не торговались, не важно, шла ли речь о заказе аперитива или об аренде внедорожника, и тратили деньги щедро, с размахом, храня верность экономике по типу потлача*, играючи пережившей всевозможные государственные режимы.

* Потлач – обряд североамериканских индейцев, заключающийся в безрассудно щедром раздаривании или бессмысленном уничтожении имущества племени с целью демонстрации партнеру или сопернику собственного богатства и могущества.

Новое поколение было консервативнее и выказывало больше уважения к деньгам и установленной социальной иерархии, чем все предшествующие. И, что еще удивительнее, на этот раз показатели рождаемости во Франции определенно выросли, даже если не брать в расчет иммигрантов, число которых и так стремилось к нулю с тех пор, как исчезли последние рабочие места на производстве и были приняты, в начале двадцатых годов этого века, драконовские меры по сокращению социальной помощи населению. Африканские мигранты отправлялись теперь в новые индустриальные страны, хотя путь туда был далеко не безопасным. Пересекая Индийский океан и . Китайское море, их корабли подвергались частым нападениям пиратов, которые отбирали у несчастных пассажиров последние сбережения, если просто не выкидывали за борт.

Как-то утром, когда Джед маленькими глоточками смаковал шабли, к нему обратился давешний коренастый бородач с хвостом – один из первых повстречавшихся ему жителей деревни. Не зная в точности, чем Джед занимается, он угадал в нем художника. Бородач признался, что сам «балуется» живописью, и предложил показать ему свои работы.

Этот бывший механик с автозаправки в Курбевуа взял кредит, чтобы поселиться в деревне и открыть пункт проката квадроциклов, – Джеду тут же вспомнился хорват с улицы Стефена Пишона и его водные скутеры. Он обожал «харли дэвидсон», и Джеду пришлось вынести

пятнадцатиминутное описание красавца, стоявшего у него в гараже на почетном месте, а также историю его ежегодного тюнинга. Что же касается квадроциклов, то его собеседник считал, что это «круто» и на них можно «классно прокатиться». Да и содержать их, рассудительно заметил он, не так хлопотно, как лошадь; словом, дела шли хорошо, грех жаловаться.

На его картинах, явно навеянных heroic fantasy, бородатый воин с забранными в хвост волосами седлал умопомрачительного боевого механического коня, являвшего собой, видимо, реинкарнацию «харли дэвидсона» в стиле space opera. Он сражался то с липкими зомби, то с полчищами роботов-бойцов. Остальные полотна, изображавшие скорее отдых воина, являлись плодом типично мужских эротических фантазий на тему ненасытных блядей с жадными губами, выступавших, как правило, в тандеме. Сплошной автофикшн* и воображаемые автопортреты; слабая техника живописи не позволяла ему достичь нужного уровня гиперреализма и гладкописи, непременных спутников heroic fantasy. Короче, Джеду редко приходилось видеть подобное уродство. Целый час, пока хозяин неутомимо вынимал из ящиков картины одну за другой, он терялся в поисках удобоваримого комментария и в итоге пробормотал, что его творчество обладает «бесспорной визионерской мощью». И тут же добавил, что потерял всякую связь с миром искусства. Что, впрочем, было чистой правдой.

* Автофикшн (от фр. autofiction, буквально: самовыдумывание) – автобиографическое произведение, где автор изображает себя и события своей жизни, не следуя реальным фактам, а прибегая к свободному вымыслу.

***

Мы бы так никогда и не узнали, как работал Джед Мартен последние тридцать лет, если бы не интервью, которое он дал за несколько месяцев до своей кончины молодой корреспондентке «Арт-пресс». Хотя в журнале этот материал занял больше сорока страниц, речь в нем – за редким исключением – идет только о технических приемах, выработанных художником для изготовления странных видеограмм, которые хранятся сегодня в филадельфийском Музее современного искусства, и, ни в чем не пересекаясь с его творчеством прошлых лет, да и вообще, видимо, не имея аналогов в мире, до сих пор, вот уже три десятка лет, вызывают у посетителей страх и дурноту.

О смысле творчества, занимавшего его все последние годы жизни, Мартен говорить отказывается.

«Я хочу оставить свидетельство о мире… Просто свидетельство о мире…» – повторяет он на протяжении почти целой страницы молодой журналистке, которая, в ужасе от сознания возложенной на нее миссии, никак не может остановить старческое недержание речи, но так оно, может, и лучше, ибо болтовня Джеда Мартена, свободного в своей старческой непосредственности, сводится в основном к выбору диафрагмы, глубины резкости и совместимости разного софта… Потрясающее интервью, только юную журналистку «не видно за клиентом», как ехидно заметила газета «Монд», кусавшая себе локти от досады, что пропустила такой эксклюзив, благодаря которому, между прочим, девушку вскоре назначили заместителем главного редактора ее журнала – в тот самый день, когда пришло известие о смерти Джеда Мартена.

В съемочном оборудовании Джеда, хотя его описание и занимает несколько страниц, не было ничего сверхъестественного: штатив Manfrotto, полупрофессиональная видеокамера Panasonic,

которую он выбрал за необыкновенную светочувствительность матрицы, позволяющей снимать почти в полной темноте, и жесткий диск на два терабайта, подключавшийся к USB-порту видеокамеры…

Каждое утро в течение десяти лет (не считая вторников, когда он ездил за покупками) Джед загружал свое снаряжение в багажник «ауди» и рулил по, своей собственной частной дороге, пересекавшей из конца в конец его владения. Съезжать с нее было бы рисковым предприятием – за высокими травами, смешанными с колючим кустарником, сразу начинался густой лес с непроходимым подлеском. Следы тропинок, когда-то протоптанных в лесу, давно затерялись. Берега пруда, где низкая травка с трудом выживала на пористой почве, оставались единственным участком, куда могла еще ступить нога человека.

В его распоряжении был широкий ассортимент объективов, но он предпочитал Schneider Apo-Sinar, предоставлявший счастливую возможность получать максимальное фокусное расстояние в 1200 миллиметров, открывая диафрагму до 1,9, чего вполне хватало для кадра 24?36. Выбор темы «не подчиняется никакой заранее предрешенной стратегии», – несколько раз заверяет он журналистку; он «всего-навсего следует сиюминутному импульсу». Джед почти всегда пользовался самыми длиннофокусными объективами, сосредотачиваясь то на ветке бука, качавшейся вдалеке на ветру, то на пучке травы, на верхушке куста крапивы или на участке влажной рыхлой земли между двумя лужами. Поставив кадр, он подключал блок питания видеокамеры к прикуривателю у себя в машине, включал зажигание и шел домой пешком, двигатель же часами работал вхолостую, иногда весь остаток дня и последующую ночь, – объем жесткого диска позволял осуществлять беспрерывную съемку в течение недели.

Ответы, основанные на понятии «сиюминутного импульса», редко удовлетворяют печатные издания общеинформативного характера, и на этот раз тоже молодая журналистка пытается выспросить что-то еще; и все же, словно предвкушает она, съемка, произведенная в определенный день, неминуемо влияет на съемку последующих; таким образом мало-помалу вырисовывается и прорабатывается замысел. Ничего подобного, упорствует Мартен: утром, садясь за руль, он понятия не имел, что конкретно будет снимать; день на день не приходится. Это смутное время, уточняет он, длилось около десяти лет.

Обработка полученной картинки походила на монтаж, но монтаж особенный, в результате которого от трехчасовой съемки у него оставалось всего несколько фотограмм; но, в принципе, это был именно монтаж, благодаря чему получалась своеобразная, движущаяся с хищной грацией, растительная материя, мирная и безжалостная одновременно, – в западном искусстве это, пожалуй, самая удачная попытка представить мир в его растительной ипостаси.

Джед Мартин «забыл» – во всяком случае, он так утверждает, – что именно его побудило, после десятилетия, посвященного съемке растений, вернуться к изображению промышленных изделий: сначала мобильного телефона, потом клавиатуры компьютера, настольной лампы и так далее, – фотографируя на первых порах самые разные предметы, он понемногу сосредоточился исключительно на тех, что содержали электронные компоненты. Более всего впечатляют материнские платы отслуживших компьютеров, снятые без всякого указания на масштаб и похожие на странные футуристические цитадели. Он снимал все это у себя в подвале, на фоне нейтрального серого задника, который полностью выводился при монтировке кадров в видеозапись. Чтобы подхлестнуть процесс разложения, он поливал их раствором серной кислоты, которую закупал в бутылях, – обычно этот раствор, уточняет он, используют для выпалывания сорной травы. Затем он приступал, опять же, к монтажу, выбирая в отснятом материале отдельные фотограммы, далеко отстоящие по времени друг от друга; в результате получался эффект, не имевший ничего общего с обыкновенной ускоренной съемкой: процесс разложения, утрачивая свою постепенность, происходил стремительно, внезапными рывками.

Через пятнадцать лет такой съемки и монтажа у Мартена скопилось около трех тысяч довольно странных эпизодов, средней продолжительностью три минуты; но собственно творчество началось только потом, когда он приступил к поискам программы многократной экспозиции. Этот метод, использовавшийся на заре немого кино, уже практически не применяется в профессиональном кинематографе, равно как и в любительском видео, даже теми, кто работает в художественном поле; это считается старомодным спецэффектом, отжившим свой век декларированной нереалистичности. Потратив на поиски не один день, он все-таки нашел freeware* двойной экспозиции. Он связался с автором софта, живущим в Иллинойсе, и спросил, не согласится ли он, за деньги, само собой, разработать для него более полную версию своей программы. Они обговорили условия, и несколько месяцев спустя Джед Мартен получил в свое эксклюзивное пользование совершенно невероятный инструмент, не имеющий аналогов на рынке. Основанный на достаточно элементарных принципах, вроде эффекта слоев в фотошопе, он позволял накладывать до девяноста шести каналов видеозаписи, устанавливая для каждого в отдельности уровни яркости, насыщенности и контраста, а также последовательно передвигать их ближе к первому плану или погружать в глубину картинки. Собственно, благодаря этой программе он и добился долгих гипнотических планов, на которых разнообразные предметы словно погружаются в пучину, медленно увязая в бесконечно накатывающих пластах растительности. Иногда кажется, что они отчаянно барахтаются, стараясь выплыть на поверхность, но потом их все-таки уносит волна травы и листьев, и они снова окунаются в вегетативную магму, теряя оболочку и являя нашему взору микропроцессоры, блоки питания и материнские платы.

* Бесплатный софт.

Здоровье Джеда так ухудшилось, что он уже не мог взять в рот ничего, кроме молочных продуктов и сладкого. Он подозревал, что его, как и отца, погубит рак пищеварительного тракта. Обследования, проведенные в госпитале Лиможа, подтвердили его предположения, но он отказался от лечения, включавшего в себя облучение и прочие тяжкие процедуры, ограничившись поддерживающими препаратами, которые смягчали возраставшую к вечеру боль, и массивными дозами снотворного. Он составил завещание в пользу различных ассоциаций защиты животных.

Приблизительно в то же время он начал снимать на видео фотографии людей, которых знал когда-то, от Женевьевы до Ольги, включая Франца, Мишеля Уэльбека, отца и всех, в сущности, чьи изображения оказались у него под рукой. Он закреплял их на непромокаемом холсте нейтрального серого цвета, натянутом на металлическую раму, и снимал, выставив прямо перед домом, отдав их на сей раз на растерзание естественному разложению. Подвергаясь поочередно действию дождя и солнечного света, снимки вспучивались, подгнивали тут и там, потом расслаивались на отдельные фрагменты и за несколько недель исчезали без следа. И что еще любопытнее, он приобрел игрушечные фигурки, весьма схематично изображающие человеческие существа, и подверг их тому же испытанию. Человечки оказались более стойкими, и, чтобы ускорить процесс их вымирания, ему пришлось снова прибегнуть к помощи серной кислоты. Теперь Джед не ел ничего, кроме жидкой пищи, а по вечерам к нему приходила медсестра делать уколы морфия. Утром ему становилось лучше, так что он был в состоянии работать до последнего дня, часа по два-три.

Вот так Джед Мартен распрощался с жизнью, даже не успев окончательно к ней приспособиться. Теперь к нему возвращались образы из прошлого, и, как ни странно, хотя в его эротическом опыте не имелось ничего из ряда вон выходящего, чаще всего это были образы женщин: Женевьева, милая Женевьева, и несчастная Ольга преследовали его во сне. Он вспомнил и Марту Тайфер, пробудившую в нем желание на балконе в Пор-Гримо в то мгновение, когда, расстегнув лифчик от Lejaby, она обнажила грудь. Тогда ей было пятнадцать

лет, а ему тринадцать. В тот же вечер он онанировал в туалете ведомственной квартиры отца, выделенной ему для наблюдения за строительными работами, и удивился, что этот процесс доставил ему такое удовольствие. В его памяти возникали и другие нежные грудки, проворные язычки и узкие вагины. Ладно, не так уж плохо он прожил свою жизнь.

Лет тридцать тому назад (в этом пассаже его интервью «Арт-пресс» он единственный раз отвлекается от чисто технических объяснений) Джед совершил поездку в Рурскую область, где была организована широкомасштабная ретроспектива его творчества. От Дуйсбурга до Дортмунда, а также в Бохуме и Гельзенкирхене значительную часть заброшенных металлургических заводов переоборудовали в театры, выставочные и концертные залы, кроме того, местные власти, воссоздавая условия жизни рабочих начала XX века, попытались организовать индустриальный туризм. Действительно, этот регион с его доменными печами, пришедшими в запустение железнодорожными путями, на которых безнадежно ржавели товарные вагоны, и рядами вылизанных стандартных строений, оживленных тут и там садовыми участками, очень был похож на музей первой индустриальной эры в Европе. Тогда Джеда потрясли угрожающие лесные заросли, со всех сторон окружившие заводы всего-то за какую-нибудь сотню лет их бездействия. Отремонтировали только те из них, которые можно было приспособить к новому культурному предназначению, остальные понемногу превращались в развалины. Эти промышленные гиганты, некогда символы производственной мощи Германии, теперь ветшали и рушились, а травы, захватив бывшие цеха, пробирались уже между руинами, постепенно оплетая их непроходимыми джунглями.

Таким образом, творчество Джеда Мартена в последние годы жизни проще всего рассматривать как ностальгические раздумья о закате индустриальной эпохи в Европе и – в более широком смысле – о тленном и преходящем характере любого творения рук человеческих. Этой интерпретации, впрочем, недостаточно, чтобы описать тягостные ощущения, охватывающие нас при виде этих умилительных человечков типа плеймобилевских, затерявшихся на просторах бескрайней и абстрактной футуристической территории, которая сама тоже крошится и расслаивается, будто растворяясь в необъятном, уходящем в бесконечность растительном пространстве. Нельзя не испытать и чувства горечи, наблюдая, как изображения людей, сопровождавших Джеда Мартена в его земной жизни, разлагаются под воздействием непогоды, гниют и, наконец, распадаются, представая в последних эпизодах неким символом тотальной гибели рода человеческого. Вот они тонут, вдруг начинают бешено барахтаться, но через мгновенье задыхаются под постоянно прибывающими ботаническими пластами. Потом все стихает, только травы колышутся на ветру. Полное и окончательное торжество растительного мира.

Слова благодарности

Обычно мне некого благодарить, потому что я редко занимаюсь подбором материалов для работы, даже очень редко по сравнению, скажем, с американскими авторами. Но в данном случае я был поражен и заинтригован полицией, и мне показалось, что пора изменить своим правилам.

Я с удовольствием благодарю Терезу Кремизи, которая очень помогла мне, а также начальника канцелярии Анри Моро и майора полиции Пьера Дьепуа, любезно принявших меня на набережной Орфевр и сообщивших множество ценных подробностей о своей трудной работе.

Само собой разумеется, я свободно обращаюсь с фактами и за высказанные здесь мнения несут ответственность только персонажи, которые их высказывают; короче говоря, речь идет о

сугубо художественном произведении.

Я также благодарю Википедию (http://fr.wikipedia.org) и ее авторов, чьи статьи, в частности о комнатной мухе, городе Бове и Фредерике Ниу, служили мне порой источником вдохновения.

Topreading.ru